

Библиотека альманаха «Тобольск и вся Сибирь»

ПОЭЗИЯ БЕЛОЙ СТОЛИЦЫ

Стихи поэтов Омска
1918–1919

ПОЭЗИЯ БЕЛОЙ СТОЛИЦЫ

Стихи поэтов Омска
1918–1919

Общественный
благотворительный фонд
«Возрождение Тобольска»,
Омский региональный общественный фонд
«Духовное наследие»
Тобольск
2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)53-5
П67

Общественный благотворительный фонд
«Возрождение Тобольска»,
Омский региональный общественный фонд
«Духовное наследие»

Редактор
Ю.П. Перминов

Составление
В.И. Хомяков, И.Г. Девятьярова

В поэтическую антологию «Поэзия Белой столицы» вошли избранные стихи поэтов, оказавшихся во время Гражданской войны в Омске. Это первое издание, посвященное забытой странице истории сибирской литературы. Книга дополнена приложениями и иллюстрациями, позволяющими ярче представить картину культурной жизни того времени, когда Омск на короткий период стал Белой столицей России.

©
Общественный
благотворительный фонд
«Возрождение Тобольска»,
2016

©
Омский региональный
общественный фонд
«Духовное наследие»,
2016

©
В.И. Хомяков, И.Г. Девятьярова,
составление,
2016

©
В.Е. Валериус,
художественное оформление серии,
2016

©
Г.И. Метченко,
художественное оформление книги,
2016

ISBN 978-5-98178-099-8

«Не развестъ межой...»

В гражданской войне нет ни безусловно правых ни безусловно виноватых, есть только убитые соплеменники... Есть ли сейчас в России противники данного утверждения, судить не берусь, но если они есть, то никуда не ушла от нас гражданская война, она продолжается. Так вот, какие бы ни были несправедливости, неправды соделаны с обеих сторон чуть менее века назад, внутренне нужно знать и помнить, что гражданская война – это война по сути дела на духовное уничтожение народа, на его духовный слом. А как иначе воспринимать тот факт,

что из русской культуры на десятилетия были вычеркнуты многие поэтические имена? Их творческое наследие было недоступно нескольким поколениям соотечественников, которые в итоге забыли про не менее значимых выразителей русской души, не менее талантливых певцов России...

Поэтов поделили на «своих» и «чужих», но разве в груди последних не бились русские сердца, искренне любящие Родину, и в их венах не текла русская кровь, помнящая подвиги наших великих предков?

Это самое страшное – раскол соотечественников на «своих» и «чужих». Раскол, до сих пор не изжитый, в том числе и в литературе.

Строки Марины Цветаевой, написанные в те уже далекие, страшные годы гражданской войны, заставляют и сегодня задуматься:

*Все рядком лежат –
Не развестъ межой.
Поглядетъ: солдат.
Где свой, где чужой?
Белый был – красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был – белый стал:
Смерть побелила.*

А как можно было «развесть межой» русских поэтов? Выбросить из русской литературы имена Несмелова, Вяткина, Маслова?..

Не развели, как ни старались. Не выбросили, как ни хотели. Но разве не было у нас ощущения хотя бы, что есть во времени зияющая пустота, что она – не на обочине, и если уж, как сказал Ксенофонт, история развивается по спирали, то рано или поздно эта пустота нас и поглотит?

Да, наследие наиболее значительных поэтов, коих относили к Белому движению, уже переиздано, но десятилетия замалчивания их имен придвинули всех нас к самому краю пустоты, у которой есть ещё и другое название: беспамятство.

Да, Сибирь помнит и бережно чтит своих писателей, создававших ее духовную и интеллектуальную атмосферу. В ней, как в материнской плаценте, живут и дышат проза и поэзия Виктора Астафьева и Валентина Распутина, Павла Васильева и Леонида Мартынова – немало имен можно привести в качестве примера, но нельзя помнить «избранно», из понимания чего и следует главная задача Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» – соединять разорванное культурное, историческое, литературное пространство и время Сибири, ибо здесь, как во всей России, нет и не может быть никакой пунктирной линии, а есть только нескончаемый живой свет отечественной словесности.

Потому-то и радостно было узнать о появлении в Омске Регионального общественного фонда «Духовное наследие» стараниями Леонида Константиновича Полежаева, о полной совместимости наших задач, что не могло не подвигнуть нас на реализацию уже совместных издательских проектов. Потому-то и окрепло, обострилось ощущение: в нашей все еще отравленной среде обитания стал отчетливо заметен стрежень духовного возрождения России. Он не превратился еще в общенациональный Гольфстрим. Но, видит Бог, нами делается все, чтобы приблизиться и слиться с ним.

И сейчас, дорогие читатели, перед вами книга, посвященная поэзии Белого Омска, сложного и трагического периода нашей истории, когда шла «неутомимая война... как пахарь, жертву собирая» (графиня Н. Подгоричани, «Шагами мерными ступая...»).

Долгие годы в силу известных причин культура и литература этого времени были представлены однобоко и неполно. В 1918–1919 гг. Омск на короткое время становится центром Белого движения Сибири и Урала и временной столицей Рос-

сийского государства. «Белая столица» притянула к себе многих писателей. Здесь жили и творили Несмелов, Вяткин, Славнин, Сопов, Маслов и многие другие, печатавшие свои произведения в сибирских газетах и журналах, таких как «Заря», «Наша заря», «Русская армия», «Русский воин», «Русь», «День солдата», «Единая Россия», «Иртыш», «Русская армия» и т. д.

И сегодня мы, совместно с фондом «Духовное наследие», делаем первую попытку восстановления полноценной, без изъятий, картины литературного процесса тех лет.

И только теперь, наверное, можно сказать, что та, прежняя, гражданская война заканчивается...

*Аркадий Елфимов,
председатель Общественного благотворительного
фонда «Возрождение Тобольска»*

Новые страницы ушедшего времени

*Замело тебя счастье снегами,
Унесло на столетье назад,
Затоптало тебя сапогами
Отступающих в вечность солдат...*

Георгий Иванов

Время имеет одну историю для победителей, другую историю для побежденных, время собирает заново из осколков событий достоверность, в которой возникают люди, о которых мы мало что знаем и вообще ничего не знаем. Это в большей степени относится к нашей отечественной культуре, и прежде всего русской культуре, из которой были вычеркнуты десятки и сотни имен. Творческое наследие которых неизвестно до сих пор, но которые достойны быть в памяти людей, для которых история страны, ее культура неразрывны во времени. Для них, как и для «своих», также дорога была Родина, они были не менее талантливы, в них жила русская душа, хорошо знающая историю, культуру и литературу своих предков. Они исчезли не по своей воле и никто не успел всмотреться в их лица, вчитаться в

их литературу и поэзию. В той стране, в которой они были нужны, им было отказано. Страна жила другой историей, другим прошлым, другим настоящим, другой культурой и поэзией. Но значит ли, что имена Вяткина, Несмелова, Маслова, Пантелеймонова... несопоставимы с именами великих сибирских поэтов и прозаиков Астафьева, Мартынова, Павла Васильева и других? Нет, у них одни корни, одна созвучная душа в едином неразрывном времени.

Но теперь настало их время, теперь, когда многим кажется, что они остались за чертой земного круга, наступает их время. Время носителей исторических ценностей своего таланта, своего достоинства, идеалов свободы и чести. Вчитываясь в строки их трудов и произведений, удивляешься, насколько они современны, порой кажется, что они написаны не для современников, а для нас и нашего времени. Такого же мягущегося, как много лет назад. Они вернулись к нам из той кромешной мглы времени, потому что Россия еще не сложилась и вновь ищет себя, свою историческую идентичность.

Изданием этой антологии мы хотели бы вернуть несомненные ценности литературного Омска тех лет, воссоединить хотя бы одну из множества нитей разорванной некогда истории нашего отечества. Тем более что история Омска и Сибири периода Гражданской войны недостоверна, не дописана и лишена государственной ответственности.

Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска» – инициатор издания антологии «Поэзия Белой столицы», совершил настоящий гражданский поступок, обратившись к теме трагического периода нашей истории. Открывая новые страницы ушедшего времени, мы, несомненно, обогащаем свою память и свое сознание, мы отдаем должное поколению творческой России начала XX века. Имена людей, писателей, поэтов необходимы нашей национальной памяти. Они были такими, мы их теперь знаем. Как бы ни развивалась наша история дальше – они с нами, они были такие же, как и мы, они ошибались, были не всегда разумны, но щедры и искренни в своих размышлениях. В них было все то, что определяет открытую душу русского человека.

Читайте, размышляйте, помните.

*Леонид Полежаев,
президент общественного благотворительного
фонда «Духовное наследие»*

Культурная жизнь Белой столицы. Омск, 1918–1919 годы

Белая столица

Во время Гражданской войны Омск был одним из основных центров антибольшевистского движения. В ноябре 1918 г. он стал местом пребывания Российского правительства. Здесь же находилась резиденция Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. Небольшой провинциальный город на Иртыше приобрел в это время всемирную известность. Над омскими крышами реяли флаги союзных и дружественных держав. Чиновники различных министерств и ведомств, представители английской, чешской, сербской, японской и американской армий, крупная российская профессура, журналисты, музыканты, актеры и прочая невиданная доселе публика заполнили центральные городские улицы. Приметы столичной жизни были видны во всем, в том числе и в изобилии продовольствия на базарах и в магазинах.

Осенью 1918 г. в Омск хлынул поток беженцев из взятых частями Красной Армии городов Поволжья, затем Урала. Под страхом неминуемых расправ люди покидали родные дома и бежали на восток, в глубь страны. Казалось, «вся Россия поднялась с веками насиженных мест, встала на колеса, села на сани, вышла на рельсы, на снег и побежала из краев, охваченных огнем кровавой борьбы, стремясь достигнуть тех мест, где еще сохранялся мир, прихватив с собой упрощенные реликты государства, церкви, бытового порядка, свою тишину в душах и ясность ума...», – писал участник событий /1/. Беженцы верили, что именно Колчак способен победить хаос и спасти Россию от братоубийственного кошмара. Писатель Леонид Андреев, брат которого, Андрей (псевдоним Болховской), служил в армии Верховного правителя, писал: «...в Колчака я твердо верю. Единственный, кто» /2/.

В числе прибывших в Омск гражданских лиц и военных было немало представителей культуры, благодаря чему художественная жизнь города в значительной мере оживи-

лась. Обзор художественных событий, отраженных в газетах и архивных материалах, опровергает бытовавшее многие годы мнение о пресловутых «тисках режима» в Омске 1918–1919 гг. Повышенный интерес к искусству в то смутное, тревожное время отмечается всеми мемуаристами. Главная тема художников, поэтов, актеров, музыкантов в изгнании – Россия. О ней постоянно писали на страницах омских газет и журналов, она присутствовала в спектаклях, русская тема звучала на музыкальных вечерах. В дни, полные страданий, культура по-прежнему утверждала приоритет общечеловеческих ценностей, давала внутреннюю силу для преодоления жизненных тревог.

«Приют благородных муз»

Оказавшись вдали от дома, беженцы стремились обрести круг единомышленников и находили его не только среди земляков, но и деятелей омской культуры.

Крупным объединением города было основанное в мае 1916 г. Общество художников и любителей изящных искусств Степного края (далее – Общество) с его главной целью – созданием художественно-промышленного училища памяти М.А. Врубеля (Худпрома) и музея. В апреле Общество организовало большую Весеннюю выставку. Наряду с омскими авторами в ней приняли участие и вновь прибывшие художники. Политические события нашли отражение, например, в графических символических листах сибирского писателя А.С. Сорокина, а также в работах латышских художников К.А. Балтгайлеса и И.З. Нерера. Особый раздел выставки составили рисунки и эскизы Государственного герба и орденов Возрождения России и Освобождения Сибири. Варианты эскизов герба были использованы на некоторых документах, на новых выпусках денежных банкнот, а также на обложке первого и второго номеров еженедельного журнала «Единая Россия», изданных в Омске в 1919 г. Решение об открытии училища уже осенью текущего года было принято в июле 1919 г. на совместном совещании представителей Общества художников и учебного отдела Министерства торговли и промышленности.

Неформальным культурным центром в Омске, где бывали приезжие литераторы, стал в эти драматические дни гостеприимный дом А.С. Сорокина, «короля сибирских писателей» /3/. Встречаясь с интересным человеком, Антон Семенович всегда приглашал его к себе домой на Лермонтовскую

Здание Омского политехнического института на Костельной улице (за Ильинской церковью). Здесь в марте 1919 г. выступал с лекциями-диспутами Д.Д. Бурлюк, в апреле открылась Весенняя выставка «Общества художников и любителей изящных искусств Степного края». Не сохранилось. Фото 1920-х гг.

улицу. «Оценивая творчество и деятельность Антона Сорокина, – напишет позднее Н.Н. Мартынов, – нельзя забывать главного – его общественной роли организатора литературной жизни в Омске. Через его скромную квартиру вышли в большую жизнь Вс. Иванов, Л. Мартынов, М. Никитин, С. Марков, П. Васильев...» /4/. Красноречивы и воспоминания о вечерах в доме Сорокина писателя Николая Анова, приехавшего в Омск осенью 1918 г.: «Состав слушателей был самый разнообразный. Рядом со мной сидел будущий знаменитый писатель Всеволод Иванов, его Антон Семенович называл и рекомендовал незнакомым гостям как “сибирского Горького”. Наискосок – юноша в студенческой тужурке, поэт Юрий Сопов. Выделялся длинными седыми усами военный фельдшер, отец позднее известного писателя Александра Павловича Оленича-Гнененко. Кстати сказать, он тоже писал стихи. Если не ошибаюсь, тогда я впервые увидел поэтессу графиню Подгоричани. Возле нее почтительно сидел поэт Игорь Славнин, не сводивший с красивой, нарядной грузинки глаз» /5/. В числе завсегдатаев сорокинских собраний по субботам и воскресеньям были писатель Сергей Ауслендер,

Плакат Третьей весенней выставки Общества художников и любителей изящных искусств Степного края. 1919. Омский областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля

устроивал экспозиции прямо на городских заборах, вызывая возмущение благопристойных горожан. Иронично об этом сообщала «Наша газета»: «По городу некий Антон Сорокин, национальный сибирский писатель, расклеил по заборам автопортреты и расписанные чьим-то хвостом рисунки» /6/.

По понятным причинам в советское время все, кто побывал в колчаковской столице и уцелел в страшных перипетиях Гражданской войны, скрывали факт пребывания в Омске, и тем более службы в ведомствах и армии Верховного правителя. Об этом редко упоминалось в анкетах и автобиографиях, и то с самыми туманными формулировками. Восстановить имена художников, прибывших в Омск из других городов и находившихся здесь какое-то время, сегодня можно по материалам периодики и архивным источникам, а также мемуарам, изданным за рубежом в 1920–1930-е гг. и в России за последние два десятилетия. В их числе – авторы плакатов и иллюстраций для сибирских газет и журналов П.П. Беньков, Л.А. Бруни, А. (отчество неизвестно) Корноухов, Д.П. Моцевитин, В.А. Яковлев, М.Н. Яковлев. Иллюстратор и пейзажист, член Союза русских художников М.Н. Яковлев оформил обложки двух номеров еженедельника «Отечество». Гравюры на дереве изображают героев, призванных поднять патриотический дух читателей, – св. Георгия и скачущего на коне казака, поражающего пикой врага. В этих работах заметно

поэт Георгий Маслов, начальник типографии походной колчаковской газеты «Вперед», в будущем исторический писатель, Василий Янчевецкий (Ян), журналист и художник Алексей Громов (Матвеев), известный под псевдонимом «Принцесса Греза». Имена многих своих друзей и знакомых этого времени А.С. Сорокин включил в произведение «Тридцать три скандала Колчаку», над которым работал уже в 1924 г.

А.С. Сорокин был и своеобразным художником, не имея при этом специального образования. Его пронизанные мистическими настроениями рисунки и акварели иногда экспонировались на выставках местного Общества художников и любителей изящных искусств Степного края. Когда же ему отказывали, он, используя опыт футуристов,

А.М. Громов. Антон Сорокин – гений Сибири. 1918. Бумага, акварель, тушь. Омский музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля

влияние народного искусства – крестьянского лубка и деревянной скульптуры. Летом 1919 г. в обстановке начавшихся неудач на фронте агитационные плакаты стали наиболее востребованным жанром. Их выпуском занималось Русское бюро печати (РБП), а также осведомительный отдел при штабе Верховного главнокомандующего (Осведверх). Чаще всего плакаты были черно-белыми, графичными, что объяснялось отчасти отсутствием красок и скудными возможностями («Вперед на защиту свободной Сибири», «Федеративная советская монархия», «Вот он! Винновник пыток и смертей...»). Как правило, плакаты анонимны, лишь на некоторых в правом нижнем углу проставлены в круге инициалы АК – вероятно, Андрей Корноухов. Иногда для усиления выразительности в плакат вводилась красная краска («За Русь!», «Армия – вот кто борется против этой хищной и кровавой руки большевика...», «Последняя борьба»). В целом по своему художественному качеству омские плакаты уступали большевистским. Причина тому – не только отсутствие материалов. Среди беженцев не было художников, специализирующихся именно на плакатах. Среди их авторов, помимо уже упомянутого художника Осведверха Андрея Корноухова (сегодня известно только его имя), можно назвать А.М. Громова (он же Матвеев), подписавшего плакат «Лихая работа красной интернациональной армии Ленина и Троцкого» псевдонимом Аргус. Московский журналист и график, автор выразительных рисунков и карикатур, он приехал в Омск весной 1918 г. и короткое время работал редактором газеты «Известия Омского Совета рабочих и солдатских депутатов», а также сотрудничал с газетой «Сибирская речь», освещая культурные события.

Вот что вспоминал (то от первого, то от третьего лица) А.С. Сорокин: «Запахавшись, прибегает Матвеев в десять часов вечера. – Я только что от Колчака. Немедленно расклеить утром плакат о взятии Петрограда Юденичем. Отрезает у меня с пола кусок линолеума и убегает. Петроград взят не был. А плакатов было изготовлено десять тысяч. Когда Матвеев попросил деньги за плакаты о взятии Петрограда, Колчак затопал ногами и закричал: – Вон, мерзавец, – и прибавил излюбленное морское ругательство. Антон Сорокин утаил этих плакатов около пяти-сот и отдал расклеить мальчишкам, а сам сбросил плакатов сто с галерки театра. Ликование было необычайное, пели “Боже, царя храни...” Кричали “Ура”. Матвеев едва-едва выпутался из этой истории» /7/. Трудно судить, что здесь правда, а что вымысел, но по этим воспоминаниям вполне можно получить представление о сложностях работы художника в те дни.

Поэзо-вечера Давида Бурлюка

В самый разгар Гражданской войны «отец российского футуризма» отправился в турне по востоку России. Его футуристические гастроли с выставкой картин московских и петроградских художников и поэзо-концертами проходили по пути от Башкирии до Владивостока. Сопровождали маэстро художник Е.Д. Спасский, его брат поэт С.Д. Спасский и примкнувший в Златоусте поэт Б.Д. Четвериков.

В марте 1919 г. Бурлюк приехал в Омск. Организуя выставку в очередном городе, он всегда включал в ее состав работы местных художников. На этот раз в их числе оказался писатель и художник-любитель В.Г. Янчевецкий. Известный к тому времени как путешественник, знаток и исследователь культуры Востока, он экспонировал на выставке композиции «Восточный сон», «Танец скифских девушек», «Игра света», «Перед восходом солнца». К поэзо-концертам привлек Бурлюк и омских литераторов. Анонсы вечеров были представлены на первых полосах омских газет: «Сегодня в 8 1/2 час. вечера состоится 1 грандиозно-экстраординарная лекция – Вечер Грандиозар. Выступят поэты и поэтессы. Состоится диспут о новой жизни и новом искусстве. Эстрада: всем известный художник и поэт – отец российского футуризма знаменитый Давид Бурлюк, Б. Четвериков, С. Спасский и др.» /8/. «Почтите память Врубеля. Ознакомьтесь с душой века – футуризмом», – призывал Бурлюк омичей. Пожертвовать часть дохода от выступлений в фонд будущего Худпрома,

Д.Д. Бурлюк. Портрет Антона Сорокина. 1919. Картон, графитный карандаш, акварель. Омский музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля

безусловно, убедил гостя его давний добрый знакомый по Уфе врач и общественный деятель, один из учредителей Омского отдела Союза возрождения России и член Общества художников В.И. Ишерский. Надо сказать, что одной из самых притягательных для омичей форм деятельности Союза возрождения были «Вечера о России», проходившие в Гарнизонном собрании (в советское время – Дом офицеров). На этих вечерах звучала музыка русских композиторов, народные песни, стихи и проза молодых литераторов, организовывались беседы по искусству. Средства, вырученные от продажи билетов, поступали в фонд помощи раненым и возвращающимся с фронта. О выступлениях компании Бурлюка оставил яркие воспоминания Виктор Уфимцев: «Алексей Николаевич Клементьев называл футуристов шарлатанами и рассказывал об их шумных скандалах в Питере и в Москве. Он советовал ухо держать востро, и мы подготовились основательно. – Не дадим издаваться над чистым искусством! Набив кар-

маны всякой дрянью, отправились на лекцию Бурлюка. В зале, завешенном чудовищными картинами, заняты были все места. Наружность у футуристов была вызывающе необычна. Малиновые с разводами жилеты под черными скюртуками, деревянные ложки в петлицах, на лицах – у кого рыба, у кого собака, у кого треугольник. <...> Бурлюк не читал стихи, он бросал их, бросал, как кирпичи, и смотрел единственным глазом на обалдевшую аудиторию. Сладким и жидким голосом он читал Пушкина:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв.
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

И вдруг громовым басом взревел: – Нет! Мы рождены не для звуков сладких, не для вдохновенья и молитв, а именно для битв! При этом он так грохнул кулаком по столу, что вода из стакана ракетой взлетела в потолок. С вечера я ушел футуристом, и мои взгляды на святое, чистое искусство с этих пор изменились» /9/.

Литературно-художественный кружок

Ведущее место среди появившихся в Омске новых творческих объединений принадлежало созданному в декабре 1918 г. под крылом местного отдела Союза возрождения России литературно-художественному кружку. Профессор Казанского университета Б.П. Денике записал в дневнике 16 октября 1918 г.: «Встреча с Г.В. Масловым. В декабре знакомство с Кирьяковыми и литературные вечера. С.А. Ауслендер, А.И. Булдеев, Н.Н. Каменский. Омский Литер[атурно]-худож[ественный] кружок» /10/. По сути, здесь названы все организаторы кружка, который часто называли «Единая Россия», а иногда «Зеленая лампа». Языковед Б.В. Горнунг рассказывал, что само название «Зеленая лампа» идет от кружка, образованного в предреволюционные годы в Царском Селе поэтом Г.В. Масловым по примеру знаменитого литературно-театрального общества пушкинской поры и возрожденного им в первые годы революции в Омске /11/. Заседания кружка проходили в здании Союза кооперативных объединений Западной Сибири «Центросибирь» на Гасфортовской улице (сейчас – К. Либкнехта) в комнате № 16. С июля 1918 г. здесь размещалась штаб-квартира омского отдела Союза возрождения России, имевшего целью борьбу с большевизмом. Председателем кружка стала московская журналистка Л.В. Кирьякова. На заседаниях читали свои произведения местные литераторы Георгий Вяткин, Всеволод Иванов, Александр Оленич-Гнененко, Юрий Сопов, а также прибывшие в Омск из разных городов России поэты и писатели Нина Подгоричани, Игорь Славнин, Валерий Язвицкий, Борис Четвериков, Георгий Маслов. Сергей Ауслендер на одном из заседаний познакомил любителей поэзии с последней поэмой А.А. Блока «Двенадцать», назвав ее «гениальным изображением нашей смятенной эпохи».

Широкое распространение в это время получили лекции о русской культуре. Будущий известный советский скульптор И.Д. Шадр (Иванов) рассказал о своем понимании искусства как способа выражения больших социальных идей и в качестве подтверждения этой идеи изложил историю работы над проектом архитектурно-скульптурного ансамбля «Памятник мировому страданию», посвященного трагической теме войны: проект 1916 г. осуществлен не был /12/. Н.М. Тарабукин прочитал участникам кружка лекцию о значении изобразительного искусства и методах его интерпретации. Позднее он написал лучшую из имеющихся книг о М.А. Врубеле. Можно предста-

вить, с каким благоговением искусствовед входил под своды крепостного храма, в котором крестили младенца Михаила, и как пытался отыскать дом, где прошло раннее детство будущего великого художника. Блестящий эрудит, знаток мировой культуры, изучавший искусство в лучших музеях Европы, Б.П. Денике знакомил слушателей с историей русской иконописи, искусством итальянского Возрождения и даже с архитектурными памятниками Тобольска и Омска, открывая для сибиряков неизвестные страницы истории их родного края. В Омске он был избран экстраординарным, то есть сверхштатным профессором Омского политехнического института, читал лекции по искусству. Совет Министров Российского правительства поручил Денике проработать вопрос об открытии в Сибири Академии художеств /13/.

Участником омского литературного кружка был и профессор Казанского университета П.Л. Драверт – исследователь Сибири, геолог, метеоритолог, поэт. В 1918 г. он редактировал в Казани номер однодневной антибольшевистской газеты «Народная Армия», которую местная интеллигенция города выпустила в поддержку новой власти /14/. В сентябре 1918 г., накануне взятия Казани красными частями, Драверт, опасаясь расправ, вместе с другими коллегами спешно отправился в Сибирь и навсегда остался в Омске, связав с ним свою научную и литературную деятельность. Бывали на заседаниях кружка выпускники Казанского университета литератор В.И. Язвицкий и Е.И. Шамурин, в будущем крупный книговед. В августе 1918 г. Шамурин был мобилизован в Народную армию Комуча (Комитета Учредительного собрания) как прапорщик запаса и назначен в Казанское инженерное управление делопроизводителем. Управление затем было эвакуировано в Самару и Омск. В Омске с весны 1919 г. Шамурин перешел на работу в литературно-художественный отдел газеты «Русская армия», на страницах которой под псевдонимом Е. Белов публиковал рассказы и статьи по литературе и искусству /15/. На заседаниях литературного кружка бывала и правнучка поэта Евгения Боратынского О.А. Боратынская-Ильина, публикации стихов которой, возможно, еще будут обнаружены в омских газетах Белой столицы /16/. Она покинула Казань в многотысячном потоке беженцев 9 сентября 1918 г. с двухнедельным ребенком на руках. В Белой Армии находились ее муж и братья. Неизменным участником всех заседаний кружка был писатель А.С. Сорокин. О его выступлениях с большой долей иронии отзывался журналист А.М. Громов (Аргус) в газете «Сибирская речь».

Одно из собраний кружка, организованное совместно с редакцией журнала «Единая Россия», было посвящено памяти трагически погибшего поэта Юрия Сопова /17/.

Два последних литературных вечера проходили в артистических подвалах, художественное оформление которых связано с именем талантливого художника Л.А. Бруни. Летом 1919 г., уже в то время, когда в связи с неудержимым наступлением красных в городе была объявлена эвакуация, он приезжает в Омск с женой Ниной Константиновной, дочерью поэта К. Бальмонта. Из ее воспоминаний известно, что в Омске Лев Александрович получил заказ на роспись артистического кафе «Берлога», где хотел написать допотопных зверей и чудовищ похотим на сграффито методом, пробивая штукатурку на контурах. Но этой работы он сделать не успел /18/. Между тем, в субботу 13 сентября, в подвале дома на углу Первого взвоза (сейчас Краснофлотская) и Гасфортовской улицы (К. Либкнехта) кабаре открылось. Свои стихи читали поэты Г.В. Маслов, А.М. Воцакин, П.А. Волков и Н.Я. Шестаков, выступила и замечательная певица, исполнительница старинных романсов и русских песен М.А. Каринская /19/.

Во время недолгого пребывания в Белой столице Лев Бруни сделал занавес для кабачка «Русская избушка», названного А.С. Сорокиным в одной из новелл-скандалов «театром Льва Бруни» (в публикациях ошибочно «театр Левобруни»). Стены кабачка художник оформил плакатами-картинами, вероятно, в популярном русском стиле. На открытии «Русской избушки» также выступила М.А. Каринская, говорившая о преимуществе национального искусства и народной песни над проявлениями декадентства /20/.

Забегая вперед, следует отметить, что омские литературные собрания 1919 г. получили свое продолжение в Москве советской, о чем осенью 1922 г. Б.П. Денике сделал краткую запись в дневнике: «В конце сентября возвращение С.А. Ауслендера и переезд в Москву. 1 октября. Переезд на Таганку (Б. Алексеевская). «Зеленая лампа» (продолжение вечеров у Кирьяковых). Участники: С.А. Ауслендер, супруги Кирьяковы, Гладенко, В.И. Мозалевский, Ю.Л. Слезкин, А.И. Венедиктов, [Е.А.] Галати, [Д.М.] Стонов, Н.Я. Шестаков, [М.А.] Булгаков, был поэт [Вс.А.] Рождественский» /21/. Участвует в кружке «Зеленая лампа» и Е.И. Шамурин, перебравшийся в 1922 г. в Москву после недолгого пребывания в Томске. Скорее всего, именно здесь у него зародился замысел антологии русской лирики начала XX в. /22/ Эти литературно-художественные вечера, про-

водившиеся под гостеприимной «Зеленой лампой» (абажуром) в квартире журналистки Л.В. Кирьяковой на Малой Дмитровке, обернулись для нее трагедией. В июне 1927 г. она была арестована и выслана на 3 года в Архангельскую область вместе с 18-летней дочерью /23/.

Стихи в омской периодике. «Омский Парнас»

В омской прессе колчаковского периода печатались как произведения профессиональных литераторов, так и любителей, впервые взявших за перо и нередко скрывавших свое имя за псевдонимами. В жанровом отношении поэзия была весьма многообразна: поэмы, элегии, сонеты, послания, стихотворные сатиры, гимны и т. д.

Одним из представителей когорты поэтов-белогвардейцев был Георгий Маслов. В свое время он получил прекрасное образование на историко-филологическом факультете Петербургского университета, принимал активное участие в знаменитом Пушкинском семинарии проф. С.А. Венгерова, был автором блестящих литературоведческих статей (некоторые опубликованы посмертно), печатал стихи в петербургских журналах и сборниках.

Из воспоминаний журналиста Л. Арнольдова: «...самым талантливым среди нас был Георгий Маслов: душа этого юного поэта, почти мальчика, который молод был даже для своей студенческой тужурки поверх защитных галифе, отошла в небытие в страдные дни отступления от Омска. Маслов скончался в Красноярске, от сыпного тифа. Звезда его таланта и года не горела на небосклоне омского Парнаса, но он успел все-таки напечатать поэму «Аврора», его стихи печатались в лучших омских газетах и потом долго, несколько лет, перепечатывались, после великого отступления в газетах Харбина и Владивостока. Прирожденный мастер стиха, нежно и трепетно влюбленный в тридцатые годы прошлого века, он был бы украшением всероссийского литературного Пантеона, если бы не кровавая революция, не знавший пощады сыпняк. Парнасец и пластик, Георгий Маслов вдохновенно собирал мед с цветов русской поэзии. Юноша с едва пробивающимся пухом на верхней губе, он был уже не «начинающим» и «подающим надежды», а законченным мастером /24/.

1918–1919 гг. являются временем наивысшего расцвета таланта Георгия Маслова. Его стихи, лирические миниатюры в прозе, статьи появляются в газетах и журналах, в частности в

газетах «Сибирская речь», «Наша заря», «Заря», «Наша газета», в журнале «Отечество». В этот период Маслов издает пьесу «Дон Жуан», работает над поэмой «Аврора». Поэт «активно участвует в культурной жизни Омска. Бывает на заседаниях литературно-художественного кружка, где читает свои стихи, делает доклады на литературные темы, участвует в обсуждениях. Газеты того времени охотно публиковали отчеты о заседаниях кружка. В них то и дело мелькала фамилия Маслова» /25/.

В книге воспоминаний «Воздушные фрегаты» Л.Н. Мартынов утверждал, что Георгий Маслов был «самым просвещенным, мыслящим, интеллигентным из подвизавшихся в белом стане поэтов». О знакомстве с ним летом 1919 г. Мартынов написал в новелле «Пушкинист и футурист» /26/. Перед летними каникулами классный наставник попросил Леонида принять участие в сборе книг для формирования госпитальных библиотек. Объявление с призывом пожертвовать для раненых и больных воинов деньги, табак, белье и книги появилось в однодневной газете «День солдата», выпущенной 4 августа Отделом Печати при управлении делами Российского правительства /27/. Отсюда становится известно и место приема литературы: Гасфортовская улица, дом «Треугольника», то есть напротив бывшего дома Страхового общества «Саламандра», куда временно перебазировалась Омская мужская гимназия. В здании «Треугольника», где зимой 1918–1919 гг. проводились собрания литературно-художественного кружка, в летние месяцы, к тому же в условиях военных неудач, прекратили заседания, но здесь квартировала их организатор, секретарь Л.Ф. Кирьякова, и сюда по-прежнему приходили поэты и писатели. Здесь среди книг Маслов и увидел любознательного гимназиста, погруженного в чтение повести Михаила Кузмина «Крылья». Перед ним лежал сборник «Восемьдесят восемь современных стихотворений», указав на который, Маслов не преминул заметить, что в нем есть и его стихи. В беседе выяснилось, что образованный начитанный подросток знаком с поэзией Кузмина, Блока, Маяковского, знает и стихи самого Маслова. Поэт горячо рекомендовал забрать книгу себе и вообще взять все, что нравится, добавив при этом: «Знаете, все равно эти книжки пойдут в прорву! Все пойдет в прорву! Культура гибнет!» /28/.

Встреча с первым настоящим поэтом произвела на Леонида сильное впечатление, и весь следующий день он провел в городской библиотеке, где тщательно просмотрел все комплекты газет со стихами Георгия Маслова. Молодые люди часто встречались, приходили друг к другу домой. Маслов жил недалеко

Гасфортовская улица. Справа – здание, в котором в 1919 г. размещался Союз кооперативов «Центросибирь» и штаб-квартира Омского отдела Союза возрождения России. В конце 1918–1919 гг. здесь проходили заседания литературно-художественного кружка. Современный адрес: ул. К. Либкнехта, 4. Фото 1920-х гг.

от дома Мартынова – на Каинской улице (ныне – Успенского), между Варламовской (Декабристов) и Степной. Нетрудно представить насколько интересными были для будущего поэта рассказы студента петроградского университета, участника Пушкинского семинария и университетского «Кружка поэтов». Во время их дружеского общения, происходившего в августе – начале ноября, Маслов много писал и публиковал стихи в местной периодике. Леонид читал их одним из первых. Так было, например, с пронизанным горькой иронией стихотворением «Парижанину», посвященным участнику Парижской мирной конференции А. Тардьё, который, перечисляя во французской палате депутатов все союзные воевавшие страны, ни словом не упомянул о России и ее потерях /29/. Поэт предложил Мартынову сыграть роль пажа в комедии «Дон Жуан». Она должна была быть представленной публике в день открытия литературного кабаре «Берлога» на 1-м Взвозе (пьеса не была поставлена) /30/. Надо полагать, что во время встреч и бесед затрагивались политические темы. Маслов имел твердую антибольшевистскую

позицию. Как всякий русский интеллигент, он тревожился о судьбе России, скорбел о непоправимом ущербе, который может быть нанесен ее духовным ценностям. Эти настроения выражались в его творчестве. Мотивы отчаяния и безнадежности, которые Мартынов неизменно отмечал в стихах поэта, проявились к лету 1919 г., когда Белая армия стала терпеть поражение за поражением. Последний раз друзья встретились ноябрьским вечером, когда перед отступлением армии на восток Маслов забегал попрощаться. Воспоминания о нем останутся для Леонида Мартынова дорогими до конца жизни. Влияние петроградского поэта-неоклассика сказалось и в его профессиональном становлении – в обращении к традиционным поэтическим жанрам, ориентации на крупные эпические формы.

А. Алдан-Семенов в романе «Красные и белые» приводит примечательный разговор «короля сибирских писателей» Антона Сорокина и поэта Георгия Маслова: «У поэтов есть общий язык с природой, но мы не понимаем друг друга. Нас разъединяет политика, отталкивают идеи», – грустно сказал Антон Сорокин. Маслов отвечает: «Не хочу я спорить, потому что ты все переводишь в плоскость политики. Меня же интересует одна литература. Она, словно Тихий океан с его бесчисленными островами, неоглядна. Мой остров – лирическая поэзия».

Действительно, Г.В. Маслов – прежде всего, «неоклассик», ориентированный на высокие образцы русской поэзии и жизни пушкинской эпохи. Так, в центре поэмы «Аврора» находится трагическая судьба Авроры Карловны Шернваль, знаменитой красавицы первой половины XIX в. Поэт заявлял: «Люблю старинную пиитику, / Где царство нимф и пастухов». И это не просто декларация, а вполне осознанный выбор, своего рода возвращение, бегство в золотой век русской литературы из современного «вихря событий». Но в то же время современность, вольно или невольно, врывается в его стихи, придавая им какую-то щемящую и драматическую окраску. В последнем поэтическом цикле «Путь во мраке» появляются современные реалии, необычная рифмовка, нестандартные стихотворные размеры. В одном из стихотворений он называет себя «декабристом в пустынной Сибири». В другом – с грустью признается: «Они (стихи. – В.Х.), как зверя, вздыбили / Спокойную мечту, / Но сердце рвется к гибели / За ними в темноту» («Мои стихи»).

Многие стихи И. Милютина, В. Язвицкого, А. Верховского производят впечатление ученических опытов с явным налетом книжной романтики, обилием общих мест. Но и в них время от времени прорывается искреннее чувство, подлинное

переживание. Первое, что открывалось глазам поэтов, – Родина, Россия. Именно любовь к ней помогает поэтам найти выразительные, пусть и не всегда точные, слова, заставить читателя поверить в то, во что верит сам поэт: Белое движение может спасти Россию. А. Булдеев обобщает:

Мы все – изгнанники в холодных долах,
В стране неведомой, где ночь всегда.
И нас, заброшенных в пустынях голых,
К Отчизне белая ведет звезда.

В эпоху переоценки всех ценностей с небывалой остротой встает вопрос: есть ли в жизни отдельного человека, народа и всего человечества смысл? Есть ли в мировом процессе бытия великая единая мысль, над всем царящая, все объясняющая, дающая единство всему на земле? Оторвавшись от старых ценностей и не найдя новых, человек оказался на распутье, увлекаемый силою исторических ветров и бурь в неизвестность. Безысходность одиночества человека в мире, роковая раздвоенность и бессилие личности – основные темы, мимо которых не прошел практически ни один поэт. Стихи становятся одновременно и исповедью, и проповедью. За духовно-нравственной опорой поэт обращается к родной вере, не раз спасавшей Отчизну в годы лихолетья, – к православию. Но он же осознает себя и представителем христианской Европы, освобождающим в «благородной, но обреченной борьбе» (О.А. Ильина-Боратынская) Святую Русь от азиатских орд безбожников и супостатов.

Это особенно характерно для поэзии второй половины 1919 г., когда большой размах приняла деятельность по формированию Дружин Святого Креста в составе Русской армии адмирала Колчака в Сибири. О причастности к новому крестному движению прямо пишет в «Крестonosцах» поэт с прозрачным псевдонимом Владимир Менестрель:

Кровавые призраки бродят,
И шепчут молитву уста...
На ратное дело уходят
Дружины Святого Креста.

Той же теме посвящены «Огненный столп» Г. Вяткина, «Христос Воскрес» Н. Охотина, «Сочельник» Ю. Сопова, «Праздник Рождения» А. Верховского и многие другие произведения. В стихах А. Булдеева неожиданно соединяются молит-

венная и романсовая образность, трагичность происходящего автор пытается передать с помощью их столкновения (пепелище, царство льда, лампада и т. п.), а в результате лирический герой проходит путь от отчаяния к надежде:

О, Боже, смилуйся! Блуждаем нищи.
Кто с нами в путь пойдет, как поводырь?
Быть может, мы придем на пепелище,
И будет страшной нам родная ширь.
Веди, о Боже наш, рукой незримой
В Отчизну дальнюю из царства льда.
И пусть лампадою неугасимой
Горит волшебная, горит звезда.

Конечно, не все стихи, представленные в сборнике, отличаются очевидными художественными достоинствами. Но все равно они дают представление о чувствах и умонастроениях людей, попавших в горнило братоубийственной войны. И в какой-то степени лирика омских поэтов отразила жажду человечности, подчеркнула ценность любви и сострадания.

Судьбы. Итоги

Перед падением Омска в ноябре 1919 г. из города стремились уехать на восток, подальше от свидетелей и возможных арестов, все, кто так или иначе был связан с деятельностью в колчаковских учреждениях или службой в армии. Сергей Ауслендер, жестоко обморозивший ноги во время отступления, вынужден был остаться на станции в двухстах километрах от Томска, где два года преподавал в сельской школе. Евгению Спасскому удалось выбраться в родные места весной 1920 г. Борис Четвериков со своим омским товарищем Всеволодом Ивановым некоторое время жил в Татарске Омской губернии, затем оба вырвались в Петроград. Янчевецкий учительствовал в селе Уюк Урянхайского края, Минусинске и только в 1923 г. приехал в Москву. Посчастливилось вернуться домой и Борису Денике.

Уцелевшие в лихолетье поэты, писатели, художники избегали указания в советских анкетах сибирских страниц, переходя от революционного семнадцатого года сразу к началу 1920-х. Но, думается, они помнили город на Иртыше, ставший в Гражданскую войну «приютом благородных муз» и спасший их в те жестокие дни.

После установления советской власти местное Общество художников, состоявшее из «старорежимной» интеллигенции и чиновной знати, прекратило свою работу, но начатое им дело получило свое продолжение. Уже в январе 1920 г. активизировалась организация Художественно-промышленной школы (Худпрома). Трое членов Общества (И.В. Волков, И.К. Куртуков, В.В. Барышевцев) вошли в преподавательский штат Худпрома, но в большинстве своем его составили беженцы и бывшие белые офицеры – в прошлом выпускники московского Строгановского художественно-промышленного и петроградского барона Штиглица училищ. Учениками замечательных педагогов Худпрома, прибывших в Сибирь в годы Гражданской войны, создавался позднее Омский союз художников России. Впервые заявленная в колчаковской столице идея преобразования Омска в город-сад получила свое воплощение в последующие годы, когда бывшие белогвардейцы возводили на Иртыше общественные и жилые дома, в том числе в духе конструктивизма. По инициативе и усилиями преподавателя Худпрома киевлянина В.К. Эттеля, недавнего прапорщика белогвардейского Шадринского полка, в 1921–1922 гг. издавался под редакцией А.П. Оленича-Гнененко и Г.А. Вяткина литературно-художественный альманах «Искусство», который явился «одной из тех искр, что помогли разгореться пламени “Сибирских огней”» (Е.И. Беленький).

Идеи авангардного искусства, воспринятые в белой столице «из первых рук» футуристом В.И. Уфимцевым и его товарищами – поэтами и художниками, – подвигли «омских озорников» на создание вольного объединения «Червоная тройка», определили их отношение к воплощению творческих замыслов в новых художественных формах.

Задержавшийся в Омске журналист А.М. Громов организовал и редактировал в 1922–1924 гг. газету «Сибирский гудок», которая затем издавалась в Новониколаевске.

Не забывали в Омске поэта Г.В. Маслова, умершего от тифа при отступлении с колчаковской армией. Благотворное влияние его таланта испытал на себе Л.Н. Мартынов. Посмертно стихи Маслова были опубликованы в журнале «Сибирские огни».

Весной 1920 г. в городе образовалась литературно-художественная секция при Сибирском отделении государственного издательства (ЛИТО). Устраиваемые ей литературные вечера, диспуты о путях развития нового искусства и «Живые литературные альманахи», посвященные памяти А. Блока, Н. Некрасова, Ф. Достоевского, явились, по сути, продолжением работы литературно-художественного кружка «Единая Рос-

сия». Созданная вскоре на базе ЛИТО «Омская артель поэтов и писателей» в своей деятельности тоже продолжила эту линию.

Вынужденное пребывание деятелей культуры в Сибири оказалось не напрасным. Они оставили яркий след в истории «столичного» Омска, города, который давал им надежду на возможность возвращения в Россию, на приход в жизнь мира и согласия. Они оживили городское культурное пространство, стали проводниками художественных идей разных направлений, способствовали формированию мировоззрения молодых талантов и, безусловно, оказали влияние на развитие культуры Омска в последующие годы.

И.Г. Девятьярова, В.И. Хомяков

Примечания

- 1
Иванов В.Н. Исход. Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1994. № 12. С. 11.
- 2
Последние дни Леонида Андреева. Письмо Л. Андреева к И.В. Гессену // Архив русской революции. Т. 1–2. М., 1991. Т. 1. С. 311.
- 3
См.: Девятьярова И.Г. Дом Антона Сорокина в Омске // Культура, искусство, история города Омска в памятниках и исследованиях. Омск, 1999.
- 4
Мартынов Н.Н. Антон Сорокин // Иртыш: сборник произведений омских писателей. Омск, 1963. С. 115.
- 5
Анов Н. Писателей надо беречь // Антон Сорокин. Напевы ветра. Новосибирск, 1967. С. 53.
- 6
В Омске. Антон, но не Чехов // Наша газета. 1919, 8 октября.
- 7
Сорокин А.С. Тридцать три скандала Колчаку // Сорокин А.С. Напевы ветра / вступ. ст. Е.И. Беленького. Новосибирск, 1966. С. 128.
- 8
Сибирская речь. 1919. 6 марта.
- 9
Уфимцев В.И. Говоря о себе. Воспоминания. М., 1973. С. 29–30.
- 10
«Он никогда никому не сделал зла...» (Памяти Б.П. Денике. Автобиографический дневник и воспоминания друзей) / сост. Т.Г. Алпаткина. М., 2006. С. 34.
- 11
Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. М., 1988. С. 218.
- 12
Н.О. Памятник мировому страданию // Наша заря. 1919. 26 февраля.

- 13
Хроника // Заря. 1919, 11 января.
- 14
Мальшева С.Ю. «Великий исход» казанских университетариев в сентябре 1918 г. // Эхо веков. 2003. № 1–2. С. 87.
- 15
Масанов Ю.И., Грачёва И.Б. Е.И. Шамурин (1889–1962). М., 1970. С. 125–126.
- 16
О ней см.: Ильина-Боратынская О. Белый путь. Русская Одиссея 1919–1923. М., 2013.
- 17
О нем см.: Вайнерман В.С. «Я – золотистый рыцарь жизнь посвятивший мечте...» // Омская муза. 1997, сентябрь–октябрь, ноябрь–декабрь.
- 18
См.: Сарабьянов А.Д. Жизнеописание художника Льва Бруни. М., 2009. С. 60.
- 19
Соб. В «Берлоге» // Сибирская речь. 1919. 16 сентября.
- 20
Лод. «Русская избушка» // Сибирская речь. 1919. 30 сентября.
- 21
«Он никогда никому не сделал зла...» (Памяти Б.П. Денике. Автобиографический дневник и воспоминания друзей) / сост. Т.Г. Алпаткина. М., 2006. С. 38.
- 22
Масанов Ю.И., Грачёва И.Б. Е.И. Шамурин (1889–1962). М., 1970. С. 126.
- 23
См.: Лидия Васильевна Кирьякова // Заклейменные властью. Анкеты, письма, заявления политзаключенных в Московский Политический Красный Крест и Помощь политзаключенным во ВЦИК, ВЧК-ОГПУ-НКВД. URL: <http://pkk.memo.ru/letters> (дата обращения: 13.03.2014).
- 24
Арнольдов Л.В. Жизнь и революция: гроза пятого года. Белый Омск. Шанхай, 1935. С. 248–249.
- 25
См.: Орлов Г. Человек из зазеркалья // Иртыш. 1990. № 1. С. 165.
- 26
См.: Мартынов Л.Н. Пушкинист и футурист // Мартынов Л.Н. Черты сходства. М., 1974. С. 20–21.
- 27
День солдата (Омск). 1919, 4 августа. С. 4.
- 28
Мартынов Л.Н. Пушкинист и футурист // Мартынов Л.Н. Черты сходства. М., 1974. С. 20–21.
- 29
См.: Наша газета. 1919, 11 сентября.
- 30
О «Берлоге» см.: Сибирская речь. 1919, 16 сентября; Русская армия. 1919, 16 сентября.

Произведения выявлены в избранных омских газетах и журналах 1918–1919 гг.; в ряде случаев они воспроизводятся по стихотворным сборникам и другим изданиям. Тексты печатаются с соблюдением современной орфографии. Авторы представлены в алфавитном порядке – по фамилиям, а также начальным буквам инициалов или очевидных псевдонимов. Приводится фотография поэта (при наличии таковой), краткая справка о нем (при наличии сведений) или упоминание из литературы и мемуаров, ниже – краткая библиография. Под произведением указывается название периодического издания, год, число и месяц (для газет), год и номер (для журналов). В документальном иллюстративном блоке использованы материалы французской кинохроники Etablissement de Communication et de Production Audiovisuelle de la Défense (ЕСРАD), Государственного центрального музея современной истории России, частных собраний.

А. В-В

На страстной неделе

Под своды храма вековые
Входя и видя сотни лиц,
Склонивших спины трудовые
Перед святыней плащаниц;
Смотря, как с жаром свеч горящих
Соперничает жар молитв

Здесь уповающих, скорбящих
Среди безвременья и битв,
И чуя сам, что ищет Бога
Моя смятенная душа,
Я становился у порога
И замирал, едва дыша.
И мнилось мне, Христос уж с нами,
Из плащаницы встал – и вот
Его немолчными устами
Хвалебно чествует народ.
И думал я: «То твой, Россия,
Христос поруганный воскрес»
И пели своды вековые:
«Воскрес! Воистину воскрес!»

Наша Заря. 1919, 18 апреля

Успенский кафедральный собор. Омск

Вера

С тех пор как славит Русь воскресшего Христа,
 Не ведала она такого лихолетья,
 Не знала более тяжелого креста,
 Чем тот, что ей дало текущее столетье.

Все, что считалось из века в век святым,
 Все, что считалось неизмеримо ценным,
 Разрушено дотла пожаром мировым,
 Погублено своим «товарищем» презренным.

Мильоны тяжких жертв, мильоны разрушений
 Судил Господь тебе перенести,
 Отчизна бедная! Но цепи поколений
 Трудились не вотще на жизненном пути.

И верю я (а моему неверью
 Поможешь Ты, благой премудрый Царь),
 Воскреснет снова Русь, и к ней небесной дверью
 Вновь снизойдет Христос, ее хранивший встарь.

*1919-ый год. Стихотворения.
 Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919*

Будущий герой

(Посвящается Паше В-ву)

Велик – в солдатики играть
 И мал – солдатом стать,
 А сердце рвется и зовет
 С врагами воевать.
 И вот часами смотрит он
 Учение солдат.
 Напрасно ждут его друзья –
 Он им теперь не рад.

Вот гордо голову подняв,
 Он марширует сам.
 И, мнится, вызов дерзкий шлет
 Невидимым врагам.
 Он смастерил себе давно
 Заправское ружье.
 И может взять «на караул»,
 «К ноге» и на «плечо».
 Да, бравый выйдет из него
 Со временем солдат.
 Пока ж в гимназию ходить
 Родители велят.
 Ему же в школу юнкеров
 Так хочется попасть –
 Вот где за совесть, не за страх
 Он занимался б всласть.
 И он не рад, что слишком юн
 (Так жаждет он побед).
 И полн он зависти ко всем,
 Кому восемнадцать лет.
 Велик – в солдатики играть
 И мал – солдатом быть...
 Судите сами, в наши дни
 Ему легко ли жить.

Русская армия, 1919, 3 июля

Н. АРКАДИНА

* * *

Фефелова Анна Константиновна (псевд. Аркадина Н[ина]) – поэтесса. До 1917 печаталась в сибирских, курганских, челябинских («Голос Приуралья») и шадринских газетах. В альманахе писателей из народа «Пробуждение» (кн. 4. Вязники, 1915) напечатано несколько стихотворений Н. Аркадиной и посвящено ей стихотворений С.Л. Потехина «Художники слова». После революции сотрудничала в газете: «Сибирский рассвет» (1919), «Земля и труд» (Шадринск? 1919). Автор статьи «История революционного движения в Красноярске» (в книге «Триста лет города Красноярска». Красноярск, 1928. С. 19–48).
 Писательницы России (материалы для библиографического словаря) / сост. Ю.А. Горбунов // Уральский следопыт. URL: http://www.uralstalker.com/Samoobrazovatel'naya_biblioteka/Pisatelnicy_Rossii/ (дата обращения: 24.03.2014).

Взглянув в твои глаза, я вспомнила так живо,
 Что было некогда, давно...
 О, как давно!
 И красоту мгновенного порыва,
 И единенье душ мгновение одно.
 Один короткий миг – и опустились взгляды,
 И навсегда с тобой расстались мы.
 Для тяжких жизни мук, для битвы без пощады,
 Для трудного пути средь непроглядной тьмы.
 И эта встреча вновь... глаза твои красивы,
 И смел твой взор все так же, как тогда...
 Но юных душ мятежного порыва
 Уже не вспыхнет никогда.

Наша Заря. 1919, 9 мая

* * *

Пусть меня оскорбили жестоко,
 Пусть изранили сердце мое,
 Но так ярко сверканье востока,
 Лучезарного солнца копье.
 Я забыла обиду и горе
 И творца об одном лишь молю,
 Дать мне видеть весенние зори
 И с улыбкой шептать им: «люблю».

Наша Заря. 1919, 9 мая

Огоньки

На столике моем увяла хризантема,
 Но в сердце вновь расцвел блестящий огонек.
 Далекой родины прекрасная эмблема,
 Любимый мой, чарующий цветок.
 Безумными июньскими ночами
 В родных лесах я огоньки рвала.
 Была бессильна для борьбы с цветами,
 С их яркой краскою душистой ночи мгла.
 И ты, о Родина, через века позора,
 Сияешь для меня таким же огоньком.
 И утро твоего не затуманит взора,
 Прекрасней встанешь ты в сиянии дневном.

Наша Заря. 1919, 27 мая

* * *

«Всюду чужая, чужая!»
Губы обкусаны в кровь.
Ярко огнями сверкая,
Окна мелькают домов.
Есть в них счастливые люди:
Ими гордится семья,
Силою полны их груди,
Жизнь им смеется маня...
«Всюду чужая, чужая!»
Доля моя, отзовись!
Яркою радугой мая
В небе ночном развернись!»

* * *

Была вокруг немая мгла,
Томилася душа...
Себе я грезу создала,
Жизнь стала хороша.
Но мир подслушал, мир узнал
Заветные мечты...
«Тебе я песни подсказал,
Должна отдать их ты».
Тогда я песни отдала –
И выросла стена:
Вокруг меня туман и мгла
И я опять одна.

* * *

Ласки и участия
Не проси у неба.
Не моли ты счастья,
Как голодный хлеба.
Небо глухо к стонам,
Бог мольбы не слышит.
С переливным звоном
Ветер лес колышет;
Пролетит бесстрастный,
Лес прошепчет сказку...
В ней найдешь, несчастный,
И любовь и ласку.

Наша Заря. 1919, 14 июня

*Н.А. Мамонтов. Сцена оплакивания. 1918.
Бумага, тушь, перо, акварель, белла.
Омский музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля*

Алексей АЧАИР

* * *

Златоткани лучей на проталинах,
Тусклый мрамор заброшенных плит.
Старый замок во мху и развалинах.
Старый парк в тихой дреме забыт.
В цветнике смотрят розы неряшливо,
К ним ласкается грубый пырей,
И не жаль им восторгов вчерашнего
В жидкой грязи весенних дождей.
У беседки привязаны лошади.
(Нежных тайн, горьких слез уголок!)
Нет лужаек – лишь лысые площади.
На песке след мужицких сапог.
В старом замке приказчик валяется
На ковре, в темном зале, храпя,
К нему пьяная девка ласкается,
Отдавая за деньги себя.
Ходит девушка в комнатах брошенных
С тихой грустью в бесцветных глазах –
Призрак солнечный, колос поджоженный,
Одуванчик в росистых слезах.
Мне не жаль этих призраков прошлого,
Что приказчик – хозяин теперь:
Все равно, не вернуть невозможного,
Все равно – не избежать потерь.
Златоткани лучей на проталинах.
Тусклый мрамор заброшенных плит.
Но мне жаль, что на этих развалинах,
Добрый рыцарь случайно убит.

Наша Заря. 1919, 22 февраля

Ачаир Алексей Алексеевич (настоящая фамилия Грызов) (1896, Омск – 1960, Новосибирск) – прозаик, поэт. Педагог-воспитатель. Окончил кадетский корпус (1914), учился в Петровско-Разумовской академии в Москве. Во время Гражданской войны (с мая 1918) рядовой-доброволец в пулеметной команде партизанского отряда атамана Красильникова. С июня 1919 служил в штабе 1-й Сибирской казачьей дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода. Служил в Приморье в Гродековской группе войск (с 1921). Первое произведение опубликовал в газете «Дело Сибири» (Омск, 1918), печатался в газетах «Наша Заря», «Русский голос», «Копейка», «Вечер» и др. После выхода в отставку во Владивостоке редактор газеты «Последние известия». Организатор объединения «Молодая Чураевка» в Харбине. Арестован НКВД (1945), вывезен в СССР, 10 лет содержался в исправительно-трудовых лагерях и 3 года отбывал ссылку на севере Красноярского края. Реабилитирован. После освобождения жил в Новосибирске, преподавал пение в школе, создал хор из 500 голосов. В 2010 на фасаде здания Новосибирской средней школы № 29 ему установлена мемориальная доска. Шулдяков В.А. «Наш путь страданием увенчан...» (А. Ачаир) // *Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий. Т. 10. Омск, 2004.*

* * *

Снег темный... Высокие санки и мех.
Морозная пыль. А в душе бодрый смех.
Лишь вечер – не думать о завтрашнем дне,
Лишь вечер – отдаться воздушной волне.
Поверь, сердце, радости полной, поверь!
...На сцене – куплеты веселеньких строк;
Их мягкий призыв нежно сердце обжег.
Мозаика песен и струн, и огней.
В партере молчат силуэты людей.
...Кафе. Шумный говор и взгляды, и смех.
Вопросы, ответы, правдивость и зло
С весельем и горем пути здесь свело,
Я с девушкой стройной. Сиреневый газ
Скрывает волнение агатовых глаз.
В хрустальных бокалах спокойно вино.
Мы знаем, что нам беспредельно смешно.
Но что-то вспугнуло. Я снова один.
Мне кто-то в пенсне – предложил кокаин.
...Заныла, заплакала в сердце тоска;
Жизнь ложью покрылась слепа и дика.
«Мы дети степей и угрюмой тайги.
Степным партизанам не страшны враги.
Мы смерть повстречаем с открытым лицом
И с ней обменяемся брачным кольцом».
Слова этой песни припомнились мне.
Я вспомнил о Лене, о прошлой весне...
И вновь потянуло в ряды партизан.
Пусть ранен. Так все же ведь легче от ран!
От ран, поцелованных правдой святой,
Чем жить в извращенности нагло-пустой.
Кафе. Шумный говор и взгляды и смех,
А в мутных лучах электрический грех.

Наша Заря. 1919, 12 марта

Омек

На берегу двух рек, раскинувшись широко,
Среди степей Сибирской стороны
Стоит он, город мой – столица воли Рока,
В дни смутные, в дни тяжести войны.

С времен Петра он видит прохожденье
Судеб изменчивых родной его земли.
Он видел сумраки и видит возрожденье.
Так жизнь его – в снегах или в пыли.

Он – колыбель бело-зеленых флагов,
Отец Сибирских, вольных казаков,
Свидетель горестный (по мудрости Варягов)
Усталых звонов ржавеющих оков.

В его руке сжат узел нитей жизней,
Как переплет бесчисленных дорог.
Он – гордый сын страдающей Отчизны,
Отдавший силы ей, какие только мог.

На берегу двух рек, раскинувшись широко,
Среди степей Сибирской стороны
Стоит он, город мой – столица воли Рока,
В дни смутные, в дни тяжести войны.

Наша Заря. 1919, 23 марта

Корабль судьбы

От разных классов, школ и колыбелей,
Мы входим в общество, как в новый, жуткий храм,
Где молятся дотоль неведомым богам,
Где солнца луч скрывает визг метелей.

И вот стоим мы робко у порога
И ищем сердцем взгляд бодрящих, добрых глаз.
Вся жизнь пред нами здесь – без масок, без прикрас,
Но вас страшит грядущая дорога.

В далекий, новый путь идем смелее,
В надежде на успех, надеясь на Судьбу...
Но робкий, первый шаг закрыл от нас борьбу,
Которая в умах незримо тлеет...

Что б ни было – вперед! Нас жизнь толкнула.
Не можем изменить судеб извечный ход.
Что ждет нас впереди?
Что б ни было – вперед,
Корабль Судьбы, среди лучей и гула!

Наша Заря. 1919, 4 апреля

Прощание

Л. А. Ф.

Стыдливость темно-карих глаз
И тяжесть мягких, пышных кос,
– Я вижу Вас в последний раз...
И пара светлых, крупных слез.
Петровка. Парк. Зеленый пруд.
Аллея лип. Луна ночей –
Когда деревья все замрут
В томленье юности своей.

Я помню парк. Я помню, в нем
 Мы были первый раз вдвоем.
 Прикосновение руки...
 Мы были так близки.
 Я мало видел Вас с тех пор
 (Я не хочу послать укор),
 Но Ваши милые черты
 Во мне оставили следы.
 И часто, вспоминая Вас,
 Я вижу нежность карих глаз,
 В причёске бледность чайных роз
 И пару светлых крупных слез.

Наша Заря. 1919, 18 апреля

Цветы и хлеб

«Взгляни, – цветок повял, заплаканный нарцисс.
 С ресниц моих слеза скатилась на него.
 Печальный, как опал, и чуткий, как каприз, –
 Дар сердца моего».
 Да, милый друг, повял, увы, дитя цветок,
 Но в зимний день он мне напомнил о весне...
 Как мне запомнился уютный уголок
 С цветами на окне...
 Где ты теперь? Ах, да. Ты русская. В Москве.
 Нелеп удар судьбы, печален и жесток...
 Мольба в твоих глазах, в их скорбной синеве:
 «Дай хлеба!.. Лишь кусок».

Наша Заря. 1919, 9 мая

* * *

Заздравная киса* наполнена вином, –
 В ней вешний, талый снег и жертвенная кровь.
 Да, – таково вино моих тяжелых дней.
 Когда кошунственно затоптана любовь!..
 Заздравная киса наполнена вином –
 Весенний талый снег и кровь моих детей.
 За счастье матери я пью мое вино
 И плача говорю: «Святая Русь живи!»
 Я – дочь твоя Сибирь – тебе даю зарю,
 Зарю Создания на жертвенной крови.
 Опальная Сибирь – я пью мое вино.
 «Живи, Святая Русь!» – я гордо говорю.

Наша Заря. 1919, 18 июня

Неудача

Томит, гнетет слепая неудача,
 Как мокрый день и кропотливый дождь.
 Томит, гнетет, как загнанная кляча,
 Как нудный вид спаленных голых рощ,
 Назад, вперед... Налево и направо....
 Назад, вперед... Как медленная вошь,
 Одетая, как шут, в белесоватый саван,
 Как на голодный день – фальшивый медный грош.
 Томит, гнетет слепая неудача.

Наша Заря. 1919, 24 августа

Апатия

Не хочется ни думать, ни желать.
 Нет радости в несбыточной надежде...
 Взгляни кругом, – какая благодать:
 В горах леса, таинственны как прежде;
 Лягушки квакают, как скрип ночных берез –
 На них качается косматый, юркий леший,
 Так что же – пусть: ленивых, сонных грез
 Все эти радости восторгом не утешат...
 Так царствует величественно Лень.
 В груди – тоска, в руках – ...они бессильны,
 Как отработанный, исшорканный кремьень,
 Как знойный день замолкнувший и пыльный.
 Не хочется ни думать, ни желать.
 Апатия сковала все желанья.
 Что из того, что всюду благодать,
 Рожденная от мудрости созданья.

Наша Заря. 1919, 24 августа

Окр. Омска.—Env. Omsk.
 Мостъ на р. Иртышъ.

Окрестности Омска. Мост через Иртыш. 1900-е гг.

А.Ю. Б-Д

В дни печали

Когда в годину испытаний,
 Не внемля голосу небес,
 Среди сомнений и страданий
 Ждем возрождения чудес.
 Встает со злобой брат на брата
 И равнодушный ко всему
 Рукой спокойной в грудь ему
 Вонзает меч за горсти злата;
 Когда под дикий пьяный стих
 В пылу преступного незнанья
 Духовных пастырей своих
 Ведут на крестные страданья
 И по желанью пресыщенных
 Тупых, жестоких палачей
 Бросают заживо детей
 В могилы жертв уже казненных.
 Когда средь жуткого угара,
 Как в дни былин, справляем тризны
 И ждем проклятия и кары
 За грех предателей отчизны –
 Тогда Христос, Творец вселенной,
 В венце терновом к нам нисходит,
 За тех, кто в тьме неверья бродит,
 Скорбит в молитве сокровенной,
 Кто не щадя преступных сил,
 Позор и смерть несет с собою,
 За тех он молится с тоскою,
 Кто сам не ведал, что творил.

Русская армия. 1919, 16 июля

Таисия БАЖЕНОВА

Осыпались березоньки

Уж осыпались березоньки,
 Дни осенние пришли,
 А в душе тоскливой слезоньки,
 Словно камень, залегли.
 В поле воеет непогода,
 Месяц на небе взошел,
 Милый мой уже с полгода
 Как на фронт с полком ушел.
 Приезжал, со мной простился
 И без счету целовал,
 На коне перекрестился
 И за сотней поскакал.
 Нет вестей... Не пишет что-то...
 Вот уже прошел Покров...
 А в душе одна забота:
 «Что с ним? – Жив ли он, здоров?»
 Нынче сватов присылали,
 – Писарь, вишь, в меня влюблен...
 Я сказала: «Аль не знали,
 Есть жених... на фронте он».
 Напишу письмо я Пете,
 Что сердиться начала,
 – Ведь любить его до смерти
 Обещанье я дала.
 Петя, Петя... Где ты, милый?
 Хоть бы разик повидать.
 Про свою тоску, любимый,
 Про любовь тебе сказать!

*Омск. 1919. Публ. по: Шулдяков В.А.
 Гибель Сибирского казачьего войска.
 1917–1920. Кн. 1. М., 2004*

Баженова [по мужу Постникова] Таисия Анатольевна (1900–1978) – журналистка. Родилась в литературной семье. Во время Гражданской войны опубликовала первые стихи в омской газете «Заря». В 1920 г. переехала в Харбин, где стала корреспондентом газет «Русский голос» и «Заря». В США была сотрудником русских газет Западного побережья и помещала свои стихи, рассказы и интервью в журналах и сборниках. Была замужем за Александром Степановичем Постниковым, но продолжала публиковаться под девичьей фамилией. Оставила воспоминания «Станция Оловянная» (Пребывание с семьей в Чите после бегства из Омска и Иркутска. Отъезд во Владивосток вместе с беженцами в составе чехословацкого эшелона. Налет красных партизан на ст. Оловянная. Прибытие в Манчжурию).

Волкова М. Памяти Таисии Баженовой: (Некролог) // Русская жизнь. 1978, 31 октября; Баженова Таисия Анатольевна. Русские в Северной Америке. Е.А. Александров. Хэмден (США)-Сан-Франциско (США)-Санкт-Петербург (Россия), 2005. URL: <http://www.tez-rus.net> (дата обращения 10.02.2014); Писательницы России (материалы для библиографического словаря) / сост. Ю.А. Горбунов // Уральский следопыт. URL: http://www.uralstalker.com/Samoobrazovatel'naya_biblioteka/Pisatelnicu_Rossii/b (дата обращения: 24.03.2014).

* * *

Еще не погибли казачьи станицы,
 Не пала родная Сибирь:
 На страже, у ног белоснежной царицы,
 Весь в латах седой Богатырь...
 Иртыш, успокойся в отрогах Алтая!
 Ты рад, что проснулся Ермак?
 Для жизни и счастья родимого края
 Он ожил, наш старый казак.
 Теперь не погибнут казачьи станицы,
 И матушка-Русь не падет:
 Ермак Тимофеич Московской царице
 Полки свои двинет вперед!
 И с песней казачьей, чрез степи и горы,
 Оставив сибирскую ширь,
 Пойдет усмирять он людские раздоры,
 Наш старый казак – Богатырь...

*Омск. 1919. Публ. по: Шулдяков В.А.
 Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920.
 Кн. 1. М., 2004*

Спящий город

Город, снегом запушенный,
 Днем шумливым утомленный,
 В сказке ночи утонул.
 Ночь в молчаньи веет думы...
 Тихо-тихо... Смолкли шумы, –
 Словно – мир навек заснул.
 На лице снежинки тают,
 В волосах твоих сверкают,
 И лучами искр горят.
 Улиц тихих, молчаливых,
 Так торжественно – красивых –

Видишь праздничный наряд?
 Не буди же шаловливо
 Смехом звонким и шумливым
 Улиц спящий страх! –
 Дай уснуть – за день уставшим,
 Счастье, может быть, лишь знавшим,
 Только... ночью в снах!
 Пусть хоть в эту ночь метели,
 Что недавно лишь шумели,
 Город избегут...
 Пусть в нем – снегом запушенном,
 Тишиною усыпленном, –
 Мысли чистые живут.

Наша Заря. 1919, 6 марта

Последним вечером

Я не буду плакать, – я не буду милый!..
 Я с тобою – только – рядом посижу,
 Пусть в душе исчезли радости и силы, –
 Я тебе об этом разве расскажу?
 Вечером весенним, сильно утомленной,
 Я прижмусь тихонько к твоему плечу...
 Ты уходишь завтра, нежный и влюбленный,
 Для победы славной – русскому мечу...
 Слезы?! – я не плачу... И совсем их нету...
 Где ты видишь каплю, каплю этих слез?..
 Если б ты приехал погостить на лето?
 Но какой же детский, глупый мой вопрос!
 Будем светлы, солнце! Было счастье – наше, –
 И последний вечер это только нам! –
 Пусть ты будешь ранен, пусть умрешь ты даже,
 Я тебя без ропота Родине отдам!

Наша Заря. 1919, 18 мая

БАРЫБА

Полтинушка

(поется на мотив старой «Дубинушки»)

Много песен слышал я в родной стороне.
 Пели все – от бродяги до франта.
 Но из песен одна в память врезалась мне –
 Это гнусная песнь спекулянта:
 Эх, полтину надбавим!
 Разъединую еще разок!
 Накинем! Накинем!
 Да ухнем.
 Англичанин-купец, чтоб торговле помочь,
 Нажимает рекламы пружину,
 А родной спекулянт, коли будет невмочь,
 Сунет взятку, да взвоят полтину:
 Эх, полтину надбавим!
 Разъединую... и т. д.
 Умирает отец на кровати своей,
 Завещает родимому сыну
 Три вагона крупы, водки семь четвертей,
 Да заветную песнь про полтину:
 Эх, полтину надбавим!
 Разъединую... и т. д.
 По сибирской тайге громыкает вагон,
 Нагруженный сукном да шелками.
 И несется как стон песнь из дальних сторон
 С Приамурья к сверкающей Каме:
 Эх, полтину надбавим!
 Разъединую... и т. д.

Наша газета. 1919, 5 сентября

БЕЖЕНЕЦ

* * *

Жду я дней, когда кусты смородины
В свежий лист оденутся опять.
Жду весны, когда в просторах родины
Можно будет радостно дышать.

Жду поста глубокого, великого,
Жду молитв для каждого из нас,
Чтобы Москву спасти от плена дикого,
Может быть, в последний жуткий час.

Столковалось сердце утомленное,
Негодует чуткая душа,
По ночам вверяя мысль в бессонное,
Весь позор и ужас вороша.

Верю я: отравлена обманами,
Соберется дивная Земля,
Соберется вся, болея ранами,
Подойдет к величию Кремля.

А весна, сиреневая, смелыми
Будет снова грозами греметь
И ночами вдумчивыми, белыми
В красоту грядущего глядеть.

Наша Заря. 1919, № 24 (2 февраля)

А. БЕЛЕНИНОВ

Из альбома оренбургского казака

1. Около фронта

Здесь не слышно нежных слов.
В эти дни под гром орудий
Очерствели сердцем люди
И язык их стал суров –
В нем не стало нежных слов.

Замолчал веселый смех.
Давят жизнь войны законы,
На полях сражений стоны,
Отзвук их в сердцах у всех –
И молчит веселый смех.

В храмах мир молитв исчез.
Бурно, страстно, со слезами,
Павши ниц пред образами,
Люди требуют чудес –
Тихий мир молитв исчез...

Много, много новых лиц,
Вихрь войны согнал их в город
Из разрушенных станиц.
Так сгоняет летних птиц
В теплый край осенний холод.

Страшен вид их. В тишине
Он зовет, как гул набата:
Защищайте все, что свято!
Гибнет край родной в войне –
Все вперед! Всю жизнь – стране!

Беленинов Александр Сергеевич (?–1935). Сын оренбургского казака, полного Георгиевского кавалера С.А. Беленинова (1847–1912). Уроженец станицы Верхнеозерной Оренбургской губ. Член литературного общества, начал публиковаться в 1910-е. Его стихотворение «Сельский храм» (о храме в станице Верхнеозерная) было напечатано в «Казачьем вестнике» за 1915 г. Работал врачом в земской больнице Оренбурга. Выслан в Ашхабад, где умер в 1935 г.

В. Семенов, Ю. Курепин. Полный Георгиевский кавалер – наш земляк. «Отличил себя особливим мужественным поступком» // Вечерний Оренбург. 2004, 19 мая.

II. Кошмар

Мне снилось, что горит родимая станица.
 Я видел черный дым и языки огня,
 Я слышал плач детей, испуганные лица
 Несчастных матерей мелькали вокруг меня,
 По небу тучи шли, и звезд не видно было.
 Оттуда падал снег и таял от огня.
 А ветер бушевал, и пламя злобно выло,
 В объятиях своих станицу хороня.

Но колокол не лил тревожного набата,
 Хотя открыт был храм и в храме кто-то был.
 Там будто пир шумел. Звучала брань солдата.
 И лики у икон табачный дым коптил...
 И вот увидел я: в святой ограде храма,
 Где длинный ряд могил героев приютил,
 Явился вдруг он сам, – кровавый, будто рана,
 Весь в отблесках огня, – властитель темных сил...
 Рыдающая мать у ног его была,
 От горя потеряв рассудок, всей душою
 Молила за дитя она владыку зла.
 Он левою рукою мать поднял и перед нею
 Невинное дитя о камень раздробил...
 И громко хохотал... И мерзостью своею
 Кошунственно сквернил святую тишь могил.
 От хохота его грознее сволочь стала,
 Грознее засверкал безжалостный пожар.
 А степи тишина от криков застонала:
 «Да здравствует наш вождь, великий комиссар!»

...Когда проснулся я, мне радостно так стало,
 Что это был лишь сон... Но первой речи звук,
 Но первое лицо мне тотчас показало,
 В какие дни живу и что теперь вокруг.
 Я вспомнил: край родной во власти лжи, обмана,
 Бесчинствует над ним кровавый комиссар...
 И ноет, ноет грудь, как будто в сердце рана,
 И в жизни грани нет – где явь, и где кошмар...

III. На помощь

О, братья, летите скорее, как птицы,
 На наш с поля битвы раздавшийся зов!
 Разрушены наши родные станицы,
 И семьи в плену у врагов...

Те храмы, где жарко молились когда-то
 И мы и отцы наши, – в вражьих руках.
 И грубые ноги чужого солдата
 На дедовских встали костях.

Добро трудовое разбойничьи взято,
 Грабеж узаконен толпою убийц,
 Оплевано все, что и мило и свято
 От века для наших станиц.

Поруганы женщины, нежные дети
 На улице брошены мерзнуть в снегу...
 О, братья, не вымысел ужасы эти!
 Идем же, отплатим врагу!

Скорее! Скорее! Летите, как птицы,
 На наш с поля битвы раздавшийся зов!
 Разрушены наши родные станицы,
 И семьи в плену у врагов...

IV. В глубоком тылу

Здесь жизнь тишины и покоя полна,
 Здесь люди забыли кошмарную повесть
 О том, что есть край, где бушует война
 С врагом, потерявшим и разум и совесть.
 Здесь будто не знают, что сотни борцов,
 Врагу уступая кровавое поле,
 В груди уносили страданье отцов,
 Оставивших семьи родные в неволе...
 Сюда не доносятся стоны людей,
 Попавших во власть хулигана и вора,
 Здесь нет раздробленных о камень детей,
 И женщин, сходящих с ума от позора...
 Здесь знают, что мирный семейный уют

А. Корноухов. Обложка еженедельного журнала «Единая Россия». (Омск, 1919, казачий номер)

Никто не разрушит кровавой рукою,
 Что тихих селений враги не сожгут,
 Нахлынувши вдруг беспощадной ордою.
 О, край мой, разрушенный злобой врагов,
 Дымящийся кровью погибших со славой,
 Тебе не совьют здесь лавровых венков,
 Не смогут понять твоей жертвы кровавой!
 Страданий твоих не оценят они,
 Живущие в мире, им данном тобою...
 Но – верю: пройдут эти грозные дни,
 И правда, как солнце, взойдет над землею.
 Тогда о твоей беспримерной борьбе,
 Мой край оклеветанный, сложат сказанья,
 И в песнях звучать будет слава тебе
 За слезы, за кровь и страданья!..

1919-й год. Стихотворения.
 Омск: издание газеты «Русская армия», 1919

А. БОЛХОВСКОЙ

1919-ый год

Андреев Андрей Николаевич (1885–1920), младший брат писателя Л.Н. Андреева. Андреев стремился развивать литературные способности «Друшечки», напечатал его первое стихотворение и рассказы (под псевдонимом Андрей Болховской) в московской газете «Курьер» (1902–1904). Позже А.Н. Андреев работал хроникером в московской газете «Утро России». В 1912 г., следуя указаниям брата, написал по его пьесе киносценарий «Екатерина Ивановна». В Первую мировую войну А.Н. Андреев был призван в действующую армию; вольноопределяющимся 7-й роты 9-го Финляндского полка он воевал сначала в Пруссии, затем в Галиции; награжден Георгиевским крестом. Под именем убитого на фронте Павлуши А.Н. Андреев введен в повести-дневнике Л. Андреева «Иго войны: Признания маленького человека о великих днях» (1916). Письма брата с передовых позиций Л. Андреев напечатал в газетах и в редактируемом им в Петрограде журнале «Отечество» (1914–1915). В гражданскую войну А.Н. Андреев из Петро-

Молитва ли нужна иль песня – я не знаю...
 О, если б знать! О, если б только мочь!
 О, только бы понять, какая фея злая
 Нашептывает зло и навевает ночь...

Немолчным торжеством свободы обретенной
 И правды, восстановленной мечом,
 Увенчан старый мир, – и вновь преображенный,
 И молод, и высок в движении своем.

А мы? В безумных снах, безумною рукою
 Мы разжигаем мировой пожар,
 Угрозой темною и новою страдаю
 Мы глушим голоса ликующих фанфар.

града бежал в Сибирь к адмиралу А.В. Колчаку. В 1919 г. много печатался (стихи, очерки, рассказы) в выходивших в Омске газетах. После прихода большевиков скрывался, но был опознан, доставлен в Ново-Николаевск и расстрелян.
 Чуваков В.Н. Вступительная статья: Письма Леонида Андреева к Н.А. Чукалдиной // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2001. [Т. XI]. URL: <http://az.lib.ru/a/andreev> (дата обращения: 21.06.2013).

Мы расточаем то, что жертвенною кровью,
 Что болью ран в борьбе приобрели.
 Мы шелк святых знамен, воздвигнутых любовью,
 На поругательство со древков совлекли!

Иль должны мы признать, что только власть тиранов
 Подъемлет нас до жертвенных высот?
 Что движет нас вперед лишь грохот барабанов,
 Осуществляет нас – безумной власти гнет?

Нет! В пламенной борьбе за счастье и свободу
 Мы явим миру просветленный лик
 Могучего и вечного народа,
 Который был всегда и будет вновь велик.

Движимые святой и действенною верой,
 Да извлечем из праха и пыли
 Наш стяг, – и Новый год – да будет Новой зрой
 Для исстрадавшейся, тоскующей земли!

1919-ый год. Стихотворения.
 Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919

Руины

Лежат предо мною развалин седые громады,
 На камне надгробном сажу я в безмолвьи один –
 И сердцу так больно, и сердце видению радо,
 И сердце взволновано странною речью руин...

Мне шепчут руины: «В рассыпанной гряде напрасно
 Ты мнишь очертанья былого величья найти,
 Мы сами не помним и сами глядим безучастно
 На славу пройденного в бурном порыве пути.

Мы живы иным... Посмотри – не на камне ль могильном
 Присел отдохнуть ты, сродниться с покоем земли? –
 За что же хвала вам, в черед свой живущим и сильным?..
 Мы, в груди распавшись, корнями под жизнью легли...

Звучит в ней немолчно наш властный прадедовский голос,
 Что было в нас силы – мы всю ее отдали вам, –
 Дитя ли играет, иль пахарь лелеет свой колос –
 Все шествует в жизни но нашим незримым стопам...».

Так шепчут руины... Один, в просветленном волнении,
 На камне надгробном сажу я, и грезится мне,
 Что жизнь беспредельна, что жизнь безгранична в движении,
 Что смерти не будет растущей под солнцем волне!

1919-ый год. Стихотворения.
 Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919

Жизнь

Жизнь – океан... Ее простор широкий
 Не терпит догмой рассчитанных границ,
 В ней символ радостный, влекущий и глубокий –
 Полет свободный окрыленных птиц.

Религия... Рожденному под небом
 Кто скажет: не смотри в сияющую даль,
 Животным будь, живи единым хлебом,
 К томлениям души будь холоден, как сталь.

О Родине, кто скажет: персть земная
 Везде равна тебе и почвою родной
 Не именуя земли, с которой лишь слепая,
 Случайная судьба связала гений твой...

И сердцу скажет: рассчитай умело,
 Что польза и что вред, что выгодно – люби,
 От жертвы всякой отрекайся смело –
 Пусть тонет тонуций среди жизненной зыби!..

Жизнь – пламенный порыв, полет свободный чувства,
 Не знающий тупых надуманных границ,
 Пред ней, как идеал высокого искусства, –
 Полет свободный окрыленных птиц!

1919-ый год. Стихотворения.
 Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919

Минувшему

Столица северная! Красный Петроград!
И ты, краса и гордость большевизма
Среди зыбей морских затерянный Кронштадт,
Питомник всероссийский вандализма!

Что? Тяжко Вам теперь? Ваш стон неразличим
Средь стонов общих, вами порожденных...
Давно прияли мзду деяниям своим
И поняли их смысл, дотоле сокровенный!

О, с коих уже пор, среди несказанных мук,
Терзает вас кошмар опустошенья!
И сердца вашего неразличим уж стук!
И тяжела над вами ночь забвенья...

Так позабыла вас, не помнит вас земля
И русское вам сердце изменило –
Вновь грезится ему священного Кремля
Нас воедино собирающая сила...

Но жаль мне образ ваш – как сон являлись вы
Под мантиею серою гранита,
И жаль мне царственно взволнованной Невы,
И моря шум, всходящий до зенита,

И гаваней широких полнозвучный гам,
И паруса, и дымы, и кипенья...
Весь творческий порыв, поющий вечно там,
Создавший воле вас, земные песнопенья!

А в ночи белые с чем мог бы я сравнить
Загадочную недвижимость вашу,
Когда в безмолвии так призрачно царит
Заря, всходящая все пламенней и краше?..

Вы оба вечною загадкой бытия
И разрешеньем и вопросом новым
Всегда являлись мне, – на ваших стогнах я
Сей жизни прозревал великие основы...

Так пусть история судом обречена
Сойти развенчанно с гранитных пьедесталов.
Царившая в вас жизнь – душа моя полна
Минувших образов, угасших идеалов.

И недалек тот час – на ваш призывный стон
Откликнусь я душой, чужбиной утомленный, –
И сладко будет мне под шум пустынных волн
Оплакивать гранит, как я, опустошенный.

1919-ый год. Стихотворения.

Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919

Офицер

Сраженный пулею, он бурно умирал
На поле боя, здесь же, здесь же, где с холодной
Слепой отвагой шел и раненый – упал,
Командуя в бою своею цепью взводной.
Стеная, он упал, но смелый свой порыв
Он взводу передал. И вот уже далеко
Могучее «ура» окрестность огласив,
Господствует, как смерч, в тылу врага глубоко,
И ширится прорыв, и фланги, точно лед
Над полою водою, рушатся у красных,
И рвутся в бой полки, все дальше, все вперед,
И каждой ищет встреч и подвигов опасных...
Но смерть всегда есть смерть! И бурною тоской
Ее жестокие, нещадные кошмары
Он встретил.. Скорбною и сумрачной средой
В бессилии вокруг стояли санитары...
И вдруг затих внезапно... Кто-то позади
Уже крестом, вздохнув, тихонько осенился,
Но раненый был жив, в истерзанной груди
Неведомый для них еще огонь таился.
И приподнялся вдруг, и вдруг заговорил,
И губ запекшихся упорное движенье
Ловили жадно все и слезы каждый лил,

Не в силах побороть растущее волнение...
 «Я, братцы, офицер...» – шептал он, просветлев,
 Весь странно озарен каким-то светом новым.
 «Когда-нибудь... вражду и злобу одолев,
 Припомнит наш народ, что значит... это слово...
 Как вы, как все, как каждый человек
 Искал я счастья и радовался жизни,
 Которую теперь нещадно враг пресек
 За преданность мою народу и отчизне...
 И вот уже давно несу я на плечах
 Тяжелый крест любви, и страшны были годы,
 Когда спасения ища в слепых вождях,
 Ослеп и помутился разум у народа.
 Тогда... преследуем, как дикий зверь гоним,
 Познал я в жизни все, всю боль непониманья,
 Отчаянье и гнет... под рубищем моим
 Скрывал я высшее последнее страданье...
 Я восставал... один... в застенках палачей
 Я пытки перенес! И смерти ждал всечасно...
 Казалась ночь кругом все глуше и темней...
 Казалась жизнь моя лишь жертвою напрасной!
 Но вот... но вот теперь – вы слышите “ура”?..
 Мой смертный час пробил, но вновь я полон веры:
 То голос истины, клич правды и добра,
 То завершают им свой подвиг офицеры!»
 Сказал и, трепетно за землю ухватясь,
 Смотрел вперед и слушал, слушал напряженно...
 И тихо кровь из раны, по груди струясь,
 Мешалась под рукой с землей окровавленной.

1919-ый год. Стихотворения.

Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919

Мать

«Бессонное дитя, усни же, наконец!..
 Дай матери вздохнуть, устала я с тобою,
 И ночь, и день, и снова, снова ночь,
 И я ничем тебя, ничем не успокою.

Устала за день я... Едва, едва приют
 Из милости людской сыскала на недельку...
 Усни же, наконец. Шш!.. дяди там идут,
 Ведь то они твою сломали колыбельку!

Ох, злые люди это! Сколько горьких слез
 Я пролила чрез них над нашим пепелищем...
 Разграбили, сожгли... На третий только день
 Тайком отца снесла на старое кладбище!

Не позволяли, нет! На труп его, на грудь,
 Погоны бросили и крестик офицерский
 Злодеи низкие! В отчаяньи моем
 Посмела я тогда им слово молвить дерзко.

Ударили меня!.. Но спи же, спи, сынок...
 Навеки для тебя, навеки я с тобою!
 Я мать тебе, я мать... я так люблю тебя,
 Ужель и этим я тебя не успокою?»...

...В подвале сумрачном и холод, и тоска,
 Старуха молится без устали в сторонке,
 Храпит на печке дед, грызет под полом мышь...
 И тихо плачет мать над стонущим ребенком.

1919-ый год. Стихотворения.

Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919

Заря с востока

Зарницей позднею мелькая
За потревоженной рекой,
Стихает страда боевая,
Все реже говор огневой...

Бой отсверкал. Ушли в смятеньи
Полки разбитые врагов.
Здесь, как во всем, ночные тени
Им и защита и покров!

Бегите ж дальше! Свет с востока –
Закон вам введом мировой!
Зарей раскинувшись широкой,
Вас ныне гонит пред собой!

Бегите в ночь, ищите в страхе
Вас укрывающую тень,
Покуда на позорной плахе
Вас не казнит грядущий день!

*1919-ый год: Стихотворения.
Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919*

Ранение

Я раненый... На койке лазаретной
Так странно мне недвижному лежать,
И так отрадно мне мечтой заветной
Нечаянный досуг свой заполнять!

Вчера цветов мне принесли... Сказали,
Что краше ран моих нет, будто бы цветов, –
И плакали... Но нет во мне печали!
Пусть телом слаб – душою я здоров!

И с каждым днем и с каждым часом новым
Острее во мне томленье высших сил,
Как будто бы добра первоосновам
Господь меня раненьем приобщил!..

И светят мне томительно большие
Далекие державные слова:
«Мне жизнь не дорога, была б Россия
Во славном благоденствии жива!..»

И с каждым днем все ближе и яснее
Мне цель священная пылающей войны...
О, ведайте, нет в мире ран святее
Приятых ран за счастье страны!..

*1919-ый год: Стихотворения.
Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919*

* * *

Цыганка черная на угольях горящих
Мне ворожила в полуночный час.
Кольцо варила в зелиях кипящих.
Пытала ночь огнем зловещих глаз.
Мне будет скорбь... И будет путь мне дальний.
Болезнь... тоска в томительном пути,
И тяжкий труд... и факел погребальный...
Чего ищу – век мне не найти!
Гадалка черная сказала сердцу много...
Чего ищу – о том лишь знаешь ты.
Но на мою не выйдешь ты дорогу
И не подашь уставшему цветы...
Колдунья черная наворожила злое –
И не развеешь ты ее жестоких чар! –
Мне будет скорбь, и только смерть со мною
Одна разделит сердца тяжкий жар!

Единая Россия. 1919, № 1

* * *

В утре солнечном и звонком,
 Над безлюдьем чистых гор,
 Струйкой белою и тонкой
 Обозначен мой костер.
 Я один в горах блуждаю!
 Приходи, оставь свой дол.
 Все, что хочешь знать, я знаю.
 Все, что ищешь, я нашел.
 Смело узкою тропою
 Мимо бездн – смелей, смелей!
 Поднимись побыть со мною
 В блеске солнечных лучей.
 На костре моем певучем
 Я сожгу твой нежный страх,
 Как сжигает сон летучий
 Утро светлое в горах.
 И от сумрачных печалей,
 От земли, от теней гор
 Я по граням светлых далей
 Увлеку тебя в простор!
 Приходи! Костер высокий,
 Словно парус в небесах,
 Ты увидишь издалика
 В очарованных горах.

Единая Россия. 1919, № 1

Похороны партизана

В темном боре под темною елью
 Мы печальный обряд совершали,
 Гробовую товарища келью
 Мы сырою землею засыпали.

Ровным гулом вершин величавых
 Вторил бор нашей скорби суровой,
 И дрожали росинки на травах,
 Словно слезы над жертвою новой...

Но безмолвной и строгой печалью,
 Но без слез мы встречали утрату! –
 Только взоры холодною сталью
 Угрожали врагу супостату.

Только взоров безмолвною клятвой
 Закрепили обет наш суровый –
 Либо сгинуть от пули проклятой,
 Либо к жизни вернуться вам новой!

Либо к жизни вернуться со славой
 Под немолчные крики народа,
 Чтобы вновь богатырской заставой
 Стать от всякой грядущей невзгоды.

Так клялись мы друг другу когда-то,
 Уходя в эти дебри лесные,
 И теперь над могилою брата
 Закрепляли обеты святые...

Лишь теснила нам сердце тревога,
 Да смущала могила сырая...
 Тяжела ты, лесная дорога!
 Далека ты, заря золотая!

Утомленье в сердцах наболевших,
 И не внемлет уж родина кличу,
 Каждый бой из рядов оскудевших
 За добычей уносит добычу.

Каждый день боевая работа
 Без пощады ряды наши косит.
 Вот и выпала снова забота:
 Жертву новую пуля уносит.

С нами вечно надеждой одною
 Билось верное сердце солдата.
 Да навек упокоен землею
 Он на радость врага супостата!..

Так стояли под темною елью
 И скорбели в безмолвьи тяжелом,
 Засыпая холодную келью,
 Укрепляясь в обете суровом.

И сочувственно сдержанным шумом,
 Тихим гулом вершин величавых
 Вторил бор нашим сумрачным думам,
 И слезились росинки на травах.

И доселе под темною елью
 Зеленеет могила немая,
 Служит бор ей родной колыбелью,
 И хранит ее ель вековая.

Русская армия. 1919, 19 июня

Адам

Когда всеильным дуновеньем
 Господь мне душу даровал,
 Его венчающим твореньем,
 Живой средь мира я предстал.

Так было дивно в светлом мире!
 Я песни пел в тени дубрав,
 Познавши сладость звучной лиры...
 И все познал я: нежность трав,

Небес лазурное сиянье,
 Влекущий аромат цветка,
 И свежесть волн, и струй журчанье,
 И дуновенье ветерка...

Я счастлив был... Но день услады
 Как сон мгновенный миновал,
 От вод повеяло прохладой,
 Туманный месяц в небе стал.

В его лучах, подобно теням,
 Что трепетали меж ветвей,
 Возникли смутные виденья
 В душе таинственной моей...

Я был один – и яд печали
 И грез томительный обман
 Мне душу нежную сковали
 Тоскою первых в мире ран.

Я был один в подлунном мире,
 И пел ли нежный серафим, –
 Внимал я звукам нежной лиры,
 Тоской несказанной томим...

И скучен стал мне шум дубравы,
 И неба лучезарный вид,
 И я молился: Боже правый,
 Душа, что дал ты мне, скорбит!

И внял Господь мольбе всечасной,
 И свет вернул очам моим, –
 И стал тогда, как небо ясной,
 Я Евой нежною любим.

Как сон, текли часы блаженства,
 Но вот свершилось, – змий сказал...
 Душа взыскала совершенства
 И рай стал тесен мне и мал...

С тех пор поссорились мы с Богом!
 Гоним пылающим мечом,
 Бежал я в рубище убогом
 С дрожащей Евою вдвоем.

И с той поры я в мире дольнем
Живу без грез, как темный раб,
И в бытии моем невольном
И мал, и нищ, и сир, и слаб...

А Он – десницею всеильной
Он громы шлет и слух разит
И сеет в сердце хлад могильный,
И смертью черною казнит.

Пути мне нет. От персти взятый,
Живой в тоске моей, навек,
От Бога гневного проклятый,
Принял я имя: человек.

Пути мне нет... Земные дали
Томят мой онемевший взор;
И безнадежностью сковали
Мне душу солнце и простор.

И только в час, когда грозою
Объят бывает небосклон,
Томимый страхом и тоскою
Я вспоминаю райский сон...

И среди молнии блистаний,
Среди раскатов громовых,
Живу лишь светом обещаний,
Дышу лишь радостью их...

Когда – не знаю, но из праха
Моя душа восстанет вновь,
И там, где были смерть и плаха,
Там будет радость и любовь!

Русская армия. 1919, 20 июня

После плена

Вчера, еще раз, заглянул я глубоко,
В немые, больные глаза...
Нет сил! Довольно! Пускай одиноко
Точится из сердца слеза –
Но с ним говорить о прошедшем? О плене?
Нет, лучше молчать, не смотреть,
Нет, лучше упасть одному на колени,
Вдали одному и – скорбеть...
Проходит он часто по улице людной,
Идет равнодушно – немой
Походкою вялой, томительно трудной,
Усталый, бессильный, больной.
И на небо смотрит больными глазами
Без веры в лазурь и весну...
О, что это было? О, что он оставил
В проклятом немецком плену?! –
Не спрашивать лучше... И пусть одиноко
Точится из сердца слеза, –
Все легче, чем видеть, чем знать так глубоко
Больные, немые глаза...

Русская армия. 1919, 10 июля

Тогда и ныне

Я был тогда свободным и беспечным...
Порою больно было – да... Порою, в чарах сна,
О счастье грезил я, большим и бесконечном,
О том, что вот придет, взойдет, обрадует весна...
Какая – я не знал, не думал... А порою
Да, это правда! – приходила ночь
И грудь была полна такой тоскою,
Что жить, что мыслить мне казалось уж не в мочь!..
Но ныне... Боже мой. Твоей пощады

Ищу я пламенно, молю Тебя о ней,
 Изнемогая в муках огненного ада
 Тоски безмерной, пламенной тоски моей!
 Один моей тоской, моею скорбью страстной
 Готов я, кажется, наполнить целый мир –
 Тот мир, где пало все и где рукою властной
 Бессмысленно разбит мой идол, мой кумир –
 Моя мечта! – где в храм моей молитвы
 Ворвавшейся толпой внесен базарный гвалт,
 Где дикий торг идет в тылу последней битвы,
 Где правда или ложь – лишь выигрышный старт!
 Мой мир надежд... ах, не его ль цветами
 Хотел украсить я, овить в мечтах моих?..
 И он разрушен! Нет его! – и злыми голосами
 Оборван, как струна, мой первый светлый стих...
 И злою волею, чьей волей – я не знаю –
 Растоптаны цветы – их нет, они в грязи!
 И я один, в тоске, в пустыне я блуждаю,
 Не видя ничего – вдали, как и вблизи...
 Так ныне! Так теперь, в тоске опустошенья,
 Мечусь я пламенно под тяжестью цепей,
 Не в силах разорвать их огненные звенья...
 Я – раб – и навсегда! – больной тоски моей!

Русская армия. 1919, 20 июля

Александр БУЛДЕЕВ

* * *

Мы все – изгнанники в холодных долах,
 В стране неведомой, где ночь всегда.
 И нас, заброшенных в пустынях голых,
 К Отчизне белая ведет звезда.
 Не та ль, волшебная, что древних магов
 К Младенцу Вечному, как сон, вела.
 Звезда, узывнее огней и флагов,
 Маяк поставила, где дышит мгла.
 И по неезженным и незнакомым
 Мы пробираемся глухим тропам...
 Когда ж увидим дым над милым домом
 И с детства давнего знакомый храм?
 И вот изранены, полукалеки,
 По ледяной коре стуча клюкой,
 Идем, изгнанники, через леса и реки,
 И поступь падает на снег сухой.
 О, Боже, смилуйся! Блуждаем нищи.
 Кто с нами в путь пойдет, как поводырь?
 Быть может, мы придем на пепелище,
 И будет страшной нам родная ширь.
 Веди, о Боже наш, рукой незримой
 В Отчизну дальнюю из царства льда.
 И пусть лампадою неугасимой
 Горит волшебная, горит звезда.

Сибирская речь. 1919, 7 января

Булдеев Александр Иванович (1885–1974). Сын священника. Окончил юридический факультет Московского университета. Административный судья Усть-Каменногогорского уезда. С 1916 служит в Омской Судебной палате. Автор сборника стихов «Потерянный Эдем» (М., 1910 г. (прим. В. Брюсова)). В 1919 в Омске – член литературно-художественного кружка и Славянского союза. В начале 1920-х переехал в Крым. В 1931 шесть месяцев провел в заключении. Некоторое время работал в юрисконсультации в Судаке. Редактор газеты «Голос Крыма», издаваемой на русском языке в период фашистской оккупации (1941–1944) в Симферополе. В 1943 был отправлен в Германию, откуда после войны через американскую зону оккупации переехал в США. В 1949 издал поэму «Радость моя. Преподобный Серафим Саровский». ГИАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 997. *Формулярный список о службе; Штейн Э. Незамеченные поэты уходящего поколения // Родина. 1992. № 11–12. Гуркович В. «Певцы свободы» доктора Геббельса // Горькая память войны. Крым в В.О. Симферополь. 1995. С. 48–56.*

Илья БУНТАРЬ

Украина

*...Вражюю злою кровью Волю окропите.
Т.Г. Шевченко. «Заповіт»*

Степей привольных друг случайный,
Люблю беспечный шумный юг,
Напевы знойные Украины,
В вечернем воздухе досуг...

Сады и мазанные хаты,
Зеленый, пестрый огород...
...Там жизнь скорбит суровый ратай,
Борец за волю и народ.

На языке родном печали
Слагал угрюмый крепостник;
Те песни смело прозвучали,
Звучат и ныне в тяжкий миг.

Звучат!.. В тяжелые години
Они не могут не звучать, –
Когда на вольные равнины
Легла «невольника» печать.

И не напрасно эти песни
Поют в раздолье деревень:
Настанет день, как сон, чудесный –
Освобожденья светлый день...

Украина! Сменишь злую долю,
И дни свободы уж близки...
Знай: принесут святую волю
С востока братские штыки!

Заря. 1918, 1 сентября

Поэту

Бей беспокойно в набат,
В воздух разбрасывай зовы...
В час обновленно суровый
Стыдно молчать, о мой брат!

Стыдно лелеять себя
В неге приятного чувства
И для причуды искусства
Лгать на пути бытия.

Пусть раздадутся твои
Алые звуки сирвенты!..
Брось обаянье измен ты,
Очарованье любви...

Труссы позорно молчат
В час возрожденья суровый, –
Ты же разбрасывай зовы,
Бей беспокойно в набат!

Заря. 1918, 6 сентября

Воину

Vae victis!

Когда суровый скрежет стали
И властных пушек гневный стон –
Земли единственный закон, –
Не чтутся прежние скрижали.
Всесильной истины заветы
Грозой войны унижены,
И лишь могучим суждены
Кровавой мудрости ответы...
Иди с бесстрашием, как бог,

Прямой из множества дорог
К победам, славой озаренным.
Устанешь ты, – бесстрастный рок
Промолвит: горе побежденным.

Заря. 1918, 8 сентября

Осень

Вошли, громыхая винтовками,
Один – с перевязанной раной.
Метнулась старуха с золовками
Гостей угощать сметаной.
Усталые и хмуролицые,
Сложили котомки и фляжки;
Присели в углу под божницею,
Вздыхая громко и тяжко.
С полатей глазами волчонка
Взирает серьезный Архипка;
А Фомка, болтая ножонками,
Вопит, надрываясь, в зыбке.
Котенок, юркий и гладенький,
Встревожен криками Фомки...
«Нишкни! А не то тебя дяденька
Унесет с собою в котомке...
Нишкни. Непутевый... Касатики,
Берите сметану, яйца...
Калачики свежие... Натё-ка...».
Старуха хлопочет и мается.
У печки золовки проворные
Застыли безмолвно и строго.
На лица худые и черные
Глядят с огневой тревогой...

Наша газета. 1919, 18 сентября

Давид БУРЛЮК

Омское

Бурлюк Давид Давидович (1882–1967) – живописец, график. Жанрист, портретист, пейзажист. Поэт, издатель, литературный и художественный критик, один из основателей и теоретиков русского футуризма. Учился в Казанской в 1898–1899 и Одесской в 1899–1901 художественных школах, в МУЖВЗ в 1911–1914, занимался также в Мюнхене в 1902–1903 и в Париже в 1904. Жил в Башкирии (станция Иглино близ Уфы) в 1915–1917. В 1918–1919 совершил футуристические гастроли по городам Урала (Троицк, Челябинск) и Сибири (Курган,

Где скукотундру режет властно
Сырое тело Иртыша,
Где юговетр свой лет напрасный
Подъемлет слабо и спеша,
Где ране было Оми устье, –
Теперь событий новых шок
Крушит Сибири захоlustье.
Здесь взрост первичный виден слабо, –
Ночной вместившийся горшок!
Российской власти баобаба!

Публ. по: Давид Бурлюк.

Николай Бурлюк. Стихотворения.

СПб.: Академический проект, 2002

Петропавловск, Омск, Томск, Чита, Иркутск). Весной 1919 выступил в Омске с лекциями-диспутами и показал художественную выставку. Сблизился с писателем А.С. Сорокиным, бывал в его доме. *Сорокин А.С. Напевы ветра. Новосибирск, 1967. С. 116–117, 119–120; Поварцов С.Н. Бурлящий Давид. Штрихи к портрету Д.Д. Бурлюка // Филологический ежегодник Омского государственного университета. Омск, 1999. № 3.*

В. А. В.

Молитва

Боже, Россию храни!
Сердцем и разумом быть ей великою, –
Господи, путь укажи...
Путь к просвещению,
Правде и миру служению,
Путь к красоте и величию –
В сердце ее освяти...
Светом любви, всепрощения,
Веры и разума в деле великом спасения –
Родину – Мать озари...
Боже, Россию храни.

Наша Заря. 1919, 26 января

Здание Управления Омской железной дороги, где находилась Ставка Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. Омск, 1919. Сейчас – Омский государственный университет путей сообщения

В. П. Ч.

Родина

(из Виктора Гюго)

О, Родина! Что сделала с тобою
Толпа воров?! Тюрьма раскрыла двери,
И идеалы – заменил разбой,
И осквернили жизнь насильники и звери,
Рука искусная крапит колоды карт,
Рука, привыкшая к насильям и разбою,
Законом сделала обманы и азарт,
Глумясь над Родиной, объятай слепотою!..
Шуты, обманом захвативши власть,
Кривляясь, заняли расшатанные троны,
Чтоб безнаказанно безумствовать и красть,
Прикрывшись отблеском похищенной короны.
Народ, отбросивший гнет вековых цепей,
Из жалкого раба создавший Человека,
Прожить свободным не сумел полвека,
И шулеров призвал играть былых царей!..
О, прошлое! Кровавыми волнами
Вскипало часто ты, стонал в ярме народ,
Но, все же, мощными руками и умами
Его назад толкали – от свобод;
Гиганты брали в плен народную Свободу,
Теперь пигмей и вор Свободу одолел.
И снова на руки великому Народу
Оковы ржавые надел...

Наша газета. 1919, 16 сентября

В.-ИН

К оружию

Страна в опасности! Ты слышишь этот крик?
 Ты видишь Родины протянутые руки?
 Она зовет тебя в великий грозный миг
 Делить ее печаль, ее труды и муки.
 К оружию, в ком не остыла кровь!
 К оружию, в ком живо чувство чести,
 К несчастной Родине сильна еще любовь,
 К оружию, для битвы, не для мести!
 О, гражданин, взгляни: великие бои,
 Изнемогая в вечном напряжении,
 Ведут кругом сограждане твои...
 К оружию! В борьбе одной спасенье.
 Очнись от сна, обманутый Народ, –
 Припомни прошлого величия страницы,
 Когда тебя Пожарский вел вперед
 И Гермоген писал посланья из темницы.
 К оружию, граждане! Кто скажет: «Я боюсь!»,
 Тот уходи в ряды багрово-черных
 Насильников и жди, пока они,
 Забывшие про совесть, честность, право,
 Насытившись враждой и криками «распни!»,
 На жизнь и хлеб тебе даруют право.
 К оружию! Идет карпаторус,
 Стеною поднялись казаки на защиту...
 Не жди от Родины смертельную обиду –
 Жжет, как пощечина порою, слово трус.

Наша газета. 1919, 19 августа

Александр ВЕНЕДИКТОВ

Шарабан

*Take hands, and part with laughter,
 Touch lips, and part with tears,
 Once more and no more after,
 Whatever comes with years.
 Swinburn[e]. "Rococo"*

Опять визгливо скрипки
 Играют шарабан,
 И ресторанный липкий
 Мутит мне мозг туман.

За столиком соседним
 Ты пьешь густой ликер,
 И снова о последнем
 Сказал твой томный взор.

Сегодня так знакома
 И бледного лица
 Порочная истома,
 И два твоих кольца.

О, с этим тонким телом
 (Смогу ли я забыть?)
 Немного слишком смелым,
 Я знаю, нужно быть.

И взгляд порою грубый,
 И красных губ коралл, –
 Быть может, эти губы
 Я раньше целовал.

Венедиктов Александр Иванович (1896–1970) – литератор, историк архитектуры. Доктор искусствоведения. В 1914–1923 (с перерывом) обучался в Московском университете на историко-филологическом факультете. В 1916–1918 служил в армии в чине подпоручика. В 1919 личный секретарь председателя Совета министров П.В. Вологодского. Арестован 14 апреля 1920 в Москве; дело было направлено в ВЧК г. Омска, окончательного решения по делу не принято, из-под стражи освобожден под подписку о невыезде. Реабилитирован. В 1925–1926 библиограф в Институте новых культур (Ленинград). В Москве в 1930-е – 1960-е преподавал в различных высших учебных заведениях: Педагогическом институте, институте истории и теории Академии архитектуры СССР, Московском архитектурном институте и др. В 1948–1953 зав. отделом Музея русской архитектуры им. Щусева. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 5. Ед. хр. 148; Центральный архив ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 7: Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988. С. 217–219, 221–223.

Я вспомнил нежно сизый
Версальских роц туман –
И ты была маркизой
Средь праздничных полян.

Теперь ты позабыла
Версаль и Трианон
И век, когда любила
Пленительно Манон.

Но взоров утомленность
Напоминает вновь
На десять дней влюбленность,
На пять ночей любовь.

И в чаде ресторана
Бездумно и легко
Ты славишь век обмана –
Наш милый гососо.

И пусть визгливо скрипки
Играют шарабан –
Забудем ли улыбки
И вздох ночных паван.

*Омск. Февраль. 1919 г.
Венедиктов А. Коллекция стихотворений (1913–1919) – РГАЛИ.
Ф. 1346. Оп. 1. Ед. хр. 74. Лл. 4–5. Стихотворение
для публикации предоставлено В.В. Нехотиньм*

В Москву

Сегодня был нежный и кроткий
Осенний радостный день –
Опять по последней сводке
Мы заняли шесть деревень.

Когда же кроваво-красной
Вдали горела заря,
Под марш веселый и ясный
На фронт ушли егеря.

Как очень давно когда-то,
Сквозь пыль блестели штыки,
А медные копья заката
Ломались о сталь реки.

Не нужно было печали,
Напрасны были слова –
Они уходили и знали,
Что там, впереди – Москва.

Сибирская речь. 1919, 21 сентября

Отъезд

Запад отликает перламутром
Ярко-желтым, розовым и красным –
Это значит, утро будет ясным,
Нужно будет ехать завтра утром.
Посмотрю в последний раз на поле,
На звезду над рощей, на долины,
Я уеду только поневоле,
Брошу огороды и овины.
Там не будет ни овец, ни мельниц,
Там я буду пить плохое пиво,

Целовать напудренных бездельниц
 Без любви привычно и тоскливо.
 Все прощай: и песни у калиток,
 Лай собак и хриплая гармошка,
 И букет из скромных маргариток –
 И о нем я погрузу немножко.
 Осторожно из-за туч выходит
 Хитрый месяц, смотрит и смеется,
 Как гуляют парни у колодца
 И как кто-то поздно в поле бродит.

Единая Россия. 1919, № 4

Гостиница «Россия» на Санниковском проспекте. Омск.
 В 1919 г. здесь в одном из номеров жил Сергей Ауслендер, у которого
 часто бывали Александр Венедиктов и Николай Шестаков.
 Современный адрес: ул. Ленина, 18.

Юрий ВЕРХОВСКИЙ

* * *

В ночной лазури свет стилетный
 Чертит падучая звезда.
 Скажи, мой друг, душою чистой
 Что ты лепечешь ей тогда?
 Призыв к неведомому счастью
 Всех, обреченных жизни сей?
 Нет, – имя, трепетною властью
 Звучащее душе твоей?
 А я с тревогою живою,
 Следя златую в небе нить,
 Одно желание: любить –
 Шепчу – и никну головою.

Сибирская речь. 1919, 26 (13) июня

Верховский Юрий Никандрович (1878–1956) – поэт-символист, переводчик и литературовед. В 1902 окончил романо-германское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета. В качестве поэта дебютировал в журнале «Вестник Европы» (1899, № 11), где напечатал два стихотворения («Сонет» и «Сфинксы над Невой»). Наиболее полным собранием лирики Верховского стала книга «Стихотворения» (М., 1917), включающая разделы «Сельские эпиграммы», «Идиллии», «Элегии». В 1911–1915 преподавал на кафедре западноевропейских ли-

тератур Высших женских курсов в Тифлисе. В 1918–1921 состоял профессором Пермского университета по кафедре новой русской литературы. В 1919, вероятно, находился в Омске. С 1925 по 1929 – профессор Высших государственных литературных курсов. Член-корреспондент Государственной академии художественных наук. В годы Великой Отече-

ственной войны Верховский был в эвакуации в Свердловске, где издал последнюю поэтическую книгу «Будет так». Стабровский А.С. Верховский Юрий Никандрович // Профессора Пермского государственного университета: (1916–2001) / гл. ред.: В.В. Маланин. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 279 с. С. 25.

* * *

Когда ты телом изнемог
И дух твой по земле влачится, —
На перекрестке трех дорог
Понуженный остановиться,
Ты изберешь из них одну —
Какую? Будет ли желанной
Она — ведущая ко сну
Где мак цветет благоуханный?
Иль пути жизненных тенет
Ты примешь с гордостью терпенья,
Где подорожник в пыль сомнет
Свои бесцветные цветенья?
Иль на твоём — ином — пути
Ты слышишь сквозь усталый шорох,
Как порывается цвести
Золотоцвет в весенних хорах.

* * *

Поздними цветами
Сердце не нахвалится, —
Пусть же их устами,
Немощное жалится.

* * *

Можно быть счастливым
Солнцем разогретыми
На небе дождливом
Синими просветами.

Сибирская речь. 1919, 9 марта (24 февраля)

* * *

Ты хочешь легких песнопений
Цветущей радостной души, —
Как будто мой певучий гений
Не покидал меня в тиши.
И я, готовый, как бывало,
Отдаться сладостно ему,
Гляжу: мелькнет ли покрывало?
Сойдет ли он? — И не пойму...
И не пойму мечтою смутной,
Что все прошло, что все не то,
Что ведать и восторг минутный
У сердца право отнято.

Сибирская речь. 1919, 19 (6) июня

А. ВЕХОВСКИЙ

Праздник Рождения

Каменский Николай Николаевич (1894, Москва – 1936, Харбин) окончил юридический факультет Московского университета. С 1917 служил в Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов в Петрограде. Во второй половине 1918 – в Омске в составе той же Канцелярии Правительства Колчака. Публиковал стихи в омской газете «Сибирская речь» под псевдонимом А. Веховский. Был участником литературно-художественного кружка. Вероятно, в Омске женился на Ольге Подгоричани-Петрович, младшей сестре поэтессы Н.М. Подгоричани. В 1920–1922 в Шанхае, где занимал должность председателя редколлегии газеты «Русское Эхо», публиковал стихи, рассказы, очерки. В 1921 перебрался в Харбин, до 1931 служил в Коммерческой части управления Китайской Восточной Железной Дороги.
Составители благодарят В.В. Нехотина за предоставленные сведения.

Нависли мысли, словно полог,
И спит в душе несотворенный Дух.
Пришедший час тяжел и долог,
А звук сердец еще отрывист, сух.
И вновь тревога ставит стражу
И зарывает тишь в покорный снег, –
Ведь ничего не сделать сразу,
Ведь есть еще другое, кроме нег...
Слова проходят вереницей
С душой неправедной больных угроз,
Но в этот день кольнут зарницей
Другие облака из слитых роз.
Волненья дней едва погасли
И бледным стал их страждущий поток, –
Ведь в этот день целует Ясли
Звезда, зажегшая Восток...

Сибирская речь. 1919, 7 января

ВНЕПАРТИЙНЫЙ

Совдеповские частушки

1.

Вышла, девки, больно рано,
Я за вдового Степана.
Стал Степан мне не с руки,
Как пришли большевики.
Развелась я с ним в минутку
Вышла замуж за Мишутку.
Написался часто пьяным,
Повенчалась с Аверьяном.
Надоел и Аверьян,
Стал ухаживать Иван.
Полюбилась комиссару –
Задал им обоим жару.
Угодили в «чрезвычайку»,
А меня взял за хозяйку.
Все, чего не спросишь – есть,
Отдают китайцы честь.

2.

Прежде не было гроша,
А теперь – гуляй душа.
Завернешь к капиталисту –
Милльон выберешь монисту,
Брошку стянешь для красы,
Да с браслеткою часы.
Надаешь буржую в зубы –
Унесешь на выбор шубы.
А на лавке жестко спать –
И пружинную кровать.

3.

Подари платок атласный,
 Без узоров, ярко-красный.
 Я надену этот плат
 На мадьярский на парад.
 Перед фронтом погуляю,
 Полушалком помахая.
 К офицерам подойду –
 Черноусого найду.

4.

Мы сегодня ночь не спали,
 Сто буржуев расстреляли.
 Да еще в тюрьме пятьсот
 Ожидает свой черед.
 А теперь гони по праву
 Жен в казармы – на расправу.

Наша газета. 1919, 24 августа

К.К. Чеботарев. Крестьянки. 1919. Бумага, акварель.
 Собрание И.И. Галеева, Москва

Александр ВОЩАКИН

Радиотелеграф

Вощакин Александр Михайлович (1897 – после 1962) – поэт, литературовед. В Самаре учился в гимназии (1904–1916), в Казанском университете на историко-филологическом факультете. С конца 1918 в Омске. Участник заседаний литературно-художественного кружка. В начале 1920 выступал в клубах с омскими литераторами. В 1920 в Самаре; работал в клубах, инструктором военных школ, в журнале «Рычаг», принимал участие в литературном обществе «Слово». Одновременно учился в Самарском институте народного образования на литературно-художественном отделении. В качестве преподавателя русского языка и литера-

Где памятник, как призрак Голиафа,
 Закатная скрывает мгла,
 Стальная мачта радиотелеграфа
 Пронзила небо, как игла.
 Внизу авто рычаг, фырчат, как звери,
 Трамвай бросает четкие звонки,
 Кинематограф – лавочка феерий –
 Зажег блестящие у входа огоньки.
 Из Вены, Лондона, Парижа и Нью-Йорка
 Летят известия, прорезав даль пространств,
 Толпа, привыкшая к игре непостоянств,
 Сенсаций ждет, их ловит зорко.
 О, дивный радио! Ты мировой глашатай.
 Твой рог звучит на весь широкий мир.
 Там революция! Там – в грохоте набата
 Толпа справляет свой кровавый пир.

туры работал в Башкирии (1926–1929), на Урале (1929–1932). Учился в Пермском педагогическом институте (1928–1932), в аспирантуре Смоленского педагогического института (1933–1936). В 1936 был командирован Наркомпросом во Фрунзенский педагогический институт, где занял должность заведующего кафедрой литературы. В 1939 защитил кандидатскую диссертацию на тему «Поэтическое наследие Валерия Брюсо-

ва». В 1950-е работал над докторской диссертацией «Мастерство изображения человека у Горького». Автор книги «Горький и киргизская литература» (Фрунзе, 1962). *Архив Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына (г. Бишкек). Личное дело А.М. Вощакина; Поварцов С.Н. Омский Парнас // Третья столица. Изобразительное искусство. Литература / отв. ред. И.Г. Девятьярова. Омск, 2011.*

Там – мирный труд! Там – новое открытие!
Там – новым летчиком побит рекорд.
Там англичанами захвачен новый порт.
Все – свежие и яркие события!
Все вести новые о том, что гневно
Дух человечества рвет цепи бытия,
Всю музыку событий злободневных
Вбирает жадная душа моя.

Единая Россия. 1919, № 5

*Деревянная мачта радиотелеграфа на набережной Оми в Омске. Возведена в конце 1918 г.
Высота 80 метров. Связана с деятельностью инженера В.К. Зворыкина. Фотография 1920-х гг.*

Омску

Ех oriente lux* – сказали:
Так возрождение свершится.
Вот веют флаги на вокзале
Над новой столицей.
Прикрыв лицо степного зверства
Культурной беженскою пленкой,
Такою хрупкою и тонкой,
Возникли в Омске Министерства.
Во всем подобие столицы:
В двенадцать пушка бухнет ровно,
И Любинский – Тверская словно,
Сменились экипажи, лица.
Там, где некрашенные зданья
Глядят так жалко и так гадко,
Рысят киргизы на лошадаках
В своих восточных одеяньях.
Свистя проходят англичане,
Французы в шапочках помятых,
В плаще и брюках полосатых
Такой красивый итальянец.
Трепещут флаги. С пеньем дружным
Идут сибирские стрелки.
Кольшутся так ровно ружья,
Поблескивают штыки.
Так едешь долго до вокзала.
Пыхтят, режут, трещат автомашины,
А всюду в окнах и витринах
Видны портреты Адмирала.

Наша газета. 1919, 17 сентября

Эвакуация. Из цикла «Современность»

Тянутся длинные, длинные обозы
 Так медленно за возом воз
 На гулкий вокзал, где свистят паровозы,
 Где много тяжелых чугунных колес.
 Солома разбросана: пожитки, поклажа,
 На грязных телегах – тюки.
 Пыхтят, отдыхают грузовики
 В громадном сарае-гараже.
 Всадники мчатся по улицам шумным,
 Солдаты идут и песни поют.
 У женщин взволнованных лица безумны,
 Куда-то спешат и везут семью.
 Ветер пламя пожара колышет,
 Где-то звуки военной трубы.
 Город пустеет. А издали слышен
 Гул орудийной пальбы.

Наша газета. 1919, 2 октября

Эти дни. Из цикла «Современность»

За днями дни идут жесточе
 И над землею реет кровь,
 И хочешь ты или не хочешь,
 Винтовку верную готовь.
 Бестрепетный, суровый воин,
 Сжав зубы, испытав судьбу,
 Зови в веселом дружном строе
 Всех малодушных на борьбу.
 Кто б ни был ты, мой современник,
 Быть может, с женственным лицом
 Суровой жизни только пленник –
 Жестокое кругом кольцо.
 Белеют жуткие папахи,

*Гостиница «Европа» на Дворцовой улице. Омск. В 1918–1919 гг. здесь жили министры Временного Сибирского и Российского правительства, иностранные представители.
 Современный адрес: ул. Ленина, 22*

Блестят морозные штыки.
 Война в убийственном размахе
 Срезает юные ростки.
 Вот жизнь кипит неудержимо,
 Спокоен только лунный диск.
 Трусливости и страха – мимо:
 Вся жизнь сплошной и яркий риск.
 За днями дни идут жесточе
 И над землею реет кровь,
 И хочешь ты или не хочешь,
 Винтовку верную готовь.

Наша газета. 1919, 7 ноября

Георгий ВЯТКИН

Вяткин Георгий Андреевич (1885–1938) – поэт, прозаик. Окончил учительскую семинарию в Томске в 1899. Учился в Казанском учительском институте. Вернувшись в Томск, работал в газетах и журналах. В 1907–1912 издаются поэтические сборники «Стихотворения» (1907), «Грезы Севера» (1909), «Под северным солнцем» (1912). В 1914–1915 жил в Харькове, сотрудничал в местной периодической печати. В качестве корреспондента выезжал на фронт, откуда присылал репортажи о военных событиях. В 1915 был призван в армию, служил в составе санитарных организаций Всероссийского союза городов. В 1918 был назначен секретарем секции по внешкольному образованию при школьном отделе Томской городской управы. В июне 1918 года в Омске ру-

ководил деятельностью Информационного бюро при Управлении делами Западно-Сибирского комиссариата, затем стал помощником управляющего Информационным бюро Временного сибирского правительства. В 1919 руководил Бюро обзоров Отдела печати Управления делами Верховного правителя и Совета министров. В 1920 был судим революционным трибуналом и лишен избирательных прав на 3 года. В Иркутске исполнял обязанности заведующего Информационным подотделом губпродкома. С 1921 работал заведующим отделом хроники газеты «Рабочий путь» (Омск), входил в состав президиума «Омской артели поэтов и писателей», принимал участие в создании омских журналов «Искусство» и «Сибирь». С 1925 работал в редакции журнала «Сибирские огни» (Новониколаевск). Автор сборников стихов «Чаша любви» (Новониколаевск, 1923), «Опечаленная радость» (Петроград, 1917), сборников

рассказов «Золотые листья» (Петроград, 1917), «Алтайские сказки» (Новосибирск, 1926) и др. 16 декабря 1937 был арестован органами НКВД Новосибирской области, приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1956.

Шихин В.И. Поэт и власть: Г.А. Вяткин в годы гражданской войны // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. Новосибирск, 2004. Т. 2. Вып. 2. С. 62–75; Вяткин Г.А. Собр. соч.: в 5 т. / гл. ред. М.С. Штерн; сост. Т.Г. Зубарева, А.Е. Зубарев; [Примеч. Л.Г. Пономаревой]. Омск. Т. 1: Стихотворения, поэмы. 2005; Т. 2: Рассказы, очерки, лирические миниатюры. 2006. Т. 3: Проза. 2006; Бурлакин А. «Мы встретимся снова. Я верю...» (Рец. на кн.: Вяткин Г.А. Собр. соч.: в 5 т. Омск, 2005–2006) // «НЛО» 2007, № 87; Поварцов С.Н. Омский Парнас // Третья столица. Изобразительное искусство. Литература / отв. ред. И.Г. Девятярова. Омск, 2011. С. 76.

* * *

День уходит. В свете месяца,
Сердцем кроток, вздохом тих,
Старый дед, вздыхая, крестится:
«Помяни рабов твоих».
Даль закатная румянится,
Над рекой туман встает.
С верой сердце не расстанется
Даже в вихре непогод.
Милый дед! Душой скорбящую
Оглянись на скорбный путь
И Россию – мать болящую –
Ты в молитвах не забудь.

Публ. по: Вяткин Г.А. Раненая Россия.

*Стихи / составитель и автор предисловия
Т.Г. Вяткина-Зубарева. Омск: Кн. изд-во, 1992*

Мать

Полуребенок, полувоин,
Голубоглазый мальчик мой,
Ушел, отважен и спокоен,
На страшный подвиг боевой.

Писал, что помнит миг прощальный,
Что скоро мир, что там весна,
А мне, прозревшей и печальной,
Его судьба была ясна.

О день ужасный и тревожный,
Родное мертвое чело!
Но знаю: это непреложно
И быть иначе не могло.

Где смерть – там тишина святая,
Ее ли воплем оскорблю?
От тяжких слез изнемогая,
И примиряюсь, и скорблю.

И тает боль воспоминаний,
И ясен сердцу новый свет,
И ждет оно иных свиданий
В краю ином, где смерти нет.

В непоющие дни холодов и дождей,
Пляски ветра, угрюмой и дикой,
Поднимаются тени погибших вождей
И блуждают в тревоге великой.

Сколько жизней погибло во мраке ночном!
Кто сочтет дорогие могилы?
Мысли падают в сердце холодным дождем,
И рыдает в нем ветер унылый.

Были сильные люди – со взором орлов,
Были с нежной душой ребенка...
Не о них ли всю ночь ветер плакать готов
Безутешно и звонко?

*Публ. по: Вяткин Г.А. Собрание сочинений: в 5 т.
Омск: Кн. изд-во, 2005. Т. 1: Стихотворения. Поэмы*

Женщины в трауре

Женщины с печальными глазами!
Часто, одинокие, весь день
Бродите вы тихими шагами,
Бледные, неслышные, как тень.

Мысли ваши скорбные не с нами,
Грезы похоронены в былом,
Женщины с печальными глазами
В трауре, глубоком и святом.

Храбрыми и честными бойцами
Многие навеки полегли...
Женщины с печальными глазами,
Слезы ваши – слезы всей земли.

*Публ. по: Вяткин Г.А. Собрание сочинений: в 5 т.
Омск: Кн. изд-во, 2005. Т. 1: Стихотворения. Поэмы*

* * *

Любовь распяли на кресте,
Но в третий день она восстала,
И вознеслась, и просияла
В неизреченной красоте.

И у тебя, мой край родной,
Свой тяжкий крест, своя Голгофа.
Но грозен облик Саваофа
Меж туч, разорванных грозой.

Твоих безумных палачей
Настигнет меч архистратига,
И сбросишь ты чужое иго,
Вся в блеске солнечных лучей.

*Публ. по: Вяткин Г.А. Собрание сочинений: в 5 т.
Омск: Кн. изд-во, 2005. Т. 1: Стихотворения. Поэмы*

Не забудем о черной измене

Не забудем о черной измене
В эти жуткие дни непогод.
Нас тревожат кровавые тени,
Нас бывлая Россия зовет.

Сторона нескончаемых далей
И пустынных суровых равнин,
Ты устала от слез и печалей
Небывало тяжелых годин.

О Россия! Прозри и воскресни!
Да настанет твой день голубой,
Да звучат окрыленные песни
Из конца и в конец над тобой.

Не забудем о черной измене,
Никогда не забудем о ней,
И смиренно преклоним колени
Пред великою скорбью твоей.

Ты восстанешь из мрака раздоров,
Преисполнена славы и сил...
Не твои ли знамена Суворов
Над вершинами Альп проносил?

*Публ. по: Вяткин Г.А. Раненая Россия. Стихи /
составитель и автор предисловия Т.Г. Вяткина-Зубарева.
Омск: Кн. изд-во, 1992*

Усталому

Много в море пловцов усталых,
Много жертв поглотил Океан.
Но не думай о грозных скалах
И о боли горящих ран.

Эти горькие раны – святы,
И лучами лазурной весны
Улыбается им Распятый
Из далекой своей страны.

Улыбнись и подумай: что беды!
Расцветет каждый куст и лужок –
И ликующим гимном победы
Зазвенит боевой рожок.

Отечество. 1919, № 2–3

Похороны белого офицера. Лермонтовская улица. Омск. 1919, май

Новая весна

Весною духа веет на земле.
 Еще жива неясная тревога,
 И дольний мир еще лежит во зле...
 Но путь широк, но солнца в мире – много.
 Весною духа веет на земле.

Взгляни на радостные флаги
 В полдневном солнце, блеске и тепле.
 На эти лица, полные отваги...
 Привет борцам, героям вечной саги,
 Чей дух весною веет на земле.

Как страстно мир о радости тоскует.
 Как он устал в бессилии и мгле...
 Но близок час...

Весенний ветер дует,
 Весенний луч знамена нам целует.
 Весною духа веет на земле.

*Публ. по: Вяткин Г.А. Собрание сочинений: в 5 т.
 Омск: Кн. изд-во, 2005. Т. 1: Стихотворения. Поэмы*

Отечество

Великим зовам Человечества
 Покорно слух мой отдаю,
 Но я люблю мое отечество,
 Отчизну милую мою.

И никакой стране неведомой,
 И никаким чужим краям
 Того, что Русью заповедано,
 Храня ревниво, не отдам.

И пусть смеются злые вороги,
 Но мне близка моя земля,
 Но сердцу радостны и дороги
 Седые башенки Кремля.

И в ночь глухую, непогодную
 Уводит в прошлое тоска –
 И снится вече мне народное,
 Я слышу посвист Ермака...

И лаской нежною, безбольною
 Родные веют небеса,
 И Волга-матушка раздольная,
 И Камы синие леса...

Чужим богам душа не молится,
 И чем бы заменить могла
 Июньский вечер у околицы
 Родного бедного села,

Когда далеко в поле брошенный,
 Звенит-поет вечерний звон,
 И запах трав, еще не скошенных,
 Плывет, плывет со всех сторон,

И, аромат вдыхая сладостный,
 Тоскуют яблони в саду:
 Когда засветит ангел благостный
 На небе первую звезду?

*Публ. по: Вяткин Г.А. Раненая Россия.
 Стихи / составитель и автор предисловия
 Т.Г. Вяткина-Зубарева. Омск: Кн. изд-во, 1992*

Огни

Закружит ли ночами метелица
И окутает саваном дол, –
Все мне грезятся светочи милые,
Огоньки деревенских школ.

Тяжела ты, суровая непогодь,
Ты темна еще, русская ночь!
Дикой воли, разгула кровавого
Ты не можешь еще превозмочь.

А посмотришь на ниву народную –
Детский шум не смолкает на миг.
И склоняются юные головы
Над листами тетрадей и книг...

Ты крути, не крути ли, метелица,
Заметай ли дорогу во мгле, –
Разве разуму воля заказана,
Разве нет красоты на земле?

И не хочешь, да вот зачитаешься.
Станешь думать и ночью, и днем.
А потом над родными раздольями
Вся душа загорится огнем.

Гой ты, родина. Русь неоглядная!
За тебя ль пред врагом не стоять,
Достоевского, Гоголя, Пушкина
Величавая скорбная мать.

Ты открой нам пути заповедные,
Уведи от раздоров и зол.
Путеводными звездами светятся
Огоньки деревенских школ.

*Публ. по: Вяткин Г.А. Раненая Россия.
Стихи / составитель и автор предисловия
Т.Г. Вяткина-Зубарева. Омск: Кн. изд-во, 1992*

* * *

Только тем неземное снится
И горная радость близка,
Чьи задумчивы бледные лица,
Чьи глаза целовала Тоска.

Все мы странники в мире Божьем,
Но немногим дано взойти
Из темных низин бездорожья
К строгим высям иного пути.

На далеких, забытых дорогах,
В стороне от знакомых мест,
Я ищу их, печальных и строгих,
Несущих тяжелый крест...

Одобряю ласковым взглядом
И не смею задать вопрос...
Быть может, со многими рядом
Незримо идет Христос.

Оттого в их суровых лицах
И в печали заплаканных глаз
Непонятная радость таится,
Чтобы вспыхнуть в свой жертвенный час.

Все мы ранены жалом терний,
Но немногим, сквозь боль и позор,
Улыбается свет не вечерний,
Незакатное солнце гор...

*Заря. 1919, 23 февраля
Публ. по: Вяткин Г.А. Собрание сочинений: в 5 т.
Омск: Кн. изд-во, 2005. Т. 1: Стихотворения. Поэмы*

* * *

Говорил лицемерно и грубо,
Ничего не сказала в ответ.
Лишь слегка задрожали губы
На его равнодушное «нет».

И, сознав роковую ошибку,
Положив перед ним кольцо,
Отошла – с горделивой улыбкой,
С побелевшим от боли лицом.

Вот идешь ты тропинкой лесною,
И печалишься тайно... О чем?
Тонкий месяц встает над тобою
И ласкает своим лучом.

Ничего, что растравленной раной
Оскорбленное сердце горит,
Из опушки лесной, из тумана
Чья-то песня, как зов, звенит.

Поклонись добрым духам леса
И иди, куда манит взгляд.
Всюду в небе сияет месяц,
Молчаливый небесный брат.

*Публ. по: Вяткин Г.А. Собрание сочинений: в 5 т.
Омск: Кн. изд-во, 2005. Т. 1: Стихотворения. Поэмы*

В святую ночь

I

Аще не будете яко дети...

Будь ребенком в эту ночь.
Кротким, нежным и наивным:
В мире грез, святом и дивном,
Надо слезы превозмочь.

В бездне пошлости и зла
Жизнь терзала нас и била:
Веру прежнюю убила,
Веры новой не дала.
Но тяжел сомнений гнет,
Но неведомы дороги.
И мечта о Добром Боге
В сердце радостно цветет.

Бесконечные сомненья,
Бесконечные лишенья
Сердцу чуткому невмочь,
Сердцу хочется забвенья.
Будь ребенком в эту ночь!

II

Христос

Грущу ли я вечером бледным
В немой тишине без огня,
Он с кроткой и грустной улыбкой
Из мрака глядит на меня.

Закрою ль глаза я, засну ли
Я после тревожного дня,
Он с той же печальной улыбкой
Из мрака глядит на меня.

Нам тяжело, нам трудно, нам больно
 На милой и грешной земле...
 Пусть чаще Твой образ, Любимый,
 Нам светит звездой во мгле.

Иртыш. 1919, № 14

Публ. по: Вяткин Г.А. Собрание сочинений: в 5 т.

Омск: Кн. изд-во, 2005. Т. 1: Стихотворения. Поэмы

Колокольчики...

По А.К. Толстому

Колокольчики мои,
 Цветики степные,
 Что глядите на меня,
 Темно-голубые?

Я бы рад вас не топтать,
 Рад промчаться мимо,
 Да на красных наша рать
 Мчит неудержимо.

Мы летим от Иртыша,
 От степи Сибирской,
 Злые полчища круша
 Силой богатырской.
 Есть коню и мне простор,
 Оба мы – лихие.
 И куда ни кинешь взор –
 Широка Россия.

Скоро ль кончится наш бег
 У Москвы родимой?
 Знать не может человек,
 Знает Бог Единый.

Буду ль ранен я в бою
 В бешеной атаке?
 Или кончат жизнь мою
 Красные собаки?

Или жертвою измен
 Пасть и мне придется?
 Но не сдамся красным в плен,
 Пока сердце бьется...

Иль домчимся в добрый час
 В Кремль золотоголавый.
 То-то, верно, встретят нас
 С почестью и славой.

Загудят колокола
 Всяких песен краше.
 Эх, ты матушка-Москва,
 Солнышко ты наше!

С Дона, с Терека-реки,
 С Иртыша, с Урала –
 Отовсюду казаки
 Мчатся, мощны и легки,
 Будто волны шквала.

Вот идет за строем строй
 Чинно и согласно.
 И знамена над толпой
 Реют в небе ясном.

И хозяйкой на крыльце
 Их Москва встречает.
 На измученном лице
 Светлый луч играет.

Сон ли дивный нас томит
 Или это сказка?
 Речь хозяйюшки звучит
 Радостью и лаской:

«Хлеб да соль вам в добрый час
 Без тоски-печали.
 Заждалась я, братцы, вас,
 Думала: пропали.

Сколько здесь лила я слез
 Перед небесами,

Чтобы только довелось
Повидаться с вами.

Сердцем чуяла, что к нам
Вы неслись, как лава.
Слава Богу! Слава вам!
Всей России слава!»

Отвечают казаки:
«Здравствуй, дорогая.
Нам лукавить не с руки,
Погляди-ка на полки:
Силища какая!

Но немало пало нас
И в бою суровом, –
Помяни их в скорбный час,
Вспомни добрым словом.

Сотни лет тебе, родной,
Честно мы служили,
Сотни лет тобой одной
Только мы и жили.

Через дебри и пески
Путь к тебе искали.
Калита да казаки
Землю собирали.

Так прими же наш поклон
В сладкий час отрады,
Люб нам твой кремлевский звон,
И служить мы рады...»

А на площади народ
Ждет и не дождется,
Вот и песня раздалась,
И «ура!» несется.

И летит «ура!» на юг,
К турку и венгерцу,
И славянских песен звук
Немцам не по сердцу.

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Темно-голубые.

Я б замедлил конский лет
Песенкой ленивой,
Да Москва-старушка ждет,
Ждет нетерпеливо.

Единая Россия. 1919, № 6

*Публ. по: Вяткин Г.А. Собрание сочинений: в 5 т.
Омск: Кн. изд-во, 2005. Т. 1: Стихотворения. Поэмы*

Москва

Они уйдут... Но в злобе дикой,
Но эту злобу утоля...
И будут грохоты и крики,
И будет день тоски великой,
Какой не ведала земля.

Безумной полные гордыни,
Рукой, повинною в крови,
Они взорвут твои твердыни,
Твои кремлевские святыни,
Седые башенки твои...

И дым клубится над домами,
И пепла темная канва,
Как траур, ляжет меж камнями...
И небо окропит слезами
Твое пожарище, Москва.

Но будет, будет и отрада,
Воскреснешь ты, мой край родной.
И нас иная ждет награда –
Стоять вокруг святого града
Живой Кремлевскою стеной.

Стоять, как у одра больного,
Тоскуя, веруя, любя,
Покуда дышит скорбь сурово
И радость утра голубого
Не озарит, Москва, тебя.

Единая Россия. 1919, № 1

Идущим вперед

Смотрю как с бодрой песней
Идет за ратью рать,
И каждому солдату
Мне хочется сказать:

– Одна теперь дорога
Смелей гляди вперед.
Москва – твоя невеста
Тебя, родного, ждет.

Приданое – свобода
И русская земля:
Ее леса и реки,
Долины и поля.

А там, в Москве любимой,
На шум твоих шагов,
Как будто встрепенутся
Все сорок сороков.

И сам Иван Великий
Могуче загудит,
И сам Святой Никола
Со стен Кремля Святого
Тебя благословит.

Наша газета. 1919, 23 августа

Огненный Столп

Библейский мотив

Был тяжек долгий путь к земле обетованной.
Был жуток плач детей, мятеж голодных толп,
Пустыня дикая... Но Бог насытил манной,
И, указуя путь, среди ночи туманной
Возжег пылающий нерукотворный Столп.

И снова шли вперед, зане душа алкала
Узреть сады олив, стада овец в полях...
И вера, как алмаз, во всех очах сверкала.
И, в зареве Столпа, был робок крик шакала,
Мертвели кольца змей на стынущих камнях...

.....
Дыханьем Разума, могучим и свободным,
Убей в нас, Господи, дух лжи и клеветы,
И все сердца зажги порывом всенародным,
Как светоносный Столп во мраке безысходном,
Ведущий нас в страну, которой клялся Ты.

Заря. 1918, 8 сентября

В красных масках

(Под впечатлением с внутреннего фронта)

Эх, ты, сельская Русь!
В красных масках ползут
По полям твоим гадины черные,
И во имя свободы и мира зовут
На разбой, на погромы позорные.

А в аду Сатана в честь их празднует бал,
И, любуясь бесстыдством ораторов,
Поднимает наполненный кровью бокал –
За здоровье господ провокаторов!

Подписано: Г.В.

Наша газета. 1919, 25 сентября

*Из гражданской лирики Франческо Петрарки**

I.

Франческо Петрарка, гениальный певец любви, был и пламенным поэтом-гражданином. На разгром Италии немцами в XIV веке и на ее внутренние раздоры он отозвался циклом гражданских канцон, три из которых в вольном переводе и предлагаю читателям. По стихам и настроениям они очень близки современной России.

Г. Вяткин

Из звучных слов, пустых, но громких,
Не делай идолов, народ!
И сбрось с себя позорный гнет,
Какого не простят потомки.
И если враг твой на колени
Тебя поверг и одолел, –
То плод твоих постыдных дел,
Преступной слабости и лени...

II.

Боже всесильный! Во имя любви,
Ты, на кресте отстрадавший,
Бедной Италии, горе приявшей,
Милость и радость яви!
Край мой безжалостно мучит война,
Край мой жестоко терзают раздоры...
Боже великий, склони свои взоры –
Гибнет родная страна.
Ты, милосердный, нам душу смягчи
В распре пустой и жестокой...
Истине светлой и правде высокой
Нас научи!..

III.

Так это ты, которую люблю,
Страна моя, страна родная!
В которой рос когда-то, мук не зная...
Нет, ныне я тебя не узнаю.
О, сжальтесь же над родиной, сеньоры!
От бед и лжи давно устал народ.
От нас, вождей, спасения он ждет.
Забудьте рознь, оставьте ваши споры!
Пусть гордый клич подхватится дружной.

* Перевод Г. Вяткина

Пусть доблесть позабытая воспрянет,
И гимн победы радостный да грянет
Во всех концах Италии моей.

Заря. 1918, 29 сентября

Ясный вечер

Вечер тих и прекрасен,
Запад в море огня.
Эти райские розы
Тонут в золоте дня.
Это тихие думы
Тех, кто светел и свят,
Как бескровные жертвы
Перед Богом горят.
Всё проходит, уходит,
Пропадает во мгле...
Только чистые сердцем
Светят нам на земле.

Каппелевцы. Однодневная газета Осведфронта.
1919, 12 октября

Новый гимн

Музыкальная красота
русского национально-
го гимна непререкаема,
и ее следует сохранить.
Но текст гимна – после
революции недопустим.
Предлагаю новый текст,
по форме соответствующий
прежнему и вполне
удобный для пения.

Г. Вяткин

Боже, народ храни!
Слава России,
Ныне свободной, сильной вновь,
Миру несущей любовь.
Слава России!
Боже, народ храни.

Слава родным полям,
Царственной шири
Волги и Дона, гордой Невы,
Крыма, Кавказа, Москвы,
Славной Сибири,
Слава родным полям!

Дети одной семьи –
Наши народы.
Боже, ты нивы их благослови,
В сердце пролей огонь любви,
Радость свободы.
Боже, ты Русь храни!

Подпись: Г.В.

Заря. 1918. 3 ноября

Смотр войск на Соборной площади с участием Верховного правителя адмирала А.В. Колчака. Омск. 1919

ГЕЙНЕ ИЗ ОМСКА

Песнь о вещем Совнаркоме

Из альбома пародий

Как ныне собирается сам Совнарком
Отмстить господам офицерам
И армию белых обречь на разгром
Решительно, быстрым манером.
И всех, не принявших советскую власть,
Швырнуть в ненасытную красную пасть.

С дружиной мадьяр, в брест-литовской броне,
Сам Троцкий вперед выступает,
Вацетис гарцует на тощем коне,
Подвойский за ними хромает.
А там Луначарский спешит петушком...
Вперед подвигается наш Совнарком.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный лишь небу старик одному,
Бесстрастной истории вестник,
Что с будущим так же, как с прошлым знаком...
И вот вопрошает его Совнарком:

«Скажи мне, товарищ, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною,
И скоро ли стан буржуазных врагов
Навеки сравню с землею?
Открой мне всю тайну, не бойся меня,
В награду декретом прославлю тебя».

«Волхвы не боятся советских владык,
 Декрет же им вовсе не нужен.
 Правдив и свободен их вещей язык
 И с волей истории дружен.
 Грядущие годы таятся во мгле,
 Не знаю, что будет с тобой на земле.

Запомни же ныне ты слово мое:
 Ты царствовать будешь недолго.
 Насильем прославлено имя твое
 В Москве, на Неве и за Волгой.
 Голодные люди покорны тебе.
 Но кто позавидует этой судьбе?

Я вижу: девятый вздымается вал,
 Свободы заря засияла,
 Под флагом трехцветным сверкает Урал,
 На юге Украина восстала.
 И как не чини ты свой тришкин кафтан,
 На нем за изъяном – лишь новый изъян!..»

...Нахмурился Троцкий, повесила нос
 И свита, плохое почуяв.
 Но тут Луначарский вдруг задал вопрос:
 «Ты, верно, колдун, из буржуев?
 Признайся, предатель, ты кто же таков:
 Деникин? Иль Бурцев? Иль сам Милюков?»

Но чудо свершилось: кудесник исчез,
 И всадники полны унынья.
 За ними – дремучий безвыходный лес,
 Пред ними нагая пустыня.
 Направо, налево – повсюду враги...
 Пропащее дело – беги не беги!..

Как ныне сбирается сам Совнарком
 Врагам отмстить неразумным,
 Но волей истории в бездну влеком,
 Он рухнет позорно и шумно...
 И радость польется, как горный поток,
 На запад и север, на юг и восток.

Единая Россия. 1919, № 1

Г. ДРУЖИНИН

На Голгофе

Ты на Голгофе, Русь моя!
 Целует смерть твои ресницы,
 Твои библейские страницы
 Темнеют в книге Бытия...
 Ты на Голгофе, Русь моя...

Крест, багрянец. Пот кровавый
 Стремится с русского лица.
 У бледных пальцев князь лукавый
 Юлит – не снимет ли кольца...
 Ты в багрянице до конца...

А сумрак ниже. Сумрак пуст,
 Лишь полный хохотом, и псами.
 И дьявол дерзкими устами
 Уже твоих коснулся уст...
 А сумрак виснет. Сумрак густ...

И.В. Волков. Водосвятие на Иртыше 6 января. 1918. Холст на картоне, масло. Омский музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля

О Русь! – Где кони жениха?..
Где меч его... его любовь?
Ужель твою не смоег кровь
Он кровью витязя греха?..
О, Русь... где кони жениха?..

Заря. 1918, 2 ноября

ЗЕМЛЯК

Частушки

Как при старом при режиме
Угнетали наш народ,
Я жила не при Ефиме,
А служила у господ
А теперь плевать на бар –
Мой миленок – комиссар.
На «резинках» с ним задуем,
Аль в «танцульку» убежим,
Не чета иным буржуям.
Вот что значит наш режим.
И бояться все нас – страсть,
Ведь советская мы власть.
Комиссарам не в пример
Ноне мой миленок.
«Я, – грит, – новый Робеспьер,
Аль Марат с пеленок».
Уж Марат-то он Марат,
Только пьет денатурат!
К черту город, мне, грит, ширь
Надобна под небом.
Я пойду войной в Сибирь
За пшеничным хлебом,
Приказал, мол, мне Совдеп,
Чтоб добыть в Сибири хлеб.
Милый выбился из сил
В битвах с вражьем станом,
Да Колчак им прищемил
Хвостик под Курганом.
Хлеба что-то не видать...
Ах ты, кузькина мать!..

Наша газета. 1919, 18 сентября

За зло добром

(по Пушкину)

«Пью за здоровье Мери!»

Пью за здоровье франков,
За лихих англичан,
За свободнейших янков...
Поднимаю стакан
За создателей танков!
 Пью за здоровье франков,
 За блестящий Париж,
 Что спасли мы без танков,
 Вздув союзный престиж,
 Ну, и... курсы их банков.
Пью за здоровье франков,
За пьянящий успех
Мирных с немцами бланков,
За союзников всех,
Посуливших «шесть» танков.
 Пью за здоровье франков
 И за русский народ,
 Без чудовищей – танков
 Положивший живот
 За британцев и франков!
Пью за русский народ,
Что крылатее птицы
Жизнь за други кладет,
Когда враг у столицы,
И награды не ждет!
 Пью за русский народ,
 Что веками спасает всех даром,
 Но запомните: в год,
 Когда Франция вспыхнет пожаром,
 Снова русский народ
 Вас, французы, спасет!!!.

Наша газета. 1919, 24 сентября

Новое вино и старые мехи

*Среди комиссаров Совдепии страшно
развито взяточничество.*

Из газет

Новый строй и все так ново...
Прочь законы – есть декреты!
Иногда свободу слова
Разрешают комитеты.

Все так ново в нашем строе,
И отсутствуют дефекты.
Крепнут новые устои,
Укрепляют их «проекты».

В Лету пали бюрократы
С канцелярщиною ветхой,
А у власти – «демократы»
С исполнительностью редкой...

Все названья новы стали,
Только взятки – те лишь стары.
Пристава их раньше брали,
Ну а ныне – комиссары!

Взятка – вечною отравой
Остается, как бывало:
Брать нельзя рукою правой
Ну, а левой – можно стало.

Наша газета. 1919, 27 сентября

Неизвестный художник. Агитационный плакат «Армия – вот кто борется против хищной, кровавой руки большевика...». 1919. Русское бюро печати, Омск. Государственный архив Российской Федерации

Грязь

«Кипящий водопад, свергаясь со скал»,
 Освободясь от камней и преград,
 Свободе наступившей рад,
 Струи блестящие могуче разливал.
 На берегу ж среди зевак чудак
 С приятелем глазел и дивовался
 На то, как сей поток красиво низвергался,
 И говорил: «Скажи, откуда грязь?
 Я мерзости такой не видел отродясь:
 Навоз да сор... И этакую воду ведь пить придется нам,
 Да и всему народу...
 Ну долго ль тут схватить холеру иль чуму?!
 (Водопровод тогда не исправлял природу).
 Я в рот глотка воды за деньги не возьму...
 Подумаю – и то душа мутится».
 «Э, полно, стоит ли без толку кипятиться», –
 Приятель говорит: «Ну, право, милый мой,
 В какой реке навозу нет порой?
 И с этой бедой приходится мириться...
 Зато, вот погляди, недели не пройдет,
 Всю эту грязь бесследно пронесет
 И будет чистая водица!..»

...
 Читатель, друг! Хоть у кого спроси
 Немало мерзости скопилось на Руси,
 И нам с тобой подчас бывает также круто...
 Но погоди... Промчатся времена,
 Настанет, наконец, блаженная минута
 И смоеет грязь из русского закута
 Могучая народная волна!

Наша газета. 1919, 8 октября

ИЗГНАННИК

Из песен изгнанника

Набат

Чтоб разбудить народ, – я колокол набата
 Заставил разбудить молчанье тишины...
 Нельзя спокойно спать, когда огнем объята
 И кровью залиты поля Родной Страны!
 Нельзя спокойно спать, когда Россия стонет,
 Когда она в руках безумных палачей...
 Пусть встанет весь народ и властно сам изгонит
 Их из страны измученной своей!
 Народ еще не весь, народ не весь проснулся...
 Гуди, греми, набат! Скорей буди народ!
 Хочу, чтоб всякий встав, проснувшись ужаснулся,
 Увидел, что страну мою родную ждет...
 Мой колокол гудит: «Безумные, проснитесь,
 Суда великого великий день настал,
 Безумью нашего покоя ужаснитесь
 И все сюда, вперед, с оружием за Урал!..»
 Разбудит мой набат всех юношей мятежных –
 Надежду светлую моей родной страны,
 Душою смелых, сердцем юным нежных,
 И увлечет их на поля войны!..
 Разбудит мой набат и рыцарей наживы,
 Забывших Родину безумных торгашей,
 Увидят и они, что их надежды лживы –
 Купить спокойствие ценой своих грошей!
 Пусть сестры, матери и девушки, и жены
 Клеймят позором тех, кто прячется в тылу,
 Кто не идет спасать Россию униженной, –
 Развеять и прогнать кровавой ночи мглу.

Когда Страна в огне, когда освобожденья
 С надеждой на востоке ждут села, города,
 Тогда преступны там, в тылу увеселенья...
 Теперь все, как один, должны идти сюда!
 Идти сюда и встать сомкнутыми рядами,
 Собрать все силы для решительной борьбы.
 За нами часть Страны; ее судьба за нами!
 Народ великий мы иль – жалкие рабы?

Западная армия.

Наша Заря. 1919, 17 июня

Гимн

Благослови, Господь, державный путь России,
 Народный разум светом осени.
 На страх врагам, на счастье для народа
 Россию и народ на веки сохрани!
 Благослови, Господь, свободный труд народа,
 В труде и знанье счастье он найдет
 Для красоты, величия и славы
 На веки сохрани Россию и народ!

Наша Заря. 1919, 18 июня

Настроения

Моей Волги родной мне Иртыш не заменит,
 Я – один здесь, вдали от родных берегов...
 Пусть чужая река волны хмурые пенит,
 Среди серых, холодных и чуждых песков, –
 Моей Волги родной мне ничто не заменит!
 В этой чуждой стране я один, все чужие...

В этих серых и бедных расцветом степях
 И цветы, и деревья, и краски бледнее,
 И не тот сладко пахнувший ветер в полях...
 В этой серой стране я один, все – чужие!
 Все готов я отдать, чтоб на Волгу вернуться,
 Ах, как хочется снова вернуться туда!
 Там свободно душой, как орлу, встрепенуться
 И отбросить тоску от души навсегда...
 Ах, как хочется снова на Волгу вернуться!..
 Там в горах и в лесах, на обрывах прибрежных
 Расцветала любовь и сближенье росло...
 Здесь в тоске одинокой, в мечтах безнадежных
 Снежной бурей холодной цветы занесло...
 Я на Волге мечтой, на обрывах прибрежных!
 Там на Волге теперь – слезы, стоны России,
 Там – с надеждами смотрят на юг и восток,
 Там – томятся и ждут нас с тоскою родные...
 Дни их жизни считает Всевидящий Рок...
 Там, на Волге теперь стоны, слезы России!
 Здесь довольство трусливое, жажда наживы
 И стремленье забыть, хоть на миг, обо всем,
 Но надежды трусливые робки и лживы,
 Жизнь напомнит о крови огнем и мечом

Здесь живущим в довольстве и жажде наживы...
 Здесь не слышат оттуда ни криков, ни стонов,
 Здесь враги смело сеют стоустую ложь...
 Не пора ль... взять винтовку и сумку патронов
 И на фронт... здесь от слухов трусливых умрешь...
 Здесь не слышат оттуда ни криков, ни стонов!..

Наша Заря. 1919, 17 июля

Дмитрий ИЗГОЙ

На чужбине

На улице туман и слякоть,
 Осенний дождь стучит, шумит...
 О чем-то хочется заплакать,
 И что-то душу мне томит...
 Теперь я здесь, в Сибири дикой,
 Забыт далекий домик мой,
 Балкон, обвитый повиликой,
 И сад с пахучей бузиной.
 Я здесь томлюсь в уединеньи,
 В душе прошедшее бужу
 И жду, когда шагну в волненьи
 Через заветную межу.
 Но дни изгнанья слишком долги...
 Чужда мне дикая тайга.
 Ах, скоро ли родимой Волги
 Увижу снова берега?
 Родных полей простор привольный,
 И стройный благовест церковей,
 И контур хмурой колокольни,
 На гумнах – стаи голубей.
 Я верю, этот день настанет,
 Падет постылый гнет оков,
 И вновь по улицам Казани
 Пройдут ряды родных полков.

Наша газета. 1919, 4 октября

ИЛЬИЧЕВСКИЙ

Невероятное происшествие

Что-то не вяжется, что-то не верится, –
 Лучше газет не читать,
 Левушка Троцкий на Вовушку Ленина
 Поднял Совдепскую рать!

Ввергнул его во узилище темное,
 Стражу приставил к нему...
 – Где же ты, дружба бывшая, огромная?
 Что-то я в толк не возьму.

Разве не вместе в Россию несчастную
 С пломбою вас привезли?
 Вместе для Родины участь ужасную
 Вы от врагов принесли.

Все пополам, и печаль и тревогу,
 Марки и те пополам.
 Власть поделили, и даже, ей-богу,
 Витя завидовал вам.

Дружба прошла и любовь пролетела.
 – Вовушка в сторону гнет.
 Вовушка вправо, а Левушка влево.
 Кто вас теперь разберет?

Кто вас рассудит и кто вас помирит?
 Видно пора умирать. –
 Левушка Троцкий на Вовушку Ленина
 Поднял Совдепскую рать!

Наша Заря. 1919, 4 февраля

Родине

Хищные вороны рвут и терзают
 Матери сердце, запачкавши в кровь
 Лапы и клювы. А к телу слетают
 Все новые стаи. Уж много их вновь,
 Пируя, сменилось! Слезинки из глаз
 У жертвы измученной падают светлые,
 Ясные – будто бы чистый алмаз,
 Но для мучителей мало заметные,
 С клекотом диким взлетая над телом,
 В жертву живую когтями вцепясь,
 Страшным кровавым лишь заняты делом,
 Муками жертвы своей веселясь,
 Пир свой кровавый, кровавую тризну,
 Дико справляют над телом родным.
 – Родину мать, дорогую отчизну,
 Всем дорогую, но только не им,
 Темные, дикие, кровью залитые,
 Мучат и губят, безжалостно рвут!
 Рвут и уносят... Но всеми забытая
 Хочет подняться, рукою смахнуть
 Хищную стаю. Глаза ее ждут,
 Молят и просят. О помощи просят,
 Молят о том же и тех только ждут,
 Кто в сердце любовь к ней горячую носит,
 Лишь тех – кто по первому зову пойдут.
 И они уж идут! Твои дети с тобою,
 Родина мать! Уже битва гремит.
 Видишь, как степь поднялася волною?
 Слышишь, тайга как глухая шумит?
 Все за тебя! И не страшны старания
 Хищников мелких те силы сломят.
 Полно мучений, довольно страданий,
 – Жить для тебя – или вовсе не жить!

Наша Заря. 1919, 8 февраля

*Сказка о большевике и Иване Дураке**(Как большевик Ивана Дурака обманул)**I*

Это сказка про Ивана,
 А коль сказка, – так иль сяк
 Должен быть Иван Дурак.
 Только есть одно различье:
 В сказках старых тот
 Иван глуп был только для приличья, –
 Жребий был такой уж дан.
 А коль дело доведется,
 Он совсем не так уж прост!
 То целует Царь-Девицу,
 То жар-птицу хватя за хвост.
 Там удача, здесь награды –
 И, глядишь, к концу Иван
 Добыл «все, что было надо»,
 И вдобавок умным стал.
 Наш Иван не так-то счастлив.
 Не везет ему никак,
 От рожденья незадачлив
 И до сей поры дурак!
 Не за морем и горами,
 А у нас среди полей,
 Тут же рядом, вместе с нами
 Жил Ванюша Дуралей.
 Жил тихонечко и смирно,
 Все порой бывало чинно,
 Иногда ж, ну, ей же ей, –
 Не найти его скромней!
 Разве лишь, когда напьется
 В праздник с горя или так, –
 С бабой дома подерется;
 Выпить был он не дурак!
 На работу ж если станет,
 Заработает, как вол.
 Только, только солнце встанет,
 Наш Дурак из дома вон
 И работает до пота.
 Есть придет, когда охота,

Сядет есть за семерых –
 Не найдешь таких других!
 Так и жил бы он доселе
 И, прожив почти сто лет,
 Умер тихо на постели,
 Не увидев лишних бед.
 Но не так судьба судила.
 Летом вспыхнула война.
 Ваню баба снарядила,
 Посидела у окна,
 Поглядела на дорогу
 И, поплакавши немного,
 Принялась сама пахать.
 Ваня ехал воевать.
 Воевал почти три года.
 Много вражьего народа
 На тот свет Иван пустил!
 Бог Ивана умудрил,
 Дал и силы и терпенья,
 И без страха и сомненья
 Немца бил Иван-Дурак.
 То штыком, а то прикладом,
 Если было чем – стрелял,
 Шел вперед, а то и задом
 Восвояси отступал.
 Туго немцу приходилось
 После двух – на третий год,
 Но к весне у нас случилась
 Революция. Народ
 Получил себе свободу
 И, не зная толком броду,
 В воду бухнул напрямик.
 Наш Дурак пришел в тупик.
 Хоть потел он и старался
 Раскумекать головой,
 Но куда – хоть волком вой!
 Ничего не понимает:
 Незнакомые слова!
 И у бедного Ивана
 Сильно вспухла голова.
 Разве лишь едва-едва
 Иностраннных слова два
 Удалось ему запомнить,

А порою даже молвить...
 Тут как раз ему на горе
 Довелось услышать вскоре
 И фамилий целый ряд,
 – Все нерусские подряд:
 Кац и Гоц, Бронштейн, Нахамкес,
 Церетели, Цедерблюм.
 Как наш Ваня ни старался,
 Взбудоражили весь ум!
 От такой беды, ей-богу,
 Можно было заболеть!

II

Но недолго так-то было
 У Ивана в голове,
 Не прошло недели две,
 Как со всех земли концов
 Шлют к нему своих гонцов
 Умных, глупых, старых, малых,
 Языкастых и удалых.
 Шлют Ивана научить.
 – Надо Ване умным быть!
 Так радетели решили
 И, конечно, поспешили
 Первым делом приналечь,
 Чтоб к себе его завлечь.
 Много ль надо для Ивана:
 Языком кой-как владея,
 Долго ль митинг учинить?
 Тут принялись все учить.
 Все программы рассказали,
 Всяк других во всю ругал.
 Лишь того не понимали,
 Что Иван умней не стал.
 Все программы перепутал
 И запомнил лишь одно:
 Что война – большое зло
 И нужна лишь для буржуев.
 Это Ваня вмиг учуял
 И решил не воевать,
 А скорее наплевать

На моря и на проливы:
 – Мы, мол, здесь не прихотливы,
 Мы и посуху пойдем,
 Коль свободно заживем!
 Только б вот скорей до дому.
 И совсем уж по-иному
 Стал он с немцем воевать.
 В гости стал к нему гулять,
 И за сахар, хлеб и сало
 У него часы с сигарой
 Стал менять, и счастлив был.
 Все здесь Ваня позабыл:
 И эс-деков и эс-эров!
 Обойдясь без их примеров,
 Снял кушак и нараспашку
 Продавать пошел рубашку,
 Сапоги, белье и брюки –
 Что попало только в руки.
 Так свободным гражданином
 И купцом наш Ваня стал;
 Облечен высоким чином,
 Он по улицам гулял
 И подсолнух истреблял.

III

Тут-то вдруг ему на горе
 Прибыл к нам от немцев вскоре
 Пломбированный вагон.
 И в вагоне, точно в клетке,
 Очень миленькие детки –
 Имя им большевики.
 Для того послать решили
 Немцы их, чтоб поспешили
 Мир с Иваном заключить –
 Немцам плохо стало жить.
 Воевать уж не под силу,
 Надо кончить как никак,
 Благо здесь Иван Дурак.
 Сняли пломбы на границе.
 Смотришь, вот уж и в столице
 Появились на свободе

И при всем честном народе
 Прямо двинулись в совет,
 Чтоб скорей послать ответ
 Другу, ждущему с тревогой,
 Чтоб Вильгельма успокоить,
 Ведь и денег это стоит,
 Что Бронштейн с Вильгельма взял.
 Тут начало всех начал!
 Как у них пошла работа!
 Лишь одна была забота,
 Как бы Ваню окопачить
 И побольше подурачить.
 Лишь бы только приручить
 И как надо обучить.
 Порешив на этом дело,
 Большевик к Ивану смело
 Приступил и начал так:
 «Ты, Иван, совсем дурак!
 Ну, зачем, скажи мне прямо,
 Ты сидишь в окопных ямах?
 Правда хоть и не воюешь.
 Только с немцами торгуешь.
 Но ведь могут и послать
 Снова драться, воевать!
 А ведь немец-то наш брат
 И с тобой мириться рад.
 Ведь тебя он очень любит
 И, конечно, не погубит.
 Кончим быстро мы войну.
 Я тебя с собой возьму,
 И пойдём с тобой мы вместе
 Бить буржуев, жечь поместья,
 Землю всю тебе отдам,
 Хлеба вволю, денег дам.
 А у честного народа
 Будешь ты, что воевода.
 Будешь с бабой славно жить,
 Ни о чем-то не тужить.
 Ничего не будешь делать,
 Только чай пить да обедать,
 На полатях ночевать.
 И со всех к тебе концов
 Будут гости на поклон.

Не житье, а впрямь малина!
 Слушай лучше, дурачина,
 И мотай себе на ус,
 А за дело я возьмусь».
 Наш Иван недолго думал,
 Поразвесил мигом уши,
 Закружилась голова,
 Отошел едва-едва.

IV

Быстро дело шло на лад.
 Большевик без меры рад!
 С ним Иван в огонь и в воду.
 Взял такую даже моду,
 Что себя большевиком
 Называл он прямиком.
 Ну как есть совсем родные!
 Большевик как будто клад
 Отыскал в Иване сразу.
 Так, ловкач, свою заразу
 Он приятелю привил!
 Вместе с ним Москву громили,
 Кремль испортили, стащили
 Кучу памятников вниз.
 Сдуру где расшиб карниз,
 Где повыбил двери, стекла,
 И пошла стонать земля:
 Мальчик тщетно ждет отца,
 Сына мать, жена ждет мужа.
 С каждым днем все хуже, хуже.
 Полилась ручьями вновь
 На Руси родная кровь.
 Начались то здесь, то там
 По всем русским городам
 Столкновения и схватки.
 Наш Иван свои ухватки,
 Те, что к немцу применял,
 Здесь на совесть проявлял.
 Порешили быстро с властью,
 И, к Иванову несчастью,
 Сел у власти большевик.

Тотчас принял грозный лик,
 Написал декретов массу,
 Разобрал у банков кассу,
 Обобрал у всех, что мог,
 А чтоб дело довершить,
 Стал Ивана вновь учить:
 Слушай ты, Иван, меня,
 В Брест-Литовск поеду я,
 И все дело там на месте
 Мы закончим с немцем вместе.
 А тебя, Иван, домой
 Я отправлю на покой.
 Там и делай, что захочешь.
 Дам всего, что ни попросишь.
 А чтоб время не терять,
 Можешь с фронта удирать.
 Вновь развесил Ваня уши
 И, внимательно прослушав
 Все, что друг ему сказал,
 Он недолго рассуждал.
 Почесав затылок тихо
 И надвинув шапку лихо
 На затылок и бекрень,
 Чуть не в тот же самый день
 На вокзал скорей поплелся,
 Там в толпу Иван затерся,
 А чтоб знали все про нас,
 Сел преважно в первый класс.
 Закурил собачью ножку,
 И кой-как да понемножку
 Ехал с фронта он домой.
 Стекла выбил все долой.
 И, подумав головой,
 Всю обивку снял с дивана:
 Пригодится для Ивана!
 Изувечил весь вагон
 И в деревню прибыл он.
 Но не тут-то дело было!
 Ване счастье изменило:
 Вместо мира немец хитрый
 Стал спокойно наступать.
 Большевик Ивана звать:
 – «Эй, Иван, постой куда ты,

Воротись, иди в солдаты!
 Надо немца задержать –
 Немец хочет воевать!»
 Ваня только головой
 Покрутил: «Э, Бог с тобой,
 Повоюй-ка, братец, сам,
 Надоело это нам!»

У

Так прошло почти полгода.
 Много глупого народа
 Обработал большевик.
 Стал не в моде меньшевик.
 И эсэр с кадетом тоже
 Стали больше уж не гожи:
 Соглашатели они.
 Саботажнику сродни,
 Саботажники и сами.
 И тихонько между нами
 Я скажу, что, ей же ей,
 Их прогнали всех с очей!
 Все газеты отобрали.
 Хоть шумели и кричали,
 Но куда уж тут шуметь!
 Дай Бог только уцелеть!
 Большевик, не тратя время,
 На себя еще взял бремя –
 Всю Россию покорить,
 Непокорных победить.
 И, пред немцем отступая,
 Красных армия лихая,
 Молодцы все на подбор –
 Конокрад, убийца, вор
 И подобные им лица
 С быстротою, словно птица,
 По стране родной пошли,
 Грабя все, что ни нашли,
 Убивая всех без счету,
 Ради шутки и в охоту,
 Разоряя все и всех,
 И для шутки и на смех!

Стон пошел от края к краю
И, в мученьях изнывая,
Обезумевший народ,
Еле прожил целый год.

VI

Жить Иван в деревне стал.
И все чуда не видал,
Чтоб валилась пища в рот
И к нему чтоб шел народ
На поклон, как к воеводе,
И недолго время длилось,
Будто с неба что свалилось,
И в деревню дикой шайкой,
Устрашая всех нагайкой,
Прискакал большой отряд.
Ваня наш совсем не рад!
Вмиг рассыпались по хатам.
Все нашли, куда что спрятал
Кто-нибудь на черный день.
Каждый требовал, грозил.
Все, что видел, уносил,
Не терпя сопротивленья.
По привычке к грабежу,
Много всяк имел уменя!
Я всего не расскажу.
Описать нет сил и мочи.
Так гуляли до полночи.
И в ту ночь никто уж очи
До рассвета не сомкнул.
Ваня тоже не заснул.
Утром рано он поднялся,
Разбудить гостей боялся,
И чтоб не было греха,
Он к обеду петуха
Приказал жене стготовить.
Та сначала прекословить
Начала, потом решила
И с хозяйством заспешила.
А Иван пошел во двор.
Смотрит: выломан забор,

Со двора исчезла телка
И два лучших поросенка.
Поднялись к обеду гости,
Поразмяли важно кости,
Потянулись и опять
Целый день пошли гулять.
И гуляли так пять суток!
Много кур, гусей и уток,
Поросят, телят, свиной
Было съедено в пять дней!
На шестой день утром рано
Принялись за барана.
У хозяек плач и горе!
Угоняли в лес и поле
Кто корову, кто телка.
Ведь потом без молока
Ребятишки насидятся!
И с хозяйством жаль расстаться:
Все нажито ведь горбом:
И скотина вся и дом!

VII

На шестой день повставали
И, не много говоря,
Все амбары обыскали.
А потом от главаря
Поступил «декрет» народу,
Чтоб немедленно подводы
Запрягали все, что есть,
И, считая то за честь,
В город хлеб свой отвезти
И совдепу поднести,
О деньгах не рассуждая.
Видит Ваня, что плохая
Шутка вышла здесь у них.
Но Иван был парень лих!
Подошел к ним и ругает,
И вот прямо называет
Он в глаза их всех жульем:
«Гнать вас надо вон дубьем,
Чтобы не было и духа!».

Тут Иван пребольно в ухо
 Получил и раз, и два,
 А когда едва-едва.
 Приподнялся он на ноги,
 То с нагайкой по дороге
 Познакомился еще.
 Стало Ване горячо!
 В город хлеб отвез скорее
 И оттуда еле-еле
 Ноги он свои унес!
 Но и тут конца не было!
 По селу молва ходила,
 Что и это не конец.
 Что возьмут у всех овец,
 Лошадей, коров, скотину,
 Что земля не будет сыну
 По наследству попадать.
 Что, коль будешь умирать,
 Отпевать попу не надо,
 Что на небе нет награды
 За терпенье и добро.
 Что венчание есть зло,
 Нарушение свободы.
 Вышло это, вишь, из моды!
 И семья, вишь, не нужна,
 В Божий храм ходить не надо,
 И чтоб не было разлада,
 Уничтожен будет он,
 А попа прогонят вон.
 Чтоб была, вишь, у народа
 Настоящая свобода.
 А пока что суд да дело,
 Много раз и очень смело
 Приезжал отряд опять.
 Стал скотину угонять,
 Увозил остатки хлеба,
 Уводил коров из хлева,
 Бил народ... Народ терпел:
 «Знать таков уж наш удел,
 Такова уж, знать, свобода!»
 И к весне уж у народа
 Стало нечего жевать,
 Пришло время умирать.

Коли в город соберутся
 Отвезти сенца хоть воз,
 Так до сена доберутся,
 Реквизируют без платы.
 И опять в родные хаты
 Едут грустно мужички
 «Что, дожили, старички?» –
 Скажет кто-нибудь несмело
 И затихнет. Плохо дело!
 Видит всяк и всяк боится,
 Чтобы жизни не лишиться.
 – Уж куда тут рассуждать!
 Только б детям хлеба дать.
 И поехали за хлебом,
 Кто куда подальше в степь,
 Потянулись, словно цепь,
 За мукою и картошкой
 Очень трудною дорожкой.
 Но не каждый счастлив был.
 Смотришь, хлеба и добыл,
 Да дорогой отобрали,
 Довезти домой не дали,
 Да и деньги отберут.
 Понапрасну дети ждут.
 Наш Иван поехал тоже.
 Натерпелся, не дай Боже!
 Видел горя через край
 И проездил все ж напрасно –
 Не довез до дома он,
 И разбойничьим отрядом
 Дочиста был разгружен.
 На село прибыв, народу
 Рассказал он про свободу,
 Что была по всем местам
 И что видел Ваня сам.
 Люд голодный мрет без хлеба,
 Будто манны ждет он с неба
 От совдепа избавленья!
 Истощилось все терпенье,
 И лишь ждут, когда начать.
 Там, нет силы рассказать,
 Без конца расстрел и казни.
 Нельзя выйти без боязни,

Что до дома не дойдешь.
 Хлеба крошки не найдешь,
 Коли город весь обыщешь.
 Комиссар лишь больно весел!
 Шашку лихо он повесил,
 Ходит весело буюн,
 Пообедал, сыт и пьян,
 Расжирел, ну, словно боров,
 И крутой имеет норов:
 С ним опричники живут,
 Те, что шкуру с нас дерут,
 И по улицам верхами
 Важно скачут петухами.
 «Все дорогой видел сам.
 И теперь мне – стыд и срам –
 Обманул меня пархатый!
 На словах был тароватый,
 Насулил мне целый воз,
 А до дела довелось,
 Еле ноги цел унес!»
 Так Иван рассказ закончил.
 Дружбу он свою прикончил,
 Даже стыдно вспоминать,
 Лучше б было воевать!
 Чешет спину и затылок,
 Чешет лоб, скребет живот,
 Но боится он постылых|
 И смирихонько живет.
 Ждет-пождет, когда на вора
 Без большого разговора
 Весь поднимется народ.
 Наш Иван тогда вперед
 Тож пойдет, забрав дубину,
 И распишет знатно спину
 Он обманщику-злодею!

Но пока сидит – не смеет.
 Да от страха только млеет,
 Ничего не говорит,
 А кругом уж все горит!
 Всколыхнулась, словно море,
 Вся беда людская, горе,

И пошли из берегов.
 Эй, Иван, не будь таков!
 Встань, проснись и сбрось оковы,
 И живи привольно снова.
 Посмотри: твой враг бежит
 И от страха уж дрожит.
 Все совдепы – труп никчемный,
 Лишь народ морочат темный.
 Воровская ж красных рать
 Не захочет воевать!
 Ей грабеж один по сердцу.
 Всыпь-ка, Ваня, ты им перцу,
 Поднимись, довольно спать!
 Так Ивана-Дурачину
 В уваженье к его чину
 Пообделал и подстриг
 Друг любезный большевик.
 Сказку надо нам кончать
 И у моря подождать,
 Как почтит своих друзей
 Наш Ванюша дуралей?

Публ. по: Ильичевский. Сказка о большевике и Иване Дураке.
 (Как большевик Ивана Дурака обманул).
 Омск: Товарищество «Наша Заря», 1919

Обложка журнала «Единая
 Россия» (1919, № 4).
 Слева внизу монограмма: Вс. Л.

И. МОЛ-ВА

Старый дом

Из серого камня стояла ограда,
И ветхие липы склонялись на ней,
И реяли тихо над сумраком сада
Цветные сиянья последних лучей...

Ах, дом, как старик, поседевший, но мощный,
Могучие плечи высоко держал,
И месяц недремлющий, страж полунощный,
В зрачках его окон, сверкая, играл...

И розы кругом... точно нежные грезы,
Порою весенней девичьей души,
Цвели под ветвями кудрявой березы
И прятали листья в росистой глуши...

Теперь изменилось все; все миновало...
Дом старый погиб, весь объятый огнем...
Погибли и липы, что нежно, бывало,
И солнцу и звездам шептали о нем...

*1919-ый год. Стихотворения.
Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919*

Видение

Тихо, спокойно закат догорает:
Воздух прозрачен, вся пыль улеглась;
Летняя ночь покров расстилает,
Медленно в небе Венера зажглась...
Веет покоем и нежной прохладой,
Тополь душистый устало поник...
Слышится пенье и смех за оградой,
Чудится юный задумчивый лик.
Струны невидимо где-то запели...
Где-то так близко, совсем под окном...
Точно знакомые, нежные трели...
Грустная тризна о счастье былом!
Вспомнились горы и сосны прямые,
Плеск родника и заросший балкон,
Свежие розы и липы родные,
Стройные контуры белых колонн.
Вспомнилось поле и спелые нивы,
Стадо пасется в зеленых лугах,
Низко склонились над речкою ивы...
Птицы щебечут в зеленых садах.
Знаю я, сгублены нынче сирени...
Не пожалели и малых певцов.
Грубо лишив их приюта и тени,
Сбросили гнезда на пепел костров.

Русская армия. 1919, 29 июня

Михаил ИМРЕЙ

Минувшее

Горин Михаил Николаевич (поэтический псевдоним – Имрей, иногда и Имрей). Возможно, попал в Омск вместе с армией Колчака. Первый муж поэтессы Н.М. Подгоричани. В Иркутске сотрудник газет «Власть труда», «Красный стрелок», участник объединения «Барка поэтов». Один из авторов альманаха «Отзвуки: сборник в пользу голодающих» (Иркутск, 1921). Годы его жизни и судьба неизвестны.

Грушкина А. История «Барки поэтов» // Мы уйдем, мы исчезнем, потонем...: сб. стихотворений. Иркутск, 2000; Поварцов С.Н. Омский Парнас // Третья столица. Изобразительное искусство. Литература / отв. ред. И.Г. Девятярова. Омск, 2011. С. 112.

Мне жаль домов уютных и старинных,
Тенистых лип у каменных оград
И красной мебели в задумчивых гостиных,
Где на стенах портретов чинный ряд,
Где раньше девушки читали Грандиссона,
Слезинку уронив на кружевной платок.
Подвыпив, мужики с набатным перезвоном
Придут делить заветный уголок.
Грустят аллеи... осень... плачут тучи,
Грустят влюбленные в печаль пруды.
В них скоро мужики намочат лен вонючий
И вырубят вишневые сады.

Наша Заря. 1919, 6 февраля

Сибирь

Белые змеи по улицам стелятся,
Белые змеи зимы.
К ночи завьется, застонет метелица,
Страшно бродить среди тьмы.
В этой холодной и строгой Сибири
Спутаны жизни пути.
Всюду снега и безбрежные шири –
Мне ничего не найти...
Я одинок в этом сумрачном мире,
К прошлому заперта дверь...
В этой холодной и строгой Сибири
Я погибаю теперь.

Наша Заря. 1919, 6 февраля

Вальс

Помню вальс печальный,
Медленно певучий,
Тихое пожатье трепетной руки,
Смех и разговоры
И стихов созвучья –
Цепкие объятия сладостной тоски.
Были взгляды нежные,
Нежные – призывные,
В маленькой гостинной
Быстрый поцелуй.
...Я теперь в Сибири,
Я в Сибири снежной.
Сердце бьется больно.
– Сердце, не тоскуй!
Этот вальс печальный,
Медленно певучий
Не вернется снова –

Надо позабыть.
Только в грезах грустных
Да в стихах созвучий
Этот вальс печальный
Можно повторить.

Наша Заря. 1919, 9 февраля

Настроение

(из книги Ш. Меклэра «Кровь говорит»)

Белеющая скатерть. Свет луны.
Алмазных хрусталей играющий прибой.
Сиянье льется с высоты
Молочною таинственной рекой.
Все расплывается в тиши...
Часы на башне еле слышны.
И лепестки увядшего цветка
На белой скатерти не пышны.

(перевод с франц.)

Наша Заря. 1919, 8 марта

Дворцовая улица. Омск. В доме слева в 1919 г. размещался первоэскадронный ресторан «Аполло», часто упоминаемый в мемуарах очевидцев и участников событий тех дней. Современный адрес: ул. Ленина, 20

В часовне

В часовне тихо... Загасив
В душе ночных воспоминаний,
Молюсь огням паникадил...
Мне больно от немых страданий.
Глядят иконы вдумчиво и строго,
Как судьбы совести моей,
Мое последнее прибежище – у Бога,
В мерцанье жертвенных огней.
В часовне тихо... Догорает
Паникадил блестящий ряд...
И только Он, Великий знает,
Зачем я здесь творю обряд.

Наша Заря. 1919, 20 мая

Церковь во имя святого блаженного Михаила Клопского (Галкинская). Омск. Не сохранилась. На ее месте разбит сквер им. Дмитрия Карбышева

КЕРЖАК*

Из «Муравьев»

Сон мне снился безотрадный,
 Сон о милой ненаглядной,
 Об утопленной жестоко,
 Спящей там, на дне, глубоко.
 Чуя, что ее я кину,
 Льнет она к мне, как к сыну,
 Но остаться не неволит,
 Шепотом меня лишь молит:
 «Ты у речки, ты у быстрой
 Домик маленький мне выстрой!
 Без окошек, с крышей плоской,
 Сверху – крестик под березкой...
 В День Велик меня проведай,
 Помолись, да пообедай,
 Молви “здравствуй” мне под крышу –
 Голос твой всегда услышу»,
 Чуть встряхнусь – покой минутный,
 Снова давит сон беспутный,
 Подымая волос дыбом,
 Будто сам я брошен рыбам...

* * *

Нежданно встала у порога
 Во всеоружии зима...
 И жизнь – опять мертва, убога
 И неотзывчива... Эх-ма!
 Тоска – у старой в цепких лапах,
 Под гнетом мертвенных обид...
 Один мороза свежий запах
 С лишением лета нас мирит.
 Пока не свyksя – как невзгоду,
 Встречает свет холодный дня,
 И не глядеть бы на природу,
 Умчаться к ней скорей гоня.
 Переплетаются узоры
 В окне причудливой, странней,
 И неожиданны и скоры
 Приходы сумрачных теней.
 Лишь с их явлением немножко
 Мы оживаем, и кровать
 Для ночки кинем, иль окошко,
 Чтоб время легче скоротать.
 Но недолга и тут беседа...
 Со скуки – сунешься на двор,
 А там дорожек нет и следа,
 В сугробе скрылся весь забор.
 Добром так жить – не взял бы плату!
 Мы живы, правда, все, но те ль?
 С крыльца – опять скорее в хату.
 И вновь – до полдня уж, в постель
 Да сон и нуден, и неровен,
 И больше ухом все следишь,
 Как треск земли да стенных бревен
 Немую нарушает тишь.

*См. о нем в разделе «Приложения» статью А.И. Булдеева «О поэзии».

* * *

Метелью тоскливой и нудной
 Закрылся шатер небосклона.
 Всей улицей длинной, безлюдной
 Тянулись столбы телефона.
 Другой стороною, свободною,
 Я шел, торопясь к ночлегу,
 С привычкой своей негодною
 Отдавшись дум вечному бегу...
 Порой фонарей лишь мерцанье
 От дум меня отрывало,
 Но в дальнем от них расстоянии
 Всем внешним был занят я мало.
 И сказка какая-то чудилась
 Мне тут под напев метели:
 В ней все пережитое сгрудилось
 И сны с жизнью слиться успели.
 И даль разверзлась химерная,
 Забылись усталость и холод,
 Но знал – где теперь я, наверное,
 И кто я: старик или молод.
 И с совестью – вечным доносчиком –
 Душа не мирилась живая...
 Лишь чуть не раздавлен извозчиком,
 Очнулся от этого сна я.
 Ряд проволок медных, что в полосу
 Сжимались, гудели так дико,
 Да песню, срываяся с голосу,
 Пытался петь пьяный зевака...

* * *

Под дождик осенний так крепок наш сон!
 Чем будешь скорей усыплен?
 Но в сумерках, в дождь – ярче сны наяву:
 Я жизнью двойной в них живу:
 Мерцаньем фонарным сгущается так
 Вкруг бархатом разлитый мрак:
 Неслышно вливаются капли дождя,
 Лишь в крыши чуть-чуть колотя.
 Откинута мелочи, жизненный сор,
 Проявился умственный взор,
 И, кротким к всему понимаем дыша,
 Отверста природе душа.
 Слияньем с природой проникнуты сны
 Среди полной чудес тишины;
 Сплетается прошлого с будущим ткань, –
 Лишь только следить не устань.
 Живого, зато, настоящего нет, –
 Чужой лишь, откинутый бред.
 Как будто сквозь жизнь без усилий скользишь
 Один ты, в дождливую тишь;
 Как будто, совсем не дивясь, проник
 Один ты природы в тайник,
 И смотришь, как зреет там жизни зерно,
 Как нити сплелись все в одно.
 В рассказе об этом – покажется дик
 И бледен наш скудный язык,
 Но в жизнь проницания, однако, не ложь –
 Подумав, ты это поймешь;
 Об этом твердил выразительно так
 Вкруг бархатом разлитый мрак,
 Где прошлого с будущим ткань сплетена
 Среди вещего, тихого сна...

Axen Strasse

Сквозит пещерная громада...
 Из арки дикой – что за вид!
 Душа подавлена и рада –
 В ней что-то смутно говорит.
 Идут туристы бесконечно,
 Порой гремит кабриолет,
 Но я стою один беспечно
 И для меня их – будто нет.
 В душе – как дней весенних шумы,
 Как стародавних грез и снов...
 Летят, что клочья облаков,
 Мои встревоженные думы.
 При склоне легком головы, –
 Глаза – средь мглистого тумана.
 И бездна кажется еще
 И завлекательней, и шире,
 И в бесконечное свое
 Влечет, простертое в надире.
 В тумане, мошкой, пароход
 Скользит, скрываясь порою,
 И сам я, точно мошка, вот, –
 Лечу, бессильно воздух рою...
 Титана яркие лучи
 Почти что вовсе бесполезны:
 Не пронизать до дна им бездны,
 Как там они ни горячи.
 И по затасканым картинам
 Мне сотни раз знакомый вид, –
 Как что-то новое горит
 В душе, восставши исполином.
 Его я, чую, пронесу
 Запечатленным невидимым
 Заботой тяжкою томимый,
 Ложась под смертную тоску...

Сибирская речь. 1919, 19(6) июня

* * *

Морозы негаданно сдали:
 Дождь вешний. Стал кашею снег.
 Весны, впрочем, ждать нам – едва ли.
 Хоть ряд появился телег.
 Под льдистой – чуть смерклося – коркой
 Двора весь сугробный пустырь...
 Нет! Разве что Красной Горкой
 Весну повстречает Сибирь.
 За мутным – что питерским – днем нам
 Такая ж сперва вышла ночь,
 Но месяц на пологе темном
 Согнал скоро сумраки прочь.
 Молчат безнадежно собаки –
 Ночь сыро морозна, глуха –
 А день бесновались до драки,
 Под крик заливной петуха.
 Молочным все залито светом
 Сквозь ровную ткань облаков.
 Смешон и зловещ месяц в этом
 Сияньи, колдуя без слов...
 Кто там с фонарем настороже?
 Загадочен месяца вид...
 Какие он строит там рожи!
 Что на весну ворожит?
 Загадку природы решая,
 Скорей уж скажи! Не морочь!

 Не слышно привычного ляя.
 Глуха эта белая ночь.

Сибирская речь. 1919, 26(13) июня

КОНЕК-ГОРБУНОК

Красная кашница

(По Ал. Толстому)

Комиссар ты наш, батюшка,
Большевик, свет Иудович,
Что ты изволишь в котле варить?
– Кашницу, сударыня, кашницу,
Красную, сударыня, большевистскую!

Комиссар ты наш, батюшка,
Большевик, свет Иудович,
А где ты изволил крупы достать?
– Из Германии, матушка, из Германии
У Вильгельма, сударыня, большеусого.

Комиссар ты наш, батюшка,
Большевик, свет Иудович,
Нешто своей крупы не было?
– Была, матушка, да на каторге,
Вот с германской я и мешаю ее...

Комиссар ты наш, батюшка,
Большевик, свет Иудович,
А чем ты изволишь мешать ее?
– Декретом, матушка, пулеметами,
Руками воров да разбойников...

Комиссар ты наш, батюшка,
Большевик, свет Иудович,
А ведь каша-то выйдет крутенька?
– Крутенька, матушка, крутенька,
Кто покушает, тот окочурится...

Комиссар ты наш, батюшка,
Большевик, свет Иудович,
А ведь каша-то выйдет солона?
– Солона, матушка, солона,
От слез человеческих солона.

Комиссар ты наш, батюшка,
Большевик, свет Иудович,
А нельзя ли тебя вместе с кашею
На навозную кучу выбросить,
Из поганого ружья в тебя выстрелить!..

Наша газета. 1919, 23 сентября

Печальная пародия

Однозвучно гремит колокольчик –
Льются речи одна за другой.
Затопили Россию словами
С головой, с головой, с головой.

Были речи и споры в совдепах
И остались – в наследство от них...
Однозвучно звенит колокольчик,
Надрываясь у тех и других.

Отступили войска от Казани
Под напором совдепских владык.
Не смущаясь гремит колокольчик –
Голосистый партийный язык.

Отступили войска от Самары,
Но словесный поток не затих;
Однозвучно звенит колокольчик:
«Наша партия лучше других»...

Говорят о героях и жертвах,
Восхищаясь собою тайком,
И усердно спасают Россию,
Языком, языком, языком!

Заря. 1918, 13 октября

П. КОРСАК

* * *

Астра прекрасная, астра печальная,
Знойного лета улыбка прощальная –
Грезишь ты солнцем и лунною ласкою.
Счастьем неведомым – летнею сказкою.
Грезы несбыточны в зори морозные,
Шумно смеются там ветры холодные.
Сломана астра – поникла печальная,
Капля дождя в лепестках как хрустальная.

Единая Россия. 1919, № 1

*Л.А. Бруни. Нина Бальмонт. 1918.
Частное собрание, Москва*

К. Р. Е.

* * *

Когда под тяжестью жизни я паду,
И обессиленный склонюсь пред нею головой,
И лишь врагов кругом себя найду,
Тогда, мой друг, не смейся надо мной...

Поверь, что я боролся и страдал,
И жадно к свету порывался,
Я правды всей своей душой искал,
Искал, и не нашел, и надорвался...

Тогда ты, друг, в расцвете юных сил,
И полная горячей веры, молодой,
Тогда пойми, зачем я так уныл,
И не засмейся надо мной...

Отечество. 1919, № 4

И.А. ЛАБЕНСКИЙ

Касания

К Душе неведомой, исполненной чудес,
 В цветущий сад Мечты,
 Где грустью грез-принцесс
 Овеян образ Красоты,
 Восходит белое виденье
 Души хрустальной, пылкой, как Экстаз,
 Вновь ищущей не раз,
 Объявшей сон далеких поколений,
 Которые когда-то будут жить...
 Как робки первые ростки прикосновений
 Двух душ, давно уж, может быть, тоскующих о встрече,
 А может быть, не тех, – других, что вышли, как предтечи.
 В тумане двойственных неверных колебаний
 Стоят два ангела в преддверии свиданий.
 А это два цветка
 В аллее тростника
 Над зыбью голубой, зарей озолоченной!
 Еще один, росую отягченный,
 Стоит, в раздумьи голову склоняя...
 Но веют крылышками легкие зephyры,
 И, как аккорды многострунной Лиры,
 Шумит тростник, в пучину серебра роняя.
 Когда же зыби светлые узоры,
 Колебля красок море,
 Нагнут их стебли, чашечки сближая,
 То льнут они, то робко удаляя,
 Смущенные, часы сердечной встречи,
 Друг другу говорят таинственные речи.

Отечество. 1919, № 7–8

Евгений ЛЕСОВОЙ

Часы

Морозной ночью часы ясней.
 Застынет звон в сугробах мягких.
 Ползут туманом с седых ветвей:
 Русалки, чудища, монахи.

Морозной ночью часы считай –
 Твой жребий кто-то, где-то мечет.
 Девичье имя шепчи, узнай –
 Что скажет колокол: чет, нечет?

Пусть ропот медный наивно-груб,
 Но он живет, но он пророчит
 И шопот чьих-то любимых губ,
 И чьи-то вздохи до полночи.

Морозной ночью часы ясней.
 Сугроб гудит упавшим звоном.
 Смеется в прорезе седых ветвей
 Русалка с личиком знакомым.

*С. Шемурша Симв[рской] губ[ернии]. 1915.
 Отечество. 1919, № 4*

М.Н. Яковлев.
Композиция для обложки
еженедельного журнала
«Отечество»
(Омск, 1919, № 7-8).
Гравюра на дереве

Донесение

Мне принесли донесение:
Первого взвода, такой-то убит.
Вспомнил я день – воскресенье...
Мертвый, как день, будет нами забыт.
Путаем дни, забываем все числа...
(Стой! По секретам дозоров не выслали.)
Кто-то убитого знает и помнит.
Там, за окопом, в лесу похоронят.
Мельком услышал – осталась семья
Где-то в Самарской губернии...
Сердце дрожит суевернее –
Вдруг... на записке под номером я?
Вот не хватало волнения!
К вечеру, черт-ли, его принесло.
Мне же важно донесение –
Имя, фамилия, номер, число.

Единая Россия. 1919, № 1

Сонет прошлому

Хочу забыться снова дома в старом кресле
И слушать, что поет расстроенный рояль.
Хочу твоей тревоги – «может быть» и «если»,
Люблю в твоей улыбке мягкую печаль.
Хочу опять услышать: «Едешь? Не забудь!»
Нет, нет! Я старый твой, не сильный и не резкий.
Сыграет мама нам с тобою как-нибудь
Давно забытые, заброшенные пьески.
Все будет так, как было. Будет так, как надо.
Мы сядем вновь в углу, под пальмами, вдвоем.
Мечтательные дети,
Мы всему так рады.
Мы слушаем, не слыша. Зная, не поймем.
Но где ты? – Мне не скажут! Ты теперь далеко!
Без «может быть» и «если» сердцу одиноко...

Казань 1915 г.

Отечество. 1919, № 7-8

Настроение

Упрямо-строги лики древних страстотерпцев.
 За пыльной сеткой шторы прячется герань.
 Обои желтые встревоженному сердцу
 Начертят тусклую, смыкающую грань.

Увижу контуры нестроившихся замков,
 В провалах узких окон дикий виноград.
 Давно коптит и тухнет низенькая лампа,
 И я ползущей тени судорожно рад.

В углу смеется хрупкий тонконогий карлик,
 Мигает пухлый череп щелкой без ресниц.
 Пожалуй, я устал. И под упавшей марлей
 Запрыгали слова дочитанных страниц.

*С. Прокудское Томск. губ. 1919.
 Отечество. 1919, № 4*

В безлюдье

Я понимаю ночь, беззвездную, глухую,
 В степи, в оврагах, без дорог,
 Где профиль Бога ярко строг,
 Где зябко воет зверь, бессмысленно тоскуя.

Быть одному так хорошо в безлюдьи диком –
 Сдержать в груди застывший страх .
 Родить безумие в горах,
 Прорезав злую тьму тревожно-страстным криком.

Отечество. 1919, № 4

*Л. Т.**Позабитый*

Он лежал забытый и стонал ужасно,
 А над ним высоко месяц в небе плыл,
 И вокруг все было тихо и прекрасно...
 Ветер в поле травы нежно шевелил.
 Золотые звезды в небесах томились
 И сверкали грустно сказочным огнем.
 Васильки и маки сонно притаились...
 Грезила природа чутким, синим сном...
 Он забыт, изранен... в поле умирает,
 И никто на помощь ночью не придет.
 Смерть незримо, жутко здесь везде шагает,
 Наклонилась близко и добычи ждет...
 В голубом сиянье призрак безобразный
 Ходит средь убитых и звенит косой,
 И стучит костями... Музыкай ужасной
 Смерти песнь несется в тишине ночной...
 Чу, крадется кто-то, близко так рыдает...
 «Милая, родная, ты пришла ко мне...»
 Голову приподнял раненый... вздыхает...
 Стон несется тяжкий в грозной тишине...
 Нет, то греза-сказка, призрак летней ночи...
 А она далеко, не придет она...
 Не заглянет, плача, в гаснущие очи...
 «Милая, родная...». Спряталась луна.
 Туча набежала. Дали почернели.
 Вдруг замолкнул тяжкий и предсмертный стон.
 Черными крылами птицы зашумели...
 В поле, одинокий, ночью умер он...
 Васильки и маки в страхе притаились,
 Поле спит тревожным и зловещим сном.

Целый день здесь люди смертным боем бились,
И звучал повсюду непрерывный гром...
Но теперь так тихо, грезят молча дали.
Золотые звезды в небесах грустят,
Реют над цветами черные печали
И леса в туманах серебристых спят...
В голубом сиянье призрак безобразный
Ходит среди убитых и звенит косою,
И стучит костями... Музыкай ужасной
Смерти песнь разносит ветер полевой.

1919-ый год. Стихотворения.

Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919

Похороны белого офицера. Лермонтовская улица. Омск. 1919, май

М. Г.

Серая шинель

Он в серой походной шинели,
Спокоен и ясен лицом,
Для светлой, для радостной цели
Уехал сражаться с врагом.

Под песни метели холодной,
В окопе угрюмом сыром,
Под серой шинелью походной
Тревожным забылся он сном.

Чу! Топот, тревога, смятенье!
На плечи шинель поскорей!
Быть может, из жара сраженья
Он вынесен будет на ней...

Лежит в белоснежной постели,
Поет панихиду метель...
И раны на стынущем теле
Все та же прикрыла шинель.

Отечество. 1919, № 4

Георгий МАСЛОВ

* * *

Для страданий, горших вдвое,
 Сохранил вас ад крошечный,
 О, святые и герои
 Нашей Руси многогрешной.
 Костыли и деревяшки,
 Ноют раны в день ненастный.
 Вы свершили подвиг тяжкий
 И прекрасный, но напрасный.
 Тело немощно и хило,
 Только голос тверже стали –
 Говорит о днях печали,
 О сраженьях и могилах.
 А другой молчит, заплакав,
 Им взволнованный глубоко,
 Как Улисс в стране феаков
 Слушал древле Демодока.
 Может быть, чрез ряд столетий
 И о вас узнают дети,
 И поэт, Гомеру равный,
 Возвестит ваш подвиг славный.
 А пока хвалите Бога
 И за этот день осенний –
 Сладость жизни сей убогой
 Всех даров благословенней!

Сибирская речь. 1919, 7 января

Маслов Георгий Владимирович (1895–1920) – поэт. В 1913 окончил 1-ю симбирскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Участвовал в работе Пушкинского семинария С.А. Венгерова, входил в университетский «Кружок поэтов». С 1915 публиковал стихи в журналах. В 1916 женился на поэтессе Елене Тагер, вместе с ней в марте 1917 уехал в Симбирск для организации выборов в Учредительное собрание. Из-за этого он не окончил университет, хотя его хотели оставить при кафедре русской литературы. В 1918 участвовал в организации добровольческих отрядов в Симбирске, осенью вместе с отходящими частями Чехословацкого корпуса добрался до Омска. Поступил рядовым в армию Колчака. В 1919 много печатался в омских газетах. Умер от тифа во время отступления белых на восток.

Георгий Маслов // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 136–138; Леонид Мартынов. Пушкинист и футурист // Мартынов Л. Черты сходства. М., 1982; Георгий Маслов. Серия «Поэты свинцового века». Вып. второй. Красноярск, 1998; Орлов Г.Н. Человек из Зазеркалья // Иртыш. 1990, № 1. С. 164–185; Поварцов С.Н. Омский Парнас // Третья столица. Изобразительное искусство. Литература / отв. ред. И.Г. Девятаярова. Омск, 2011. С. 99–107.

Декабрист

Помнишь, Лена, первый вальс на бале –
 Мы кружились до потери сил,
 И архивны юноши сказали,
 Что тебя я верно покорил.
 Но бокалы до края напенив,
 Увели с собой меня друзья.
 Александр Иванович Тургенев,
 Севши рядом, заменил меня.
 Как Алябьева, ты стала модной,
 Блеск ее не затемнил тебя.
 И певцы красавице холодной
 Пели гимны, мучась и любя.
 Неужели ты, которой в мире
 Грезились лишь вальсы и цветы,
 Хочешь кончить в ледяной Сибири
 Жизнь со мной среди горькой нищеты?
 Отказать тебе я не умею;
 Щемит грудь от счастья и тоски.
 Плачу и поцеловать не смею
 Слабо надушенные листки.

Сибирская речь. 1919, 7 января

* * *

Майского солнца горячего
 Душу туманит хмель,
 И где-то призывно-вкрадчиво
 Пастушья поет свирель.
 А жаркое сердце девичье,
 Чуждо весенних утех,
 Томится о королевиче,
 Который прекрасней всех.
 Не бойся, любимый и любящий,
 Придет он, суженый твой.
 Он изгнан, он в ветхом рубище,
 С посохом и с сумой.
 Сверкают глаза нетемные
 И поступь его горда.
 Ты годы его бездомные
 Разделишь с ним навсегда.
 Сердце, как перед потерями,
 Сожмется в твоей груди,
 Как солнце, он встанет в тереме
 И скажет тебе: «Иди!»

Заря. 1919, 2 февраля

Вид на Базарную площадь с колокольни Успенского собора. В центре – дом купца П.А. Липатникова на Втором езде, в котором в 1919 г. размещались Русское бюро печати, Художественная типография, редакции газет «Сибирская речь» и «Наша газета». Фотография 1920-х гг.

Послание к другу

1.

Теперь не к времени идиллии,
 И бедной музе не простят,
 Что бледные речные лилии
 Украсили ее наряд.
 Забыты рощицы и пасеки,
 Приюты граций и харит,
 Чтят Феокрита только классики,
 А Дельвиг в гробе мирно спит.
 Но я не верю нашей критике
 И модных не терплю стихов.
 Люблю старинные пиитики,
 Где царство нимф и пастухов.
 И, в дружбе искренней уверенный,
 Я лиру нежную беру
 И стих классический размеренный
 Дарю собратьям по перу.

2.

С тобою музы разнакомятся
 И не напишешь и строфы,
 Когда от книг тяжелых ломаются
 Битком набитые шкафы.
 Забудь их. Три-четыре томика
 Усталому оставь уму.
 В тиши покинутого домика
 Прокоротай вдвоем зиму.
 Там, у камина разожженного,
 Когда дрова чуть-чуть трещат,
 Тебя, веселого, влюбленного,
 Стихи и рифмы посетят.
 А как нежна подруга стройная,
 Она томится и не спит,
 И ночь короткая и знойная
 Виденьем рая пролетит.

Сибирская речь. 1919, 14 февраля (1 февраля)

* * *

Рука судьбы разъединила
 Нас, наконец, – возврата нет.
 Но память сердца сохранила
 Твоих ночей палящий след.
 Неутоляющие ночи,
 Как о несбыточном мечта...
 Твои пылающие очи,
 Твои иссохшие уста!..
 Июльским – ах! – июльским жаром
 Дышали ночи наших встреч,
 И ты смогла одним ударом
 Их узел сладостный рассечь,
 Чтоб та пленительная сила,
 Что таяла в твоих руках,
 Фонтаном яростным забила
 В моих раскованных стихах,
 Чтоб звезды в небосклоне ясном
 Сентябрьских ледяных ночей
 Дождем летели ярко-красным,
 Как сны о близости твоей!..

Сибирская речь. 1919, 1 марта (16 февраля)

*Антону Сорокину**

Не знаю, манияк иль плут,
 Но цели Вы достигли в мире.
 И в вечер, хоть на пять минут,
 Но вспомнят гения Сибири.
 Вам все равно, сердца затронув,
 В святую высь уплыли Вы,
 А нас жестокий огонь Антонов
 Терзает с ног до головы.

3 марта 1919. Георгий Маслов

*

Карандашный автограф в фонде А.С. Сорокина (ГИАОО, Фонд 1073).
 Впервые опубликовано в журнале «Литературное обозрение» (1982,
 № 5, с. 110).

* * *

Июльской душною ночью
 Иду, спотыкаясь впотьмах,
 И чувствую песню на сердце
 И твой поцелуй на устах.
 Летит моя легкая юность,
 Как звезды летят надо мной,
 И скоро, быть может, очнемся
 Мы оба седыми с тобой.
 Но верю – тогда наши дети
 Звонче, чем петь мы могли,
 Прославят июльские ночи
 В мерцающей звездной пыли.
 Так песня в сердцах не умолкнет,
 Уста растворяют уста,
 Распустится розой в грядущем
 Певучая наша мечта.
 Пока же смотри, о подруга,
 Как золота много в кудрях,
 Пока же и песня на сердце
 И твой поцелуй на устах.

Сибирская речь. 1919, 11 марта (26 февраля)

М. В. М[аслову]

Бессоница томит. И хочется
 Слагать неправильные строки,
 Чтобы избавиться от одиночества,
 О том, что во Владивостоке,
 А может быть, дальше – в Иокोगаме,
 Или уехал на Филиппины
 Бродит по дорогам с босяками
 Или продает апельсины.
 Ты мог бы стать великим ученым,

При котором Менделеев говорил бы с опаской,
 А ты шляешься по игорным притонам
 И делаешь из жизни дикую сказку;
 Мечешься по земле, как по клетке,
 Меряешь океаны как лужи.
 Эх, женить бы тебя на домоседке,
 Только не вышло бы хуже.
 Вдруг ты зачакнешь как горилла,
 Похищенный с милого юга,
 Смотри на уходящие ветрила,
 Эолом натянутые туго.

Сибирская речь. 1919, 30 (17) марта

* * *

Как я смогу вас успокоить?
 Я сам бездомный и усталый.
 Я лишь целую ваши пальцы,
 Гляжу в усталые глаза.
 Досталось нам так много горя,
 Что стали мы детьми большими.
 Смеемся, плачем вперемешку,
 Себя находим лишь в вине.
 Что завтра – мышь или разлука?
 Земля дрожит в ужасных муках,
 И много ль стоит, дорогая,
 Печаль двух истомленных душ.
 А так немного надо сердцу –
 Из сада свежесть, полумесяц,
 Прикосновение рук бессильных
 К разгоряченной голове.

Единая Россия. 1919, № 1

Родные

Застыли слезы в синем взоре
 Твоем, измученная мать.
 Какие горести и хвори
 Еще начнут тебя терзать?
 От края до другого края
 Сухая полевая жердь –
 Идет в плаще неурожая
 Твоя ослабленная смерть.
 Спокойно подымая посох,
 Работает и ночь и день
 Среди убогих, жалких, босых
 Забытых Богом деревень.
 А на кровавом горизонте
 Серые облака плывут
 Рыдать за тех, кто там на фронте
 Под ядра и штыки идут.
 Но ты, молчальница, не стонешь,
 Привыкла на своем веку.
 В безлюдных церковках хоронишь
 Свою щемящую тоску.
 И я уверен – мне простится,
 Что я, тоскуя и любя,
 Не мог не верить, не молиться,
 А только плакать за тебя.

Заря. 1919, 30 марта

Мои стихи

Сурового безветрия
 Дана одним страна,
 Где только геометрия
 Из всех наук нужна;
 Моей мечты невольники,
 Спокойные всегда,
 Они – прямоугольники
 На бледном фоне льда.
 Но есть другие – смутные,
 Безумные во мне;
 Безгрешные, распутные,
 Они лежат на дне;
 Не знаю, как рождаются,
 Не знаю, чем живут;
 К поверхности вздымаются,
 Сжигаются и жгут.
 И те, самовлюбленные,
 Невинные ни в чем,
 Как домики картонные,
 Сметаются огнем.
 О нет, не я их выковал,
 Они выросли в тиши
 Из хаоса безликого
 Тоскующей души.
 Они, как зверя, вздыбили
 Спокойную мечту,
 Но сердце рвется к гибели
 За ними в темноту.

Сибирская речь. 1919, 26 (13) июня

Кольцо

Кажется, что ночь безмолвнее.
 Вслед за рокотом громовым
 Расплескавшиеся молнии
 Сжали твердь кольцом багровым.
 А над нами небо звездное
 И луна стоит в зените,
 Но кольцо сомкнется грозное
 И дождя заблещут нити.
 Вечности венец пылающий,
 Над челом сомкнись усталым!
 Лейся, ливень воскрешающий,
 Дух язвы упорным жалом!
 Чтобы стала смутно помниться
 Дней минувших быстротечность
 И пошла душа паломницей
 К граду твоему, о Вечность!

Сибирская речь. 1919, 26 (13 июня)

* * *

Вдыхаю аромат черемух,
 Любуюсь зеркалом пруда,
 Смотрю на женщин незнакомых,
 Раскланиваюсь иногда.
 Проходит понемногу горе,
 Усталый настает покой,
 Душа в безмерном звездном море
 Плывет мерцающей звездой.
 В ней неизбежности сознание,
 Невыразимых дум поток
 И равнодушное сияние
 Годами выношенных строк.

Сибирская речь. 1919, 10 августа

* * *

Скину красную рубаху,
Скину пояс дорогой.
Ты меня не сватай, сваха,
Я солдатик молодой.
Я ружье на плечи вскину
И пойду с полком в поход.
Мать спечет лепешек сыну,
Люба слезы с глаз сотрет.
Вспомнит, чай, не раз милова,
С кем по кругу не пойти,
Да такого удалова
На деревне не найти.

Наша газета. 1919, 9 сентября

Парижанину

(Посвящается Тардье)*

От хмеля победы горд,
Ты в веселом кафе сидишь,
Но вскоре разгул обезумевших орд
Сметет одряхлевший Париж.

Банкир, убегая, уютное жильё
Запрет, тяжело дыша,
И наденет кружевное бельё
Любовница... апаша.

На аэроплане умчится Фош
Вербовать надежные полки,
А ты, парижанин, в каморке замрешь,
Изнывая от страха и тоски.

*

Андре Тардье, помощник Жоржа Клемансо на Парижской мирной конференции (1919).

И будет сниться в краю чужом
Париж, как русским – Москва, –
И мы мириться вас позовем
На Принцёвы острова.

Наша газета. 1919, 11 сентября

* * *

Буду Ваню поджидать
На сосновой горке.
Дома нечего кусать –
Сухари да корки.
Мамка стонет,
Батька гонит:
Выйди за Ипата,
Заживешь богато.
Не хочу немилото,
Не хочу постылого.
Лучше корки грызть,
Чем такая жисть.

Наша газета. 1919, 16 сентября

* * *

Всходит месяц над поляной,
Стадо звездочек веда,
Полнотелый и румяный,
Словно милая моя.
Расскажи мне о невесте,
Соглядатай золотой!
Обещала: «Будем вместе,
Я приеду к вам сестрой».
Написала – шлет подарки,
Шитый бисером кисет.
Эх, по чарке! Нет сударки,
И покою сердцу нет.

Наша газета. 1919, 9 октября

Кольцо*(отрывки из поэмы)***1.**

Приятны были наши споры,
 Но странный им настал конец,
 Когда они сошли с «Авроры»
 Громить покинутый дворец...
 Оставлена родной страной,
 Погибла кучка храбрецов.
 За Петербургом и Москвою
 Пал окровавленный Ростов!
 Пора понять – права лишь сила,
 Так не сильна в кольце стальном
 Хихикающая горилла
 За председательским столом!

2.

Великолепные палаццо –
 Теперь воров ночлежный дом.
 О да, им можно посмеяться
 И робость одолеть вином.
 Оркестр неистовствует бальный,
 Шампанскому потерян счет,
 И дремлет в полутемной спальне
 Тряпьем прикрытый пулемет.
 Они справляют пир бесовский,
 В крови лаская красных дам,
 И заключают в Брест-Литовске
 Похабный мир на страх врагам.

3.

Кому судить кровавый опыт
 Сулящих рай в кольце штыков?
 Хватает голоса на шепот
 У митинговых крикунов.
 Кто были горячи и юны,
 Могилы обрели себе!

Из-за границы шлют трибуны
 Неустрашимый зов к борьбе!
 Но нам нет времени, иная
 У нас, веселая борьба.
 Бродяги, в ожиданьи рая,
 Громят спиртные погреба.

4.

Ученые молчат зловеще
 На все вопросы «что нас ждет»?
 Буржуи зарывают вещи,
 Студенты скальвают лед.
 Изготовленьем пелеринок
 Супруги улучшают стол.
 Один неугомонный рынок
 Открыто на бесхлебье зол.
 И, в небо выпуская пули,
 Для устрашенья бунтарей,
 Красноармейские патрули
 У верстовых очередей.

5.

По вечерам ходить опасно,
 Свинцовых пчел скрывает тьма,
 И открывает окрик властный
 Неосвященные дома.
 Жена не выпускает мужа
 Из судорожно сжатых рук.
 Он в ночь уйдет. Иной из ружей
 Вокруг него сомкнется круг...
 Их суд не сложен и не долог.
 Увидишь ли его опять?
 И даже холмик в чаще колок
 Ты не сумеешь разыскать.

Наша газета. 1919, 13 октября

Из цикла «Изгнание»

* * *

Борису Петровичу Денике

Пора стряхнуть с души усталой
Тоски и страха тяжкий груз,
Когда страна изгнанья стала
Приютом благородных муз.
Здесь вечно полон скифский кубок,
Поэтов – словно певчих птиц!
А сколько шелестящих юбок,
Дразнящих талий, тонких лиц!
От мира затворясь упрямо,
Как от безжалостной зимы,
Трагичный вызов Вальсингама,
Целуясь, повторяем мы.
И завтра тот, кто был так молод,
Так дружно славим и любим,
Штыком отточенным приколот,
Свой мозг оставит мостовым.

Публ. по: [Л. Мартынов].

Поэты в стане Колчака (ГИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 217. Л. 1–2.)

*Бывший дом писателя
Антон Сорокина на
Лермонтовской улице.
Омск. В 1918–1919 гг.
был своеобразным
литературно-
художественным клубом,
где бывали многие
деятели культуры.
Современный адрес:
ул. Лермонтова, 28а.
Фото 1920-х гг.*

* * *

Четыре года мелькнули,
Ушли и пришли враги.
И снова ты в карауле
С винтовкою у ноги.

Тогда чернели Карпаты,
Теперь вдалеке Урал,
Но также поют солдаты
Песню «Старый капрал».

И девушка у колодца
С высоким журавлем
Тебе лукаво смеется,
Позвякивая ведром.

Пылит по дороге стадо,
Мальчишка трещит бичом,
И сладостная отрада –
Не думать ни о чем.

Наша газета. 1919, 4 сентября

На часах

Ночь проходит тревожно.
Немного устал стоять.
Но сегодня, очень возможно,
Придется стрелять.

Завалились спать по берлогам.
На город нависла мгла.
Лишь бродит по звездным дорогам
Прожектора метла.

Весело лают собаки
На девушку в окне,
И пьяный поет во мраке
О веселой весне.

Того не пугают пули,
Кто изведаль мед земной;
Хорошо, что хоть в карауле
Ты дышишь милой весной.

Наша газета. 1919, 6 сентября

* * *

Проходит тревога.
Венчает усталость
Мои сумасшедшие дни.
Горевшая много
Душа отпылалась.
Теперь отдохни.
Немного покоя,
Работы немилой
Часы и усталого сна,
Пусть снилось иное,
Когда восходила
Моя золотая весна.
Печаль позабыта.
Мы смотрим, скитальцы,
В просторы ночной синевы.
Касаются чьи-то
Прекрасные пальцы
Бездумной моей головы.
Ты не жил, быть может,
И счастья ты не пил,
И страсти не знал искони.
Ничто не встревожит
Остынувший пепел...
Душа, отдохни.

Наша газета. 1919, 22 октября

Дон Жуан

Комедия в 1-м действии

Действующие лица:

Дон Жуан – 18 лет

Лепорелло – 48 лет

Изабелла, прекрасная вдова – 30 лет

Поэт, Патер, Девушки.

(Улица. Изредка доносится шум недалекого кабака «Призывный Рог».

Бьет полночь. Появляются Дон Жуан и Лепорелло).

ДОН ЖУАН:

Наш час настал. Луна, как вестница,
На середине небосклона.
Когда ж веревочная лестница
Ко мне опустится с балкона?
С какою страстью неизведанной
Я жду свидания с жестокой!
А ты, мой Лепорелло преданный,
Побудь: до утра – недалеко.

(Лепорелло становится за угол и пьет из фляги.)

ДОН ЖУАН, с гитарой:

Изабелла, Изабелла,
Долго ль ждать?
В эту полночь ты велела
Мне не спать.
Правый угол занавески
Отверни.
Спит Севилья в лунном блеске,
Мы одни.
Где – то песня зазвучала
Соловья.
О, шепни мне, как бывало:
«Я – твоя».

(Спускается веревочная лестница. Жуан скрывается в окне.)

ЛЕПОРЕЛЛО:

Опять брожу я, как дурак,
Под окнами чужими
И, если ночь пройдет без драк,
Прославлю Божье имя.
Пора бы бросить мне давно
Такого беззаконца,

Но неразлучны с ним вино
И звонкие червонцы.
Уж восемь лет, как я женат,
И добрая жена
Мне подарила двух ребят
И домик в три окна.
Когда ж мы заведем трактир,
Жизнь станет рай земной,
Тяжел карман, в семействе мир,
Бочонок под ногой.

(Пьет из фляги)

(Проходит Патер нетвердой походкой, из одного кармана торчит бутылка, из другого женский чулок).

ПАТЕР (поет):

Ставьте бутылки!
Ночью чудесной
Буду я, пылкий,
Петь о прелестной.
Ласкам красоты
Пламенно вторя,
Мчусь я на ложе
В огненном море.
Ставьте бутылки!
Ночью чудесной
Буду я, пылкий,
Петь о прелестной.
Будет за качкой
Берег блаженный
Близок, о прачка,
Рай сокровенный.

(Он замечает Лепорелло.)

О, ты ли здесь, почтенный Лепорелло,
Ты, клявшийся покинуть Дон Жуана,
На муки ада отданного Богом?
И снова, стражем мерзкого разврата,
Ты ночь не спишь, свою семью оставив!

ЛЕПОРЕЛЛО:

Святой отец, я грешен, но скажите,
Откуда вы идете в этот час?
Каких трудов вас задержало время?

ПАТЕР (важно):

Я грешника усовещивал долго,
И наконец он внял святому гласу.

ЛЕПОРЕЛЛО:

А силу подкрепляли из сосуда,
Который скромно смотрит из кармана,
И слезы черным платом утирали?

ПАТЕР (осматривает свои карманы и прячет чулок):

Так вот как ты стремишься ко спасению,
Бездельник, плут, развратник, богохульник!
Ну, будут черти скверный твой язык
Тянуть клещами и калить железом!

(Уходит.)

(Дон Жуан в окне целует руку и спускается по лестнице.)

ИЗАБЕЛЛА:

Смотри, Жуан, – не раньше воскресенья.

ЖУАН

Покорен я.

(Изабелла скрывается.)

Ей показалось мало!
Нет, каково? Быка ей подавай!
«Ах, Дон Жуан, вы были интересней!»
Который раз я слышу от нее!
Пора бы кончить с этой старой песней,
Не изменить ли ей?

ЛЕПОРЕЛЛО:

Не выйдет это –
Она вас бросит раньше воскресенья.

(Появляются разряженные девушки, возвращающиеся со свадьбы.)

1-ая: А новобрачная была мила!
2-ая: Но радовалась слишком откровенно.
3-ья: Подруги, кто-то караулит нас!

ЛЕПОРЕЛЛО:

Совсем не вас. Мы так себе гуляем.

ДЕВУШКИ:

Ах, это Дон Жуан, наш чититель давний!
 (Окружают его хороводом).
 Ты ли это, милый старый Дон Жуан?
 Как всегда, в плаще с гитарой,
 Горд и пьян.
 Стал теперь ты безопасней
 Воробья,
 Но так много ходит басней
 Про тебя.
 Губы, знавшие лобзанья
 Королев,
 Поцелуйте на прощанье
 Дерзких дев.

(Дон Жуан сердит. Неохотно он целует ближнюю девушку.)

Ну, а нам кто же споет песенку?

ЛЕПОРЕЛЛО:

Я всегда готов.

(Девушки оставляют Жуана и кружатся вокруг Лепорелло.)

ЛЕПОРЕЛЛО:

Прельщали нас бочонки
 Старинного вина.
 Такие же девчонки
 Нас звали из окна.
 Боялись нашей шпаги
 Рогатые мужья.
 Считали мы, бродяги,
 Что наша вся земля!
 Теперь живем без водки
 И избегаем шпаг.
 Коварные красотки
 Нашли других бродяг.
 Пора остепениться
 И, не смущая мир, —
 Вам, Дон Жуан, жениться,
 А мне открыть трактир.

ДЕВУШКИ:

Браво, браво.

(Одна его целует, другая хлопает по лысине и убегает. Появляется Поэт. Жуан и Лепорелло прячутся. Поэт садится на большой камень.)

ПОЭТ:

Твой образ милый
 В ночной мантилье
 Пронзил пажу,
 Сломались крылья,
 И я бескрылый,
 О госпожа!
 Пылают щеки,
 Ввалились очи.
 Тобой дыша,
 Несутся строки,
 И все жесточе
 Болит душа.
 Слагая гимны
 Моей царице,
 Я изнемог.
 Пойду томиться
 В гостеприимный «Призывный Рог».

ИЗАБЕЛЛА *(распахнув окно):*

Ах, это вы, застенчивый поэт!
 Как трудно спать такой чудесной ночью...
 К тому ж гуляки под окном горланят.

ПОЭТ:

Позвольте мне стоять здесь до утра
 И охранять ваш сон ненарушимо.

ИЗАБЕЛЛА:

Нет, проведите ночь повеселее.

(Поэт кланяется и идет дальше.)

Какой он робкий и непонятливый. Мне бы хотелось ответить его юношеской любви.
 А я отдаю любимое им тело развратным и холодным объятьям. Теперь он пойдет в «Призывный Рог» и будет пьянствовать всю ночь, шепча мое имя.

(Прячется.)

ДОН ЖУАН (*встает*):

Ты, жизнь моя, взлетала пеной
И падала в прозрачный ров,
И я был счастлив вечной сменой
Неуспокоенных валов.
Ах, жизнь моя, как ты металась
В любви, в томленьи и вине!
Ах, жизнь моя, какой казалась
Ты раньше безграничной мне!
Чего душой неутомимой
Искал в покорных я руках?
Чей образ странный и любимый
Мне грезился в усталых снах?
Я думал, что, небесной браги
Испив с неведомой до дна,
Я упаду, ударом шпаги
Сраженный, у ее окна!
Жизнь утекала, и томила
Любовниц нежных череда.
Душа забыла образ милый,
И ей не вспомнить никогда.

ИЗАБЕЛЛА (*выглядывает с внезапной нежностью*):

Вы еще не спите, мой возлюбленный!
Вам следует беречь свое здоровье.
(Посылает ему воздушный поцелуй).

ЛЕПОРЕЛЛО:

А, в самом деле, не пора ли нам в постельку?

ДОН ЖУАН:

Мне все равно.

ЛЕПОРЕЛЛО:

Еще одно последнее сказанье:
Не приглянулась ли вам дочка мясника?
Она всегда, приотворив оконце,
На вас глядит задумчиво и томно.
Чтоб вам на ней жениться? Правда,
Отец вскипит, припомнит ваши плутни, —
Но с дворянином как не породниться?

ДОН ЖУАН:

Жениться? Мне? На дочке мясника?..
Поэты славят мой прекрасный образ.
Пусть он пройдет века ненарушимо,
Грозой мужей, приманкой слабых жен.

ЛЕПОРЕЛЛО:

Бог с ними! Пусть их славят! Вам же
И о себе давно пора подумать.
Ей двадцать лет, и пухленькие щеки
Ждут ваших грешных губ благоговейно.
Она б за вами бегала, как нянька,
Пополнив ваш кошель деньгами тестя.
Мы бы ходили в гости к вам с Луизой,
И жизнь бы потекла ручьем незвучным!

ДОН ЖУАН:

А в самом деле! Надо подумать.
Пойдем беседовать в «Призывный Рог».

(*Уходят.*)

ЛЕПОРЕЛЛО (*за сценой*):

Когда ж мы заведем трактир,
Жизнь станет рай земной!
Тяжел карман, в семействе мир,
Бочонок под ногой!
Сам знаменитый Дон Жуан
В ненастный вечерок
Зайдет подчас глотнуть стакан
В наш славный кабачок.

З а н а в е с

Омск, 1919, февраль.

Публ. по: Маслов Г. Дон Жуан. Комедия в 1 действии // Струве Г. К истории русской поэзии 1910-х – начала 1920-х годов (Арион. Сборник стихов (1918)); Георгий Маслов. Аврора, с предисловием Ю.Н. Тынянова (1922); Несобранные произведения Г.В. Маслова / вступ. ст. и коммент. Г.П. Струве). Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1979 (Modern Russian Literature and Culture: Studies and texts. Vol. 1). Впервые комедия «Дон Жуан» была напечатана в сборнике «Елань» (Томск, 1919). Составители выражают признательность А.Б. Устинову и И.Е. Лоцилову за помощь в разыскании редких изданий и предоставление текста комедии.

*Аврора**

1.

Наскучил вид скалы суровой,
 С поэтом ты легла на мхи,
 И эхо в просеке сосновой
 Твердит чудесные стихи.
 Их выучит Россия скоро,
 Журнальный осмеет Зоил,
 И лишь тебе одной, Аврора,
 Их сдержанный и строгий пыл.
 Награда – розовая кашка,
 Девичьей кисее под цвет.
 И мнет солдатскую фуражку
 В смущеньи молодой поэт.

2.

Тебе певцы слагают оды,
 Тебя рисует карандаш,
 Но подпоручик безбородый –
 Твой верный и любимый паж.
 Закат укутал стаю тучек
 В малиновую епанчу:
 О счастья молит подпоручик,
 Склоняясь к твоему плечу,
 И слаще бред его бессвязный
 Стихов Авроре и Заре.
 О, девушка, свой май отпразднуй,
 Не думая о декабре.

3.

Снежинки – звездочки на крепе.
 Ты мечешься в лесу одна.
 Ты в мире, будто в смрадном склепе,
 Судьбой живьем схоронена.

*

Поэма посвящена Авроре Карловне Шернваль, знаменитой светской красавице, фрейлине и статс-даме русского императорского двора (с 1836 носила фамилию Демидова, с 1846 – Карамзина).

Тропа у рыхлого сугроба,
 На нем следов вороньих сеть.
 Ты помнишь – бледный лик из гроба
 И невозможность умереть.

4.

Тогда в родительском совете,
 Чтоб на душу не брать греха,
 Решили, что в блестящем свете
 Она забудет жениха.
 Сестра Эмилия сияла –
 Казалась раем ей Москва,
 Но все равно душе усталой,
 Где смерть предъявит ей права.

5.

Великолепием гостиных
 И вихрем лиц не смущена,
 Ты для законов света чинных
 Была, казалось, рождена.
 Ты шла, не опуская взора,
 В толпу кидая сноп зарниц.
 С твоим явлением, Аврора,
 Бежала тень с угрюмых лиц.
 Тебя князь Вяземский заметил,
 Языков был пленен тобой,
 И Александр Тургенев встретил
 Веселым смехом лепет твой.

6.

Еще любовь – еще удар,
 До свадьбы не дожить невесте.
 Ты поняла – твой юный жар
 Сулит и рай, и гибель вместе.
 Кто видел раз небесный сон,
 Тому земные грезы грубы, –
 И на смерть роком обречен
 Поцеловавший эти губы.

7.

Но и печаль тебе к лицу,
Моя финляндская Венера, —
Ты в третий раз пошла к венцу,
Чтоб стать подругой миллионера.
Отца прельщало слово «граф»,
Твердила мать о южных виллах,
И нежным ласкам рук немилых
Ты отдалась, мечтать устал.

8.

Как он любил твой мрамор строгий,
Печаль в сиянии синих глаз,
И непонятные тревоги,
И о былой любви рассказ!
Изведав жуткий лед объятий,
Тоской и страстью истомлен,
Он шел в малиновом халате
Мечтать о счастье на балкон.

Голгофа свадебной поездки
Не так казалась тяжелой —
Лицо ласкает ветер резкий,
Горит церковная игла,
Лениво моет скалы море,
Туманно голубеет даль.
И мысль — молитва об Авроре,
Как расцветающий миндаль.

9.

Прошло в пути четыре года.
Тоска его вперед гнала.
Зачем богатство и свобода,
Когда в душе седая мгла?
Он не нашел забвенья в спорте,
В вине, в голландских мастерах,
И где-то в северном курорте
Скончался на ее руках.

10.

Ты оценила нежность друга.
Любовь, быть может, шла вдали.
И было грустно гроб супруга
Почтить крупинками земли.
Отныне ты ходила в черном,
Знакомых видеть перестав,
Себя орудием покорным
Судьбы таинственной сознав.
Ты ждешь покоя от свободы.
Тебя несчастье сожгло!
Твои стареющие годы
Украсит Царское Село.

11.

От страсти верная опора,
Приходит старость. Дни летят.
Но не укрыть тебе, Аврора,
Свой ослепительный закат.
Поэт прославил это лето.
В год Севастопольской войны
Все были жгучим морем света
И блеском зорь опьянены.
Прогоулкую себя измучив,
Ты кормишь лебедей семью.
Твой старый обожатель Тютчев
Садится рядом на скамью.

«А в вас, прекрасная Цирцея,
Несчастный юноша влюблен»,
И, от предчувствий холодея,
Ты спрашиваешь: «Кто же он?»
«Отец — историк знаменитый,
А сам он — статный офицер.
Но ваше сердце из гранита,
И страсть излечит револьвер».
Ты голову склонила ниже:
Так не пришел покоя час.
А лебедь подплывает ближе,
Прельщенный блеском синих глаз.

12.

Украли сердце у тебя,
И стала ты рабыней вора.
Ты ищешь, мучась и любя,
Спасенья от любви, Аврора.
Но у притихшего пруда,
Зажженного зарей прекрасной,
Ты, охмелев от речи страстно,
Смущенно прошептала: «Да».
Он, став коленом на гранит,
Целует ледяные руки,
Пусть ты опять идёшь на муки,
Но сердце, как заря, горит.

13.

Он был лет на десять моложе.
Иной жены хотела мать.
Но страстью, на болезнь похожей,
Сумела ты его сковать.
Ты, свой осенний пир справляя,
С пути препятствие смела,
И мать, тревожась и страдая,
Не согласиться не могла.
А сердце рвется от укора,
И на ступенях алтаря
Несчастья вестница, Аврора,
Передзакатная заря.

14.

В торжественном молчаньи бора
Медовые часы летят.
Ты снова счастлива, Аврора,
Как восемнадцать лет назад.
У этой ели исполинской,
Раскрыв заветную тетрадь,
Любил покойный Баратынский
Свои стихи тебе читать.
Кружит широкая дорога

В темно-зеленой раме мха.
Здесь в первый раз, стыдясь немного,
Ты целовала жениха.
С концом сливается начало,
Не умирал он никогда.
Воспоминанье замолчало.
Ты влюблена и молода.

15.

Аврора, ты в венке из мака,
Пылает роза у плеча,
И говорят о тайнах брака
Глаза – два огненных меча.
Найдя предел земному счастью,
Муж бредит целый день женой,
Ее неутолимой страстью,
Ее таинственной тоской.
Он спит. Шипя, потухли свечи.
Рассветный холод. Тишина.
А ты, Заря, заре навстречу,
Стоишь, пылая, у окна.

16.

Одна любовь его отрада.
Но офицеру выше долг.
Окончен отпуск. Ехать надо.
Границу переходит полк.
Какую огненную муку
Ему губами ты вожгла,
Когда на страшную разлуку
Судьба супруга обрекла.
Утихло, наконец, волненье,
Настал отчаянья покой.
И ты прочла без удивленья:
«Андрей скончался как герой».

17.

Как хорошо расстаться с горем,
 Когда горячим днем идешь,
 И буйным желтоводным морем
 Тебя кругом ласкает рожь.
 Заснул ленивый оборванец
 У солнцем залитой межи,
 Разлился по небу румянец,
 Шныряют легкие стрижи.
 В дали веселой речки блестя,
 Сторожки вьющийся дымок.
 И треплет серебро прически
 Сухой восточный ветерок.

18.

Но не с седыми волосами
 Ты появилась предо мной,
 В обыкновенной черной раме,
 В соседстве с милой стариной.
 Я не забуду наши встречи,
 Кудрей крутые завитки,
 И беломраморные плечи,
 И взгляд, исполненный тоски.
 И под глазами роковыми,
 Нежданной песнею горя,
 Твержу пленительное имя,
 Сияющее, как заря.

Заря. 1919, 29 мая

Елена МАСЛОВА

* * *

У этой ромашки такие длинные
 И нежные лепестки,
 Что мне припомнились пальцы длинные,
 Пальцы твоей руки.
 Не стану гадать, обрывая медленно, —
 Мне жалко их обижать.
 Их надо гладить медленно, медленно
 Или к лицу прижать.
 Ты ушел и не понял.
 Я это видела
 И все же покойна была.
 О, если бы мать твоя меня видела, —
 Она бы все поняла.

Заря. 1919, 6 апреля

Тагер Елена Михайловна (1895–1964) – поэт, прозаик, мемуарист. Училась на естественном, затем на историко-филологическом отделении Высших женских Вестгужевских курсов. Участвовала в Клубе поэтов при Пушкинском обществе в Петербургском университете и в Пушкинском семинаре С.А. Венгерова. Осенью 1916 вышла замуж за поэта и филолога-пушкиниста Г. Маслова, летом 1917 уехала с ним к его родным в Симбирск, где он вступил в Добровольческую армию. В 1919 у них родилась дочь Аврора. После смерти мужа в марте 1920 вернулась в Петроград. Публиковала прозу и переводы, сотрудничала с Издательством писателей в Ленинграде. В 1929 выпустила книгу рассказов «Зимний берег» (переиздана в 1931), еще несколько книг прозы. Входила в группу «Перевал» (1929–1932), принята в Союз писателей (1934). Содействовала изданию поэмы Маслова «Аврора», занималась подготовкой первого тома сочинений Маслова. Она обращалась к лицам, которые, по ее сведениям, могли хранить у себя какие-либо материалы о поэте. Среди прочих называлась омичка «гр[аждан]ка Сопова», вдова погибшего поэта-офицера. К сожалению, издание книги не состоялось. Подвергалась арестам (1922, 1938, 1951). Реабилитирована, восстановлена в Союзе писателей.

Тагер Елена Михайловна // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения 10 февраля 2012); Поварцов С.Н. Омский Парнас // Третья столица. Изобразительное искусство. Литература / отв. ред. И.Г. Девятярова. Омск, 2011. С. 108.

Вл. МЕНЕСТРЕЛЬ (Б.Я. ШНЕЙДЕР?)

* * *

Шнейдер Борис Яков-
левич – журналист, со-
трудник уральских га-
зет, театральный критик.
В 1920-е жил в Берлине.
Масанов И.Ф. Словарь
псевдонимов русских
писателей, ученых и об-
щественных деятелей:
В 4 т. Т. 4. М., 1960. С. 539

В эти дни с золотыми мечтами,
В эту черную, страшную ночь,
Я гоню все сомнения прочь
И молюсь
Как дитя, бесконечно – простыми словами,
За тебя, моя Русь!

Ты так часто Европу спасала,
Подставляя врагам свою грудь...
Это твой исторический путь –
Все снести...
И весь мир, всю культуру от бездны развала –
Своей грудью спасти!

Оттого так печальны наряды
Желтых нив и лиловых лесов,
И так грустен церквей твоих зов!
Я молюсь,
Чтобы встала опять, после тягостной страды,
Моя милая Русь!

Наша газета. 1919, 20 сентября

На смерть Л. Андреева

«Спасите!» – Кругом только «стены»...
Их камни упорно молчат,
За ними лишь гимны звучат,
И слышится шепот измены...

«Безумие... ужас»... Столица
В объятиях «Красного смеха»!
«Царь Голод» на лоне успеха! –
Какие прозрачные лица!..

Все светлое гибнет – смотрите!
Доносы, расстрелы, тюрьма...
Какая кошмарная «Тьма»,
Ужасная «Бездна»!.. Спасите!

Все «Черные маски» да «стены», –
И сердце поэта порвалось!
Лишь скорбная песня осталась,
Как летопись жуткой измены...

«Так было, так будет». И правда святая,
Как яркое солнце Востока,
Прогонит все «призраки» Рока...
Он умер, – а ночь уже тает!..

Наша газета. 1919, 30 сентября

Бал

Скрипки визжат аллегреттисто,
 Дудкою воеет кларнет.
 Здесь собрался винегретисто
 Коммунистический «свет».
 Носятся в пляске канканистой
 Сотни совдепистых пар,
 Щелкает в позе осанистой
 Семечки главкомиссар.
 Мчится с кокоткой бомондистой
 Чистенький Витя Чернов,
 С дамой хохочет зазвонисто
 Ловкий писатель Стеклов.
 Там Луначарский пленительно
 Пляшет с Максимом кэзвок.
 Мартов несетя стремительно
 Спички подать в уголок.
 Кружатся дамы скуластые,
 Скачет червонный валет;
 Френчи и фракы вихрастые
 Весь заплевали паркет.
 Серьги сверкают буржуйские,
 Щеки от красок блестят.
 Вертятся лики холуйские,
 Гимны коммуне звучат..
 Ленин и Троцкий порывистый
 Пляшут канкан с сатаной.
 И сатана псевдонимисто
 Правит несчастной Страной!

Единая Россия. 1919, № 1

Тени

Ночью беззвездною, днем беспросветным
 Слышится шепот печально-могильный,
 Носятся тени по улицам пыльным –
 Тени героев, солдат безответных...
 Вижу я контуры серых шинелей,
 Ясно мне слышатся слабые стоны...
 Где-то рыдает напев похоронный...
 Тени, откуда же вы прилетели?
 «Жутко нам в страшных безкrestных могилах...
 Так одиноко без близких и милых!
 Мы на Мазурских болотах остались...
 Там за Париж мы сражались!..
 Много лежит нас в лесистых Карпатах,
 Помнят австрийцы о русских солдатах!
 Там за Италию тысячи пали –
 Дружно ее выручали!..
 Слышатся громче могильные стоны:
 Где ж наши дети и где наши жены?
 С голоду умерли или убиты!
 Тоже в могилах зарыты!
 Голод и ужас на родине бедной!
 Посвист разбойников слышен победный...
 Где же друзья, за которых мы пали?..
 Камни уныло молчали.
 С плачем уносятся тени героев...
 Улицы пыльные странно печальны.
 Благовест где-то звучит погребальный –
 Кто-то ушел опять в страны покоя!
 Время кровавые жертвы считает...
 Правда звериная по свету ходит!
 Стадо людское над бездною бродит...
 Ночь – все не тает!

Наша Заря. 1919, 17 августа

Крестоносцы

Кровавые призраки бродят,
И шепчут молитву уста...
На ратное дело уходят
Дружины Святого Креста.

Их ждет сиротливая Волга,
Их ждет золотая Москва...
Народ бесновался так долго,
И труд заменили слова!

Наследье отцов погибает,
Повсюду позор и развал...
Средь огненных гроз нарастает
Девятый решительный вал!

За родину, семьи и Бога,
Под знаменем чистым Креста
Идут они сумрачно строго...
И шепчут молитву уста.

И веришь, что ужасы ада
Прогонит крестовый поход –
Исчезнет звериная правда,
И солнце России взойдет!

Наша газета. 1919, 14 сентября

Коммунисты

Они сулили родине свободу
И продали врагам несчастную страну...
Они сулили вечный мир народу
И начали гражданскую войну!

Был страстный крик о равенстве и братстве,
О праве личности, о святости труда...
А сами все погрязли в тунеядстве,
Убили право нагло, без стыда.

Всех уравнивали в голоде и пытке!
С буржуев начали, закончив мужиком,
Украв сирот последние пожитки,
Расправившись с беспомощным «попом»...

О казни... с трепетом и гневом говорили
(И с лицемерием природных палачей!)...
А сами кровью родину залили
Под флером псевдонимистых речей!

«Свобода»... извергам! Предатели, шпионы,
Наемные рабы – отбросы латышей,
Бесчестят женщин, в щепки бьют иконы
И не щадят святыни алтарей!

Неся везде грабеж, убийство, нарушение,
И тряпку красную повесив на шесте,
В крови, в грязи, в развороте истребленья
Они слагают гимны... «бедноте»!

Преступники и рыцари обмана,
Творцы «совдепии» и «мировых» реформ,
Под треск пустых речей, под пеленой тумана
Они «совдепию» используют на корм!

Довольно вам глумиться, аферисты!
Уж новая заря над родиной взошла.
Останется навек лишь слово «коммунисты»,
Как символ подлости, ничтожества и зла!

Утро Сибири. 1919, 20 апреля

А. Корнухов. Агитационный плакат «За Русь!». Издание художественного отдела Осведверха. 1919. Типо-литография штаба Верховного главнокомандующего, Омск. Государственный архив Российской Федерации

И. МИЛЮТИН

* * *

Чист и ясен свод небесный,
Без конца земли простор.
Только людям в мире тесно —
Все ведут кровавый спор...
Нет конца войне — разбою,
Мира-дружбы не хотят,
Нет любви между собою,
Восстает на брата брат.
Русь родную рвут на части:
Сколько мести, сколько зла!
Бьются люди из-за власти,
Волга кровью потекла.
От Невы и до Кавказа
Рыщет буйная орда,
Шлет угрозы и приказы,
Жжет и рушит города...
Стонет древний дух Урала,
Это стонет между гор.
Мать-земля еще не знала
Про такой людской позор...
Чист и ясен свод небесный,
Без конца земли простор,
Только людям в мире тесно —
Все ведут кровавый спор...

Заря. 1918, 9 ноября

Арсений МИТРОПОЛЬСКИЙ (НЕСМЕЛОВ)

(Стихи печатаются по: Арсений Несмелов. Зоркие мгновенья: из неопубликованного. Стихотворения и рассказы. Вступительная статья В. Резвого // Новый Журнал. Литературно-художественный журнал русского зарубежья 2003, № 230).

Винтовка № 5729671

Две пули след оставили на ложе,
Но крепок твой березовый приклад.
...Лишь выстрел твой звучал как будто строе,
Лишь ты была милее для солдат!

В руках бойца, не думая о смене,
Гремела ты и накаляла ствол
У Осовца, у Львова, у Тюмени,
И вот теперь ты стережешь Тобол.

Митропольский (Несмелов) Арсений Иванович (1889–1945) – поэт, прозаик, журналист. Родился в Москве. Учился во Втором Московском кадетском корпусе, из него перевелся в Нижегородский Аракчеевский, который и окончил в 1908. Печататься начал в 1912. Первую мировую войну провел на Австрийском фронте. Демобилизован в апреле 1917 в чине подпоручика, вернулся в Москву. В ноябре 1917 принимал участие в московском восстании юнкеров. Через несколько недель уехал из Москвы на Урал, добрался до Кургана, позже – до Омска, где присоединился к войскам Верховного главнокомандующего А.В. Колчака; был адъ-

ютантом коменданта Омска полковника Василия Катаева, тогда же получил чин поручика. Осенью 1919 публиковал стихи в омской газете «Наша армия» (подписывался Арс. М-ский). Участник Великого Сибирского Ледяного похода. В начале весны 1920 – во Владивостоке, где занялся журналистикой и литературной деятельностью, взяв в качестве литературного псевдонима фамилию боевого товарища, погибшего под Тюменью. В мае 1924 поселился в Харбине. Активно сотрудничал в местной русскоязычной периодике (журналы

«Рубеж», «Луч Азии»; газета «Рупор» и др.): публиковал рассказы, стихи, обзоры, фельетоны, статьи о литературе. В августе 1945 арестован и вывезен в СССР. Умер 6 декабря (согласно официальной справке) того же года в пересыльной тюрьме в Гродекове. Арсений Несмелов. Собрание сочинений: в 2-х т. / сост. Е. Витковский, А. Колесов, Ли Мэн, В. Резвый. Владивосток: Рубеж, 2006; Арсений Несмелов. Зоркие мгновенья: из неопубликованного Стихотворения и рассказы. Вступительная статья В. Резвого // Сибирские огни. 2009, № 1.

Мой старый друг, ты помнишь бой у Горок,
Ялutorовск, Шмаково и Ирбит?
Везде, везде наш враг, наш злобный ворог
Был мощно смят, отброшен и разбит!

А там, в лесу? Царапнув по прикладу,
Шрапнелька в грудь ужалила меня...
Как тяжело пришлось тогда отряду!
Другой солдат владел тобой два дня...

Он был убит. Какой-то новый воин
Нашел тебя и заряжал в бою,
Но был ли он хранить тебя достоин,
И понял ли разительность твою?

Иль, может быть, визгливая граната
Разбила твой стальной горячий ствол...
...И вот нашел тебя в руках солдата,
Так случай нам увидеться привел!

Прощай опять. Блуждая в грозном круге,
Я встречи жду у новых берегов,
И знаю я, тебе, моей подруге,
Не быть в плену, не быть в руках врагов!

Наша армия. 1919, 3 октября

Торжественный смотр войск на Сенатской площади с участием Верховного правителя адмирала А.В. Колчака. Омск. 1919, апрель

Новобранец

Широк мундир английского солдата,
Коробят грудь нескладные ремни...
Старик-отец, крестьянин бородатый,
Сказал, крестясь: «Господь тебя храни!»

Мальчишка хлип, а пули жалят больно
(Сам воевал и знает в этом толк).
– Прощайся, мать, наплакалась... Довольно.
И шапку снял, нахмурился и смолк.

Ушли. Один. Когда-то ночь настанет,
Когда-то смолкнут звуки голосов,
И сладкий сон усталого заманит
В родную глушь, в родимый гул лесов.

Неделя-две тоски, борьбы и ломки,
А там, глядишь, коль все идет на лад,
И грудь вперед, и шаг, и голос громкий,
И этот смелый и спокойный взгляд.

Любовь и труд! В подростке – спрятан воин,
В тебе ж – его ваятель, командир!
Уж мальчуган оружия достоин,
И как к нему идет теперь мундир!

Оторванный от жизни полусонной,
Он стал нервней, душа его – как воск...
Характер ли создать определенный,
Иль навести один ненужный лоск, –

Ты можешь все. Твори стране солдата,
Единой верою скрепляя все сердца, –
И будь для них, чем был уже когда-то:
Начальником, вмещающим отца.

Наша армия. 1919, 27 октября

Родине

Россия! Из грозного бреда
Двухлетней борьбы роковой
Тебя золотая победа
Возводит на трон золотой..

Под знаком великой удачи
Проходят последние дни,
И снова былые задачи
Свои засветили огни.

Степей снеговые пространства,
Лесов голубая черта...
Намечен девиз Всеславянства
На звонком металле щита...

Россия! Десятки наречий
Восславят твоё бытие.
Герои подъяли на плечи
Великое горе твоё.

Но сила врагов – на закате,
Но мчатся, Святая Земля,
Твои лучезарные рати
К высоким твердыням Кремля!

Наша армия. 1919, 31 октября

Н. Д-ЛЬ

Легенда о Суворове

Есть сказанье средь русских крестьян и солдат,
Что народный герой наш Суворов
Спит, глубокою дремой объят,
Богом скрытый от вражеских взоров.

Но когда по колено достанет коню
Кровь, в России родной пролитая,
Он проснется, встряхнется, наденет броню,
Кликнет клич – удальцов созывая!

Вновь великий старик на коню боевом,
Весь народ поведет за собою,
Сам всегда впереди, с обнаженным мечом,
С непокрытой седой головою.

1919-ый год: Стихотворения.

Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919

Я верю!

Я верю! Сбросив гнет позорного безличья,
Опять восстанешь Ты, родимая страна,
И на развалинах забытого величья
Предстанешь гордая, могуча и сильна.
Твои поля кругом политы русской кровью,
И нет угла на них, где б не было могил;
То верные сыны, погибшие с любовью
За край родной, который их забыл!
Усеяли они пространства нив далеких,
Их сосчитать нельзя, как звезды в небесах.
Затеряны они среди снегов глубоких,
В равнинах, на горах, в окопах и лесах.
Мы ж, равнодушные, порыву их чужие,
Спокойные за их сплоченною стеной,
С беспечностью глядим на лица молодые
Идущих жизнь отдать Отчизне дорогой.
Мы часто судим их, в углу уютном сидя,
Когда они стоят под огненным дождем.
В довольстве и тепле, опасности не видя,
Мы, не считая жертв, – одной победы ждем.

1919-ый год. Стихотворения.

Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Горькая дума

(Посвящается русскому народу)

Что ни день, то печальная горькая дума.
Что ни час, то страшней беспросветная даль.
Все противнее звуки житейского шума.
Ненавистней людские и смех и печаль.

Тщетно в мозг притекают вопросы толпою.
Тщетно в сердце пытливым сомненья растут.
И, как поздние розы осенней порою,
Не успевши расцвести, увядают и мрут.

Где конец, где начало людских треволнений,
Для чего эта мелкая страсти борьба?
Для чего эти вопли и стоны мучений,
Всюду слышишь одно: так уж видно судьба!

Всюду видишь порок и безвинные муки,
Всюду подлость старается правду пригнуть,
И в бессилье, как плеть, опускаются руки,
И невольно желаешь навеки уснуть.

Заря. 1919, 28 августа

НИКТО-НЕ

Страдал ли кто

Страдал ли кто, как Русь многострадальная,
Терпел ли кто, такой неслыханный позор,
Глумилась ли над кем так бешено кандальная
Толпа преступников, насильник, наглый вор?
Искариота дело повторяющий,
Отверженец далекой стороны,
Накинулись ватагой дерзко лающей
На нивы и поля родной страны.
Ты мечешься в бреду, безмерно оскорбленная,
И стонешь, мать, и сыновей зовешь...
Не время для дремы. Очнись, трущоба сонная.
Позор и смерть идут. Пора. Чего ты ждешь?

Наша газета. 1919, 27 августа

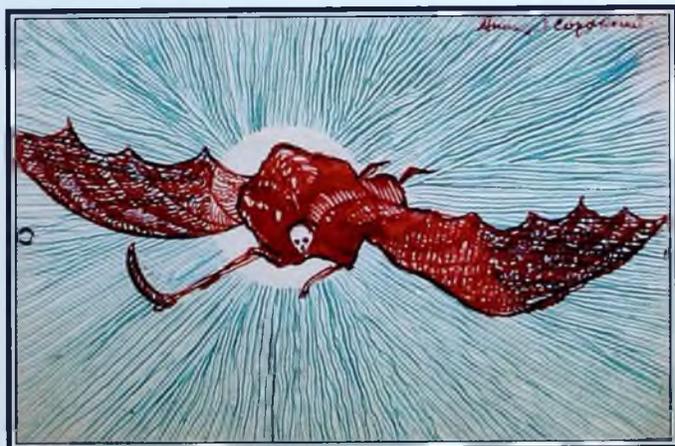
Мертвецы

(Из Виктора Гюго)

Потухли в сумраке огни
Вдруг кто-то крикнул мне: «Взгляни!»
Я поглядел во все концы –
Лишь мертвецы, да мертвецы...
Вот Совесть бледная, вот Стыд –
Под белым саваном лежит.
Там Вера брошена в углу

И платье Права на полу.
В грязи, затоптана Любовь,
А вместо роз – засохла кровь.
В разбитых латах, тут же Честь.
Гробов и мертвецов не счесть...
Ужель родимая страна
В гигантский склеп превращена?!
Чу! Где-то хохот, где-то дик
Предсмертной боли – страшный крик.
А рядом ползает, как вор,
И грабит мертвецов Позор.
.....
Господь! Тебя прогневал кто?
Караешь так людей – за что?..

Наша газета. 1919, 9 сентября

А.С. Сорокин. Смерть с косой. 1900-е. Бумага, цв. тушь. Омский музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля

Разговор у окна

(Почти с натуры)

СЫН (глядя в окно, отцу):

Ах, папа, посмотри, солдаты.

ОТЕЦ (в халате, с сигарой в зубах, тоже подходит к окну):

Да-а, полк еще идет на бой...

(с чувством):

Смотри! Учись! Их жертвы святы –

Жизнь отдают стране родной.

Идут без ропота, спокойно,

Нас, мирных граждан, защищать...

(восторженно)

Венка лаврового достойно

Их выступленье!..

СЫН:

Воевать

Ты, папа, будешь?

ОТЕЦ (не слушая сына, умиленно):

Чу! Как внятно

Как дружно, милые, поют,

Хотя, увы, домой обратно

Не все с победою придут –

В кровавых битвах много ляжет...

(со слезой)

Заплачут сотни матерей...

Ах, кто грядущее предскажет

На службе, Родина, твоей?!

Огонь геройства разгорелся

Во всех умах, во всех сердцах!..

СЫН:

Ты, папа, призван? Ты в войсках?

ОТЕЦ (самодовольно):

Нет, слава богу, отвертелся...

СЫН (с удивлением):

А говорил ты... Как же так?

ОТЕЦ (сердито):

Молчи, дурак!

Наша газета. 1919, 25 сентября

Н. ОХОТИН

Из песен изгнанника

Страна родная с крестом терпенья
Свои страданья пьет полной чашей,
Но будет праздник – День Воскресенья,
День светлый, ясный победы нашей.

Страна воскреснет, страна воспрянет,
Народ очистится от всех кошмаров.
И Русь родная, как прежде, встанет
Из тьмы насилий, из мглы пожаров!

В горниле страшном ее страданий
Скуется светлый народа разум.
Пусть будет меньше Иуд лобзаний,
Пусть только всякий горит экстазом.

Пусть только всякий горит любовью,
Любовью страстной к стране родимой!
Всю грязь насилья мы смоем кровью
Врагов Отчизны своей любимой.

Наша Заря. 1919, 13 февраля

Христос Воскрес

Христос Воскрес, два эти слова
У всех нас ныне на устах
И сколько мощного святого
Нам в этих слышатся словах;
Христос Воскрес, и торопливо
Ломают реки синий лед,
Везде бегут ручьи шумливо,
Весна идет, весна идет.
Христос Воскрес, и саван хладный
Откинув прочь, поля и лес
Спешат одеть покров нарядный.
Христос Воскрес, Христос Воскрес;
Христос Воскрес, и с юга снова
Отряды птиц за рядом ряд
По весям севера родного
На гнезда старые летят.
Христос Воскрес, и крепнет вера,
На страх совдепа жуира,
Россия встанет ото сна.
Христос Воскрес, и комиссары,
Как от креста служитель тьмы,
Бегут со страхом из Самары,
Казани, Вятки, Бугульмы.
Христос Воскрес, и Русь Святая
Своих сынов опять зовет
К знаменам, бодро возглашая:
В Москву вперед, в Москву вперед,
Чтоб там, в стенах Кремля родного
Под сводом северных небес
Опять сказать друг другу снова:
Воскресла Русь, Христос Воскрес!
С Юга, с Запада, с моря молва.
Светлый звон колокольный,
Звон пасхальный, раздольный
Из Сибири и с Дона идет.
И в душе оскорбленной,
Там в Москве угнетенной,
Вновь надежда спасенья цветет.

Наша Заря. 1919, 27 апреля

П. З.

Молитва

Деревянная церковка бедная
Между облачно-легких берез,
Сиротливая кружечка медная,
Сиротливый над нею Христос.

Я сажусь на ступени, заросшие
Сонной былью – лазурной травой,
Погружаюсь в безмолвное прошлое
Древней Руси моей, вековой.

По тропам и проселкам немеренным,
Через дебри, туманы и глушь,
Шла, тянулась к убогим, затерянным
Божьим храмам крестовая Русь.

Шла, тянулась, печальница, каялась,
В ржавых кружках звенели гроши...
А теперь натерпелась, намаялась
До глубин необъятной души!

Я смотрю на листву изумрудную,
На Христово распятие смотрю:
– Ты зажги, Спасе, в ночь непробудную –
Молодую над Русью зарю!

Единая Россия, 1919, № 2

П. К.

К беженцам

Красное знамя, кровавое знамя
Вьется над городом нашим родным.
Пеплом давно уже сделало пламя
Все, что привыкли считать мы святым.
В красные руки, кровавые руки,
Руки безжалостно злых палачей
Продали лучшие люди на муки,
Лучшие люди отчизны моей.
Братство, свобода и счастье народа –
Все это стало лишь звуком пустым.
Голод и холод, печаль и невзгода,
Больше и дальше все пепелищ дым.
Беженцы – братья родимого края,
Некуда больше бежать нам от бед.
Каждую пядь лишь земли защищая,
Можем найти мы дорогу побед.
Будет победа, я верю, я знаю.
Только бы дружно в ряды встать бойцов,
И засияет вновь нашему краю
Солнце свободы и мирных трудов.

Наша Заря. 1919, 24 августа.

Алексей ПЕТРЕНКО

Камни

В 1920-е сотрудник сибирских газет. Автор обзоров выставок.

Сонные улицы сном околдованы,
Тяжко среди духоты...
Львы у подъезда цепями прикованы,
В каменных взглядах – мечты.
В бледных колоннах, в тоске непонятной,
Мрамор цветами висит.
Луч же луны, золотой, необъятной,
Мертвые камни живут.
Стены домов великанов теснятся,
В тяжком дыханьи глядят.
Камни, все камни лежат, громоздятся
Страшно... Спасите!.. Нет силы молчать!

Наша Заря. 1919, 19 февраля

Граф. Н. ПОДГОРИЧАНИ

Рыцарь

Подгоричани (Подгоричани-Петровиц) Нина Михайловна (1889–1964) – поэтесса, переводчик, шахматистка. Принадлежала к графскому роду, происходящему из Далмации. Дочь председателя Омского окружного суда (в 1912–1919) М.А. Подгоричани-Петровица. Дореволюционные публикации подписывала псевдонимом Георгий Эрард. Хорошо знала персидский язык, быт и культуру Востока, в своих произведениях часто обращалась к восточной теме. Печаталась в сборнике «Жатва» (Москва). В 1918–1919 – в омских газетах и журналах с подписью «Граф. Н. Подгоричани» («Отечество», Сибирская речь», др.). В 1920–1926 жила в

«Лишь степи в снегу перед Вами –
Зачем наготове Ваш меч?»
– С врагами красавицы-Дамы
Ищу столкновений и встреч!

«А где же живет Ваша Дама,
Какая страна ей милей?»
– В Европе живет моя Дама,
И места немало у ней!

Иркутске (под фамилией Подгоричани-Горина); участвовала в собраниях объединения «Барка поэтов» (1920–1923). В 1926 была победительницей первого женского шахматного чемпионата в Иркутске. С 1927 – вновь в Москве. Член Московского горкома писателей. Работала в кукольном театре, писала для него пьесы, публиковалась как детский поэт. Занималась переводами с английского, французского и др. языков. В 1934 перевела для издательства «Academia» Я. Райниса, Дж. Байрона, Р. Браунинга. Автор многочисленных «шахматных» стихотворений. Печаталась в «Шахматной Москве», в бюллетенях Центрального шахматного клуба. Была репрессирована в 1938. Провела в лагерях и ссылках 17 лет; реабилитирована в 1955. Ни

одна из подготовленных к печати поэтических книг Подгоричани («Четки из ладана» (1916), «Сибирские триолеты» (1919), «Восьмая горизонталь» (1931, вторая редакция – 1964)) света при ее жизни не увидела.
Н.М. Подгоричани. Некролог // Шахматная Москва, 1964, 23 мая; Каплан Б.С. Шахматы и любовь, или Мат Дельгарам. Из книги воспоминаний // День и ночь. Литературный журнал для семейного чтения. 1994, № 1; Кентлер А.Р. Графиня (Памяти Нины Подгоричани) // Шахматы в Петербурге. URL: <http://www.e3e5.com/article.php?id=1657>; <http://www.e3e5.com/article.php?id=1659>; <http://www.e3e5.com/article.php?id=1669> (дата обращения: 20. 07. 2012). Составители благодарят В.В. Нехотина и А.Р. Кентлера за консультации.

«А цвет Вашей Дамы Прекрасной,
Эмблема служения ей?»
– И белый, и синий, и красный –
Три цвета у Дамы моей!

«А имя? Победы лихие
И раны героя в чью честь?»
– Зовут мою Даму: «Россия» –
Нежнее созвучий не сплесть!

Сибирская речь. 1918, 22 декабря

Сибири. Триолеты

Сибиряк

Я с эскимосом говорила –
Он отвечал мне кое-как...
С индейцем пламенным,
Как мак,
Я целый час проговорила –
И, право, было очень мило!..
Но я стараюсь так и сяк, –
Молчит угрюмый сибиряк!

Сибирячке

I.

В ушастой шапке и в пимах,
Морозу верная подруга,
Ей нипочем метель и вьюга!..
Красивы ль ноги в сих пимах,
Нежна ли кожа на плечах,
В заветный час в объятьях друга,

Или всегда она в пимах –
Морозу верная подруга.

II.

Зубами белыми, как снег,
Она жует кусочек серы.
Глядят влюбленно кавалеры
На зубы белые, как снег,
И равнодушной – радость нег
Сулят безумцы свыше меры!
Она ж – холодная, как снег,
Жует янтарь чуть горькой серы.

III.

Огонь растопит синий лед –
И Ваши шаньги подрумянит,
Но ваше сердце страсть не ранит,
Хотя оно – как синий лед,
А страсть огня сильнее жжет!..
Ах, Вас огонь совсем не манит.
Пусть только он растопит лед
И только шаньги подрумянит!

Сибирская речь. 1919, 7 января

Лес

Ах, любит сердце темный лес,
Красу неведомой Сибири!
Но не воспеть капризной лире,
Как независим, строен лес,
Как он узорит синь небес,
Как черны сосны в снежной шири.
И сколько сказок темный лес
Хранит про ужасы Сибири!

Ковыль

Я надушу степной ковыль
 Парижа ценными духами...
 Страны неведомой цветами,
 Тогда покажется ковыль!
 И станет пудрой злая пыль,
 Лишь прикоснется к щечкам дамы.
 О, если б весь степной ковыль
 Полить парижскими духами!

Ветер

Ветер недруг, ветер друг:
 Друга ль, недруга ль пою я?
 Ах, румянит мне, целуя,
 Рот и щеки нежный друг!
 Налетает вихрь вдруг,
 Треплет, волосы балуя...
 Я не знаю, враг иль друг
 Этот ветер, что пою я?

Осень

Как рано осени недуг
 Пятнает платье березы!
 Душа болит как от занозы, —
 Зачем их точит злой недуг,
 Зачем здесь север, а не юг,
 Зачем ковыль, а не мимозы?
 Зачем здесь с августа недуг
 Пятнает платье березы?

Снег

Я не люблю мороз и снег!
 Глотая жаркий, южный кофе,
 Смотрю с тоскою, как Прокопий
 Стребает в горки жуткий снег...
 Но в час ленивых пряных нег,
 Когда мечты туманит опий,
 Сравнив с щербетом белый снег,
 Хочу я снова в черный кофе.

Мед

Единая услада мед —
 Не мед любви, а мед пчелиный —
 Десерт и сладкий и невинный —
 Единая услада мед.
 Но не безгрешен алый рот,
 И в вечер сумрачный и длинный
 Ему желанен сладкий мед,
 Но мед любви, а не пчелиный!

Сибирская речь. 1919, 23 (10) февраля

Вечная смена

За пылью грязь, за грязью снег —
 О смена милых впечатлений!..
 Мы ждем привычно без волнений
 За пылью грязь, за грязью снег —
 О смена милых впечатлений!..

«Не хочет»

Неправда ль сердце «не хочет»
 Ни новых слов, ни увлечений?
 Надежд, восторгов и сомнений –
 Неправда ль сердце «не хочет»?
 От сильных чувств оно болит,
 Оно боится утомлений...
 И мудро сердце «не хочет»
 Безумных слов и увлечений!

Пелемени*

За водкой – блюдо пелеменей,
 Потом соснуть часок-другой...
 Поверьте, счастье под рукой:
 Пимы, кровать и пелемени.
 К чему безумцы ловят тени
 И к солнцу тянутся рукой?
 Ах, только ль блюдо пелеменей –
 Венец желаньям и покой.

Сибирская речь. 1919, 6 апреля (22 марта)

* Диалектная форма произношения названия сибирского блюда.

* * *

*Всему свое время и время
 Всякой вещи под небом.
 Екклесиаст, гл. 3.*

Всему свой час, всему назначен срок.
 Есть время радости, и плачу час отмерен.
 Когда молчание приходит на порог,
 Не будь в речах ненужных лицемерен.
 Всему, всему и время и черед.
 Есть час для отдыха и час назначен бегу.
 Есть час, когда воде уступит лед,
 И час, когда трава уступит снегу.
 Всему свой час; размерен ход веков.
 Есть мира час и час кровавой битвы.
 Есть смерти час, страшнее всех часов,
 И тихий час полуночной молитвы.
 И у греха есть свой заветный час.
 Мечтами знойными отравлен воздух спален.
 Есть час раскаянья: да не минует нас
 Ни вздох, ни стон, ни скорбь исповедален.

Сибирская речь. 1919, 26 (13) июня

Жалоба

Ах, только стоны и проклятья
 Сбираю жатвою с земли!
 В крови намокло мое платье
 И косы русые в пыли.
 Ужель сыны меня забыли,
 И чем пленила их Сибирь?
 Морозы ль их заморозили,
 Снегов ли голубая ширь?
 Или не знают, что врагами

Окружена я, как стеной,
 Что богохульными руками
 Венец мой сорван золотой?
 Что день за днем я жду, слабея,
 С востока светлого гонца...
 Ужели стали холоднее
 В Сибири русские сердца?

Отечество. 1919, № 1

Нечаянно

Ах, копья и стрелы, мечи и кинжалы
 Все ищут отважное сердце.
 Мой милый далеко, и ждать я устала,
 И в трепете робкое сердце.
 Быть может, минует злой меч назначенье,
 Минует отважное сердце!
 Быть может, кинжал в своем дерзком стремлении
 Пройдет мимо гордого сердца!
 Быть может, копье свое место не знает,
 Стрела пролетит мимо сердца!..
 Быть может, кинжалы и копья не ранят,
 Не ранят отважного сердца!
 Но милый далеко, и ждать я устала,
 Где щит беззащитного сердца!
 Ах, копья и стрелы, мечи и кинжалы,
 Вы ранили робкое сердце!

Отечество. 1919, № 1

* * *

Шагами мерными ступая,
 Идет бледнее полотна,
 Как пахарь, жатву собирая,
 Неутомимая война.

Не пощадит ростков зеленых
 И срежет сталью зрелый плод.
 Но не достанет на знаменах,
 Не преградит орла полет!

И как не улыбнется слава,
 И разве сжаться может грудь,
 Когда он, гордый и двуглавый,
 Перед полками правит путь!

Пускай за пулей пуля злая
 Спешит найти в груди приют –
 Одна ведь только роковая,
 Другие сердца не найдут!

А с нею спорить невозможно,
 И вот на грубое сукно
 Она прольет неосторожно
 Карминно-красное вино...

Но потрясенный вестью злою
 Пускай не плачет отчий дом –
 О нет, не страшно стать тобою,
 Руси великой чернозем!

Отечество. 1919, № 4

Аэроплану

Как высоко на неба ситце,
Где солнце ярко расцвело,
Досель неведомая птица
Простерла блестящее крыло!

Поднятая движеньем стали,
Из дерева и полотна.
Куда ее заманят дали,
Что ищет на небе она?

Листом осенним листопада,
Летай, кружись и стереги!
Пусть книзу смотрят мертвым взглядом
Зелено-белые круги*...

И сея гибель вражьи селам,
Сама смутишься ты едва ль,
Когда безжалостным уколом
Тебя ударит злая сталь!

Но пусть, израненная птица,
Влачишь ты робкое крыло,
И на земле тебе приснится,
Как в небе Солнце расцвело.

Отечество. 1919, № 7–8

*

Зелено-белые круги – опознавательный знак на крыльях самолетов военной авиации Колчака.

Увы!

Кукольная комедия

Действие I.

Появляются Арлекин и Пьеро.

ПЬЕРО (поет):

Розы алей, чем рубины,
Маки весною алей,
Все же уста Коломбины
Сердцу поэта милей.

Белые бродят павлины,
Бродят под сводом аллей,
Белый наряд Коломбины
Сердцу поэта милей.

Звуки нежны мандолины,
Что этих звуков нежней?
Шелест шагов Коломбины
Сердцу поэта милей!

АРЛЕКИН:

Итак, отныне вместе мы пойдем.

ПЬЕРО:

Быть может, вместе мы скорей найдем.

АРЛЕКИН:

Мы оба бредим Коломбиной.

ПЬЕРО:

Ее уста алей кармина,
Как полумесяц ее бровь...

АРЛЕКИН:

В ней все надежды Арлекина.

ПЬЕРО:

Пьеро замучила любовь.

Появляется Коломбина, обмахиваясь веером.

ПЬЕРО:

Видение дивное – она! Та, о которой мы мечтали!

АРЛЕКИН:

Отныне мы врагами стали,
И в этом не моя вина.
Скрестим скорее наши шпаги.

ПЬЕРО:

Я не грешу против отваги.
Перо и шагу я избрал,
И им служить я не устал.

Арлекин и Пьеро нападают друг на друга.

АРЛЕКИН:

Узнаю я, какого цвета
Кровь бледнолицего поэта.

ПЬЕРО:

Как я хочу узнать,
На вашем сердце где печать!

АРЛЕКИН:

Держитесь: я неутомим!

ПЬЕРО:

Кто любит, тот непобедим!

Бьются. Появляется городской.

ГОРОДОВОЙ:

Опять на улицах и шум и беспорядки.
Ну, господа!.. Покой ли им не сладок.
Сцепились, точно петухи.
В участке всыпят за грехи.
Идемте-ка!

КОЛОМБИНА:

Я виновата. И я безумцев до заката
Поверьте, милый, помирю.

На чай двугривенный возьмите
За беспокойство и идите.

ГОРОДОВОЙ:

Премного вас благодарю!

КОЛОМБИНА:

Бросайте шпаги и целуйте руки.
Обоих вас взяла я на поруки.

Пьеро и Арлекин целуют Коломбине руки.

АРЛЕКИН:

О, Коломбина!

ПЬЕРО:

О, мечта:
Как счастливы мои уста!

КОЛОМБИНА:

О чем же ссора?

ПЬЕРО:

Вы причина:
Смутили мысли Арлекина.

КОЛОМБИНА:

Ах, сердце разделю я пополам.
К чему оно? Я вам его отдам.

Пьеро и Арлекин целуют Коломбине руки.

КОЛОМБИНА:

Мне кажется, себя назвать
Вам не мешало б, господа.
Могли б вы также рассказать,
Откуда путь ваш и куда?

ПЬЕРО:

Меня зовут Пьеро, мечтатель и поэт.
В честь Коломбины я слагал сонеты,
Газели звонкие писал и триолеты.

АРЛЕКИН:

Я Арлекин, объехал целый свет
В Париже был, в Нью-Йорке, в Аргентине,
На Марсе, на Луне искал повсюду вас
И наконец, настал желанный час –
И отдаю я сердце Коломбине.

ПЬЕРО:

Отшельником я жил на чердаке.
Лишь голуби на крыше ворковали,
Коты неистово влюбленные кричали.
Я до зари мечтал с пером в руке.

АРЛЕКИН:

Я жизнь бездельника и дэнди предпочел,
Любил ботинки, галстуки и шляпы,
И на курортах в Ницце и Анапе
Никто б меня шикарней не нашел.

ПЬЕРО:

Но посетил меня жестокий сплин.
Ах, жизнь пройдет, как траурная месса,
И не придет далекая принцесса
К поэту в скромный мезонин.

АРЛЕКИН:

Премьеры, скачки, вечера
Сегодня, завтра и вчера
Концерты, маскарады, драмы
И нарумяненные дамы...
Ах, и меня замучил сплин,
И в путь собрался Арлекин.

ПЬЕРО:

По шаткой лестнице сошел я с чердака.
Моя поклажа, ах, была совсем легка –
Лишь лира и перо.

АРЛЕКИН:

Я тоже
Немного взял – к чему поклажа, Боже?
Лишь был бы плащ в сырые вечера,
Лишь шпага верная была б всегда остра.

ПЬЕРО:

Где я блуждал и долго ли, кто знает...
Жизнь – точно сон, а люди словно тень.
И сколько раз в кустах цвела сирень,
Пусть кто-нибудь другой – не я – считает.

АРЛЕКИН:

Я был везде, все страны изучил,
Из всех бокалов, все отравы пил
На пряных тропиках и там, где сини льдины, –
Везде искал следов я Коломбины.

ПЬЕРО:

И я искал, безумен и влюблен,
В тенистых парках, на песке дорожки
Искал следы едва заметной ножки.

АРЛЕКИН:

И вот за поиски теперь я награжден:
Вы воскресили сердце Арлекина.

ПЬЕРО:

Ах, наяву сбылся заветный сон:
Пришла на зов поэта Коломбина!

АРЛЕКИН:

Всех милых женщин я покинуть рад
За ваш один, хоть мимолежный, взгляд.

ПЬЕРО:

Поэтам всем милее песни их Музы,
Но если с вами Музу я сравню,
Она покажется мне ликом злой Медузы.
Вас, вас одну любил я и люблю!

КОЛОМБИНА:

Как в спелом персике расколото ядро,
Я между вами сердце разделила.
(Арлекину) Полсердца вам, другую вам, Пьеро.
Обоих вас, друзья, я полюбила!

АРЛЕКИН:

А кроме сердца?

КОЛОМБИНА:

Вот моя рука
И на устах улыбок очень много.

ПЬЕРО:

В моей душе проснулась вновь тревога!

КОЛОМБИНА:

Ах, хватит и для вас, о чем тоска?
Дни впереди, как голубые птицы.
Не раз поднимете вы полог кружевной,
Хочу узнать я вашей ласки зной.

АРЛЕКИН:

А я?

КОЛОМБИНА:

Прочтете все страницы
Поэмы, озаглавленной «Любовь».

АРЛЕКИН:

Течет по жилам пламя, а не кровь!

ПЬЕРО:

Танцует сердце, словно балерина! О Коломбина!

АРЛЕКИН:

Коломбина.

Уходят втроем.

Действие II.

Коломбина появляется одна.

КОЛОМБИНА:

Ах, год прошел, всего лишь малый год,
И я одна, покинута друзьями.
Кармином подведен усталый рот
И ум смущен нелепыми мечтами.
Куда ушли? Что испугало их?
Кто соблазнил поклонников моих?

Увы, увы! Закрыты магазины,
Несут домой пустыми все корзины.
К чему теперь улыбки нежных уст,
Когда у всех желудок странно пуст?
Не вынес Арлекин, меня покинул тайно,
А вскоре и Пьеро последовал за ним,
От голода страдал необычайно
И в путь пошел, как бедный пилигрим.
Сибирь была их Меккой и Мединой,
Каабой их был хлеба каравай.
Не там, где я, а там, где сытно, – рай!
Легко расстались с грезой, Коломбиной.
Ах, только год прошел. Былым мечтам
Лишь я еще верна...

Спекулянт подъезжает на автомобиле.

СПЕКУЛЯНТ:

Мое почтение Вам!

КОЛОМБИНА:

Пришли вы торговать бриллианты?
Последнее кольцо я отдала
И не заходят больше спекулянты..
Меха, пожалуй, я бы продала.

СПЕКУЛЯНТ:

Меха пускай останутся при вас.
Не нужен мне ни бархат, ни атлас.
И если будет воля Коломбины,
Верну я вам сапфиры и рубины.

КОЛОМБИНА:

Вернете мне рубины, жемчуга,
Вернете мне браслеты, ожерелья?
Быть может, также прежнее веселье,
Забавы, флирт, зеленые луга,
Балы и праздники?..

СПЕКУЛЯНТ:

Могу, если хотите.

КОЛОМБИНА:

Хочу ли я? К чему вопрос такой?
С печальным сердцем, милый, не шутите
И не тревожьте призрачный покой.

СПЕКУЛЯНТ:

Я предлагаю вам.

КОЛОМБИНА:

Доканчивайте, что ж?

СПЕКУЛЯНТ:

Идти ко мне на содержание.

КОЛОМБИНА:

Боже!

СПЕКУЛЯНТ:

Вас знает вся Москва, на выставках портреты
Показывали вас во всех видах,
Вас воспевали томные поэты
В бездарных и в талантливых стихах.
Соперничать не смели с вами дамы,
Улыбкой вы сводили всех с ума.
Но вот теперь вам не хватает рамы,
И впереди – лишь нищего сума.

КОЛОМБИНА:

О, Боже, я демимонденка!

СПЕКУЛЯНТ:

Поверьте, призрачная стенка
Вас отделит от светских дам.

КОЛОМБИНА:

Ужели я себя продам!

СПЕКУЛЯНТ:

Поедем мы в Японию сначала,
Там хризантемами расписаны шелка.
У крошки гейши ножки очень малы
И в рукаве запуталась рука.
Туда как раз мы попадем к апрелю.

Под вишней розовой мы отдохнем неделю..
Затем в Америку. Я ставлю вам на вид,
Что кошелек мой золотом набит.
Шикарней вас не будет и в Париже!
Позвольте к вам подвинуться поближе.

Коломбина протягивает Спекулянту руку.

СПЕКУЛЯНТ:

Согласны вы?

КОЛОМБИНА:

Что ж делать? Я согласна.

Спекулянт хочет обнять Коломбину, она отстраняется.

КОЛОМБИНА:

Пощады!

СПЕКУЛЯНТ:

Я люблю вас страстно!

КОЛОМБИНА:

Я к новой роли буду привыкать.

СПЕКУЛЯНТ:

Ну, что ж, могу и подождать.
Назначьте сами день недели,
Когда бы Вы ни захотели,
К услугам вашим коммерсант.

КОЛОМБИНА:

К чему отсрочка, спекулянт?
Ведь я решилась, я готова.

СПЕКУЛЯНТ:

Поверьте, я..

КОЛОМБИНА:

Нет, нет, ни слова!..
О, Боже мой, какой позор:
Меня увозит ваш мотор!..

СПЕКУЛЯНТ (в сторону):

Поймал я Голубую птицу.

КОЛОМБИНА:

Ах, новую я начала страницу!

Действие III.

Появляется Арлекин, за ним тащится Пьеро.

АРЛЕКИН:

Каждый молод, молод, молод.
В животе чертовский голод!
Будем лопать камни, траву,
Глубину и высоту.
Все, что встретим на пути,
Может в пищу нам пойти.

ПЬЕРО:

Ах, долог был тяжелый путь,
И хорошо бы отдохнуть!

АРЛЕКИН:

Мой бедный друг, вы побледнели,
Но кажется, что мы у цели,
Здесь хлеба вдоволь, говорят,
Есть мясо, сливочное масло.
В душе надежда не погасла,
Что лучшая взойдет заря
И что скитались мы не зря.

ПЬЕРО:

Дай Бог! Я очень утомился.
Меня замучили снега.
Как схимник строгий, я постился,
Мне кажется, прошли года,
Не дни жестоких испытаний.

АРЛЕКИН:

Не вспоминай былых страданий.
Какая сладкая мечта:
Пельмени, шаньги и кета!

Появляется Сибирячка. Арлекин замечает первый, толкает Пьеро.

АРЛЕКИН:

Смотри, как будто эскимос,
Кого не встретишь в этом мире!

ПЬЕРО:

Хоть не в венке из алых роз,
А все же муза для Сибири.
Что если к ней мы подойдем
И сладкого наскажем вздора?

АРЛЕКИН:

Ха, ха, ха, ха! Услада взора,
«Бальзам для сердца». Что ж, пойдем:
Ведь женщины до лести падки.
Смотри! Глядит на нас угадкой.

Подходят оба к Сибирячке.

ПЬЕРО:

Сибири Муза, вам привет!
Принес мечтатель и поэт!

АРЛЕКИН:

Ах, ради вас забыта Коломбина.
Примите же почтенье Арлекина.

ПЬЕРО:

Хочу воспеть ваш белый мех
И шапку с длинными ушами.
Меня сразили вы пимами,
Смутил покой ваш белый мех.
Клянусь, что Вы прекрасней всех,
Вы точно роза между нами.
И я пою ваш белый мех
И шапку с длинными ушами.

АРЛЕКИН:

Я жажду слова с ваших уст.

(В сторону).

Желудок мой чертовски пуст!

СИБИРЯЧКА:

Я не пойму, что хочут кавалеры?

ПЬЕРО:

Хотим любви.

СИБИРЯЧКА:

Быть может, серы?

(щелкает).

ПЬЕРО:

За вами следовать как тень,
Поверьте, нам не будет лень.

АРЛЕКИН:

Ах, герцогини и княжны
Не так изящны и нежны.
Прийти позвольте к вам в гости?

СИБИРЯЧКА:

Пожалуйте за всяко просто.
Я угощу на славу вас:
Готовы шаньги каждый час,
Есть стерлядь, нельма и кета.

АРЛЕКИН:

О, вы блаженство, вы мечта!

СИБИРЯЧКА:

Есть масло, свежая сметана.

ПЬЕРО:

Вы розовый цветок тюльпана!

СИБИРЯЧКА:

Из облепихи дам кисель.

ПЬЕРО:

Ваш голос – звонкая свирель.

СИБИРЯЧКА:

Поставлю вам графинчик водки.

АРЛЕКИН:

Что перед вами все красотики!

СИБИРЯЧКА:

Я приготовлю вам пельмени.

АРЛЕКИН:

Позвольте встать мне на колени
Поцеловать ваши пимы.

(В сторону).

Отныне будем сыты мы!

СИБИРЯЧКА:

Есть мед с высокого Алтая.

ПЬЕРО:

Вы сон, вы греза золотая!

СИБИРЯЧКА:

Орешков я кедровых дам...

АРЛЕКИН:

В ваш дом мы вступим словно в храм!

СИБИРЯЧКА:

Есть фрукты: клюква и картошка...

ПЬЕРО:

Какая крошечная ножка
Запраталась в высокий пим!

АРЛЕКИН:

Рабами верными повсюду
За вами следовать хотим.

(В сторону.)

Особенно к пельменей блюду!

СИБИРЯЧКА:

Ну, что же, заходите к нам
На мягкие за всяко просто.
Ах! Поелосьте, мои гости,
Я вас худущих откормлю.

АРЛЕКИН:

Я вас люблю.

ПЬЕРО:

Я вас люблю!

СИБИРЯЧКА:

За водкой блюдо пельменей,
Потом соснуть часок-другой.
Поверьте, счастье под рукой;
Пимы, кровать и пельмени.
[К чему безумно ловят тени]
И к солнцу тянутся рукой.
Ах, только в блюде пельменей
Венец желаньям и покой!

АРЛЕКИН:

Ах, только в блюде пельменей
Венец желаньям и покой.

ПЬЕРО:

Ах, только в блюде пельменей
Венец желаньям и покой.

Уходят обнявшись втроем.

Действие IV.

Сибирячка появляется одна.

СИБИРЯЧКА:

Ох. Ох... и времячко настало –
Сибири хлеба не достало!
Хватило б нам своей пшеницы,
Когда б не гости из столицы,
Как злая стая, налетели,
И все амбары опустели!
У Сибирячки домовитой
Немало всякого добра.
Пожалуй, с год я буду сытой,
Не продавая серебра.
Но этих принимать не стану –
Весьма чувствительно карману.
Довольно я их покормила.
Глотают, точно крокодилы!..
Отъевшись на моих хлебах,

Витают в призрачных мечтах.
И бредят явно, бредят тайно
Своей Москвой необычайной.
Им сердце точит злой недуг
Душа болит, как от занозы
Зачем здесь Север, а не Юг,
Зачем ковыль, а не мимозы?
Бранят Сибирь, бранят морозы.
Зачем приехали сюда?
«Здесь дни длиннее, чем года,
Здесь позабудешь запах розы!»
Бездельник Петр весь день лежит,
Под теплой шубою дрожит.
Былые вспоминает сказки.
А долговязый в черной маске,
Чтоб боль разлуки заглушить,
И днем и ночью может пить!
Паршивец этакий негодный:
«О, Коломбина, свет очей!»
Не то он пел, когда голодный
Искал в Сибири калачей.
Любезно Сибирячка разве
Вас приглашала за Урал?
Подите к черту! В бок те язвы,
Напрасно миленький бежал!
А я одна скучать не буду,
Легко молодчиков забуду.

Появляется Арлекин, Сибирячка отворачивается.

АРЛЕКИН:

Мне надо с вами объясниться,
Что значит строгий ваш приказ?

СИБИРЯЧКА:

А то, что надо попоститься
И отдохнуть вам от проказ.

АРЛЕКИН:

Но вы меня обедать звали?

СИБИРЯЧКА:

Для вас на стол не накрывали.
Прощайте, милый Арлекин.

Уходит.

АРЛЕКИН:

Ну, вот остался я один.
Негодница все рассчитала
И двух кормить не пожелала,
Решила сократить расход
И лишний упразднила рот!
О как несправедливо небо:
Пьеро, счастличик, будет сыт,
А я, увы, без корки хлеба.
Хозяйской милостью забыт!

Появляется Пьеро.

АРЛЕКИН:

А вот и он, поэт прекрасный,
Для сердца женского опасный
Посмотрим, чья еще возьмет.
Я прав своих не уступаю
И первый штагу обнажаю.
Пусть только ближе подойдет.

ПЬЕРО (*сам с собой*):

Увы, от дома отказали,
Просила больше не ходить.
Припасов будто не достало
И нечем друга прокормить.
А попросту двоих вам много,
И чтоб расходы сократить,
Меня послали от порога.
Отставку получил один,
И выбран вами Арлекин!

Замечает Арлекина.

Сидит и ждет,
Играет шпагой,
Знакомы оба мы с отвагой
И на смерть будем биться мы
За право... целовать пимы!
Ха, ха, ха, ха!..

АРЛЕКИН:

Вам, кажется, смешно.

ПЬЕРО:

Вам слез увидеть не придется!

АРЛЕКИН:

Нащупать сердце не грешно
Тому, кто в час такой смеется.

ПЬЕРО:

Для шпаги равен каждый час!
Пусть утро розовее лала,
Пусть до рассвета время мало –
Для шпаги равен каждый час!
Закат ли на небе погас
И время сумерек настало,
Иль ночи черно покрывало.
Для шпаги равен каждый час!

АРЛЕКИН:

Я вас ловлю, мой друг, на слове:
Для шпаги равен каждый час!

Поднимает шпагу.

ПЬЕРО (*поднимая шпагу*):

Моя, поверьте, наготове.

АРЛЕКИН:

Пощады нет на этот раз.

Бьются.

ПЬЕРО:

Пускай умрет один из нас.

АРЛЕКИН:

Дорога стала слишком тесной,
Слетит один с горы отвесной.

ПЬЕРО:

Ваш плащ краснее или кровь?
Невеста-смерть. А кто свекровь?

АРЛЕКИН:

На славу шутит наш поэт,
Но не пришлось бы дать ответ
Холодной шпаге Арлекина!

ПЬЕРО:

Не холодней она, чем льдина,
А льдину обнимал Пьеро,
Оставив шпагу и перо!

АРЛЕКИН:

Молитвы лучше перечтите.
Поверьте: это смертный час!

ПЬЕРО:

Да, сердце дерзкое смиреннее.
Столкнулись мы в последний раз!
Ах!..

АРЛЕКИН:

Ах!

Оба падают.

АРЛЕКИН:

Пришел мой путь к концу,
Я вижу смерть лицом к лицу.

ПЬЕРО:

Все тише сердце – балерина
Танцует в раненой груди.
О, Коломбина, Коломбина,
На зов раскаяния приди!

АРЛЕКИН:

Безумцы предпочли мимозам
Пельмени, шаньги и пимы,
Но за измену милым грезам
Жестоко заплатились мы!..

ПЬЕРО:

Возможно ль было покидать
Все то, чем души наши жили?
Все то, что с детства мы любили
Возможно ль было покидать?

АРЛЕКИН:

Как запятнала нашу честь
Такая низкая измена!

ПЬЕРО:

Ах, перед смертью перечесть
Хотел бы я стихи Верлена.

АРЛЕКИН:

Чем искупить пред вами грех,
О, Коломбина, Коломбина!
Мы предпочли косматый мех
Устам прекраснее рубина.

ПЬЕРО:

Какая злая паутина
Заволокла мои глаза –
Быть может, поздняя слеза?
Уж не танцует балерина
В моей измученной груди.
О, Коломбина, Коломбина,
На зов раскаяния приди!..

АРЛЕКИН:

О, Коломбина, Коломбина,
На зов раскаяния приди!..

Конец

*Публ. по: Подгоричани Н.М., гр. Четки из ладана:
стихи / сост., подг. текста и прим.: А.Р. Кентлер,
В.В. Нехотин. М.: Мосты культуры, 2015*

Василий П-ЧНЫЙ

Санитарный поезд

Вагон за вагоном, звеня буферами,
 Мелькает все реже в глазах.
 На станции много народу, как в храме,
 На лицах смущенье и страх.
 У всех в ожиданьи сжимается сердце:
 Быть может, там сын или брат?..
 И к серым вагонам с крестами на дверцах
 Родные, волнуясь спешат..
 Вдруг матери вопль я услышал: «Гришутка!
 Мой мальчик, родной мой, ты жив!»
 И голос с носилок раздался так жутко:
 «Без ног я... О, мать, не тужи!»..
 И вздрогнул, казалось мне, вечер весенний;
 Как будто сжал сердце мне спрут.
 И крикнуть хотелось толпе: «На колени!
 Героев Отчизны несут!..»

*1919-ый год: Стихотворения.
 Омск: издание газеты «Русская армия», 1919*

Весной

Не правда ли, весной проще
 В чужие заглянуть глаза?
 Где отразились солнце, рощи,
 Вы сами, неба бирюза?

Как будто к зеркалу колодца
 Склонились Вы через плетень:
 Смеетесь Вы, и Лик смеется,
 И ясно на душе весь день...

Но если в них цветок печали
 Успел свой венчик развернуть,
 И грусть немая Вас ужалит,
 И вздох Вам приподнимет грудь,

Все ж радость солнца, зелень рощи
 К веселью вас вернут назад.
 Не правда ли, весной проще
 В чужие заглянуть глаза?

Отечество. 1919, № 7-8

* * *

В самом себе – подземный крот –
 Без устали я рою ходы,
 В самом себе ищу свободы,
 И мысль моя скребет, скребет..

И все просторнее мой склеп,
 Мои усилья все могучей,
 И поднялися к солнцу кучи,
 Мной взрытые.. А я – все слеп.

*1917 г.
 Отечество. 1919, № 7-8*

В сумерках

Вечер знак подал в окно мне
 Угасающим перстом.
 Улыбнулось в зале темном
 Зеркало широким ртом.
 За прадедовской кушеткой
 Трель налаживал сверчок.
 Из угла с клюкою ветхой
 Вышел сумрак – старичок.
 Еле слышными шажками
 Обошел он старый зал,
 Словно сторож в древнем храме
 После всенощной, сказал
 Что-то маятнику, долго
 Двигал с места гардероб
 Толстый том раскрыл на полке,
 Ножки у стола поскреб,
 Повозился у портьеры,
 И, расправив половики,
 Он легонько скрипнул дверью...
 Вышел ночь встречать старик.

г. Витебскъ, 1917 г.

Отечество. 1919, № 7–8

Вера РАКИНА

За Русь!

Вы, что есть чистого, честного, ясного,
 Есть благородного, сердцем прекрасного,
 Скрывшие муку свою,
 Вы, чья душа от тоски надрывается,
 Мысль с обнаглевшими смело сражается,
 Вам мои вопли кую...
 Бремя настало! Воскреснут убитые,
 Властно пойдут на пути позабытые
 Жуткой могильной стопой,
 Если живые трусливо скрываются,
 Жалко пред подлой толпой извиваются,
 Гнев свой разводят слезой...
 Всех вас зову за Россию распятую,
 Честь и свободу, в расцвете примятую,
 В грозный решающий бой!
 Прочь всех, с России покровы срывающих,
 Прочь прокаженных, душой прогнивающих,
 Прочь от могилы родной!
 Рано плевать в лицо не остывшее...
 Вороны, совесть в крови утопившие,
 Жадной, зловонной толпой
 Мечутся там – по России придавленной...
 О, кто ж придет, как Георгий прославленный,
 Духом отважный, живой,
 Смело взмахнет и всю свору поганую
 Выбросит прочь: от предательства пьяная,
 Вейся, проклятая трусь...
 Родина милая! Дети-предатели
 Продали честь, тело, жизнь своей матери...
 Кто жив? На битву! За Русь!

Наша Заря. 1919, 30 января

Жизнь идет

Жизнь идет! В ароматном дыханье весны,
 В перезвоне порхающих птиц,
 Жизнь идет в первом всплеске свободной волны,
 В блеске алых весенних зарниц.
 Жизнь идет, и природа закон свой вершит,
 Неподвластный безумству людей,
 Кровь и слезы, и смерть, и убийство царит,
 Но царит над людьми – не над ней.
 Для нее жизнь идет, и расцвет, и любовь.
 Чаровница-весна уберет
 Землю в пышный наряд, и алмазами вновь
 Солнце тихие воды зальет.
 И лучом огненным груди бархатной гладь
 Зацелует, к земле приникая,
 В каждой жилке цветка будет жизнь трепетать,
 Всепобедная жизнь молодая
 В пышных гроздьях сирени, ажуре ветвей,
 Ивняка над уснувшей рекой.
 Зарыдает призыв чародей-соловей,
 Зазвенит торжеством и тоской
 Только бурный поток будет мрачен и тих,
 Будут жалобно струйки стонать
 И алмазы прозрачные капель своих
 С человеческой кровью мешать.
 Много страшных могил, неизвестных могил
 По России война намела;
 В каждой несколько тел, каждый сердцу был мил,
 С каждым чья-то душа замерла
 И на жутких могилах в предутренней мгле
 Белый ландыш, рожденный мечтать,
 Приклонившись головкой к ожившей земле,
 Будет тихую сказку шептать.
 Лепетать о любви и о злобе земной
 И звенеть в полуночной тиши.
 Как желанен, как тих их могильный покой
 Для измученной жизнью души.

Наша Заря. 1919, 4 апреля

Воскреси!

Воскреси здесь, где сердце – Твой престол!
 Где светлый храм Твой – уберут цветами,
 Где перед скорбной плащаницей пол
 Зальют в страдании жаркими слезами!

Воскреси там – на поле битвы,
 Где ради Родины Твой сын –
 Убийцей стал... Его молитвы
 Ты озари! Пусть ни один, спасающих Россию,

Не будет темен в дивный день,
 Когда божественный Мессия
 В мир бросит радужную тень!

Но, там где образ Твой поруган,
 Где кровью залит Твой алтарь. –
 Не воскресай! Тобой испуган,
 Тебя распнет палач, как встарь.

*К.А. Балтгайлис. Эпизод военных будней. 1918.
 Бумага, акварель. Омский музей изобразительных
 искусств им. М.А. Врубеля*

России

Белых ландышей нежность срываю.
Георгинов пурпурность скрываю
В тайне темных фиалок
И пышности роз.
Пламя маков в нарциссы бросаю...
Повилики струями спасаю
Бледность лилий – русалок...
Стыдливость мимоз
Обручив с темным хмелем, срезаю
Стройность гордых тюльпанов, вонзаю
В них махровый шиповник – терновый цветок.
Незабудок лазурность вливаю
В зелень мирт. Для России свиваю
Я, случайный садовник,
Пасхальный венок.

Наша Заря. 1919, 24 апреля

*Неизвестный художник. Обложка
журнала «Единая Россия» (1919, № 5)*

РОЛАНД

Весенние рифмы

Звонят весенние капли,
Но не поет моя душа:
Расходы сводишь еле-еле
И в результате ни гроша.
Обед в столовой семь целковых,
Его сытность знают все;
Я в жутких денежных оковах
Верчусь, как белка в колесе...

* * *

Квартиры нет... Великий пост...
Квартиры нет. Да что же это?
Придется, лишь настанет лето,
Пойти на жительство... под мост.
Мысль удивительно проста:
Что значит ценный ум житейский!
Да только... Вдруг из под моста
Прогонит бравый полицейский.
И вновь скорбит моя душа.
И без жилья хожу как тень я.
Уйду, ей-богу, с огорченья
На дно красавца Иртыша.

Наша Заря. 1919, 21 марта

Леонид РУТКОВСКИЙ

Заблестела заря

Возможно, Леонид Васильевич Рутковский (1858–1920) – писатель, ученый-логик. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1880), защитил магистерскую диссертацию по философии в Казанском университете (1889). В 1893–1899 преподавал на кафедре философии Санкт-Петербургского университета. В 1899 был назначен на должность управляющего Контрольной палатой в Курске, далее на ту же должность в Одессе. В числе трудов: «Элементарный учебник логики» (СПб, 1884), «Основные типы умозаключений» (СПб, 1888).

Рутковский Леонид Васильевич. Биографическая энциклопедия. URL: <http://www.biografija.ru/biography> (дата обращения: 20.10.12).

Заблестела заря, горизонт прояснился,
Облегчился немного мучительный гнет...
Дух устал от тревог, ум от дум истомился,
Но теперь, встрепенувшись, все опять оживет...

Мы теперь не одни – мы надеждою полны,
Что над Русью простерта Спасителя длань...
Недалеки уж Волги знакомые волны,
И Самара, Симбирск и Казань...

А за ними Москва... за Москвой – вся Россия,
Бесконечная слава сменит терны венца...
Пронесется гроза, и утихнет стихия...
Приближается час страшной бури конца...

И торжественный звон этой радостной Пасхи
Над Россией пронесся, как победа звуча,
Солнце дивной весны раздаряет нам ласки...
На душе хорошо – заблестела заря.

1919-ый год: Стихотворения.

Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919

* * *

Весенний день так горяч и золот,
Так много солнца струит простор,
Что всякий снова душою молод,
Что всякий нищий сейчас Астор.
Как в каждой капле ничтожной лужи,
Так в наших душах играет блик,
И в каждом блике – игра жемчужин,
И в каждом блике – Гиганта лик...
Мы дети Солнца, мы дети света,
Забуть не можем рожденья чар,
И вечно души тобой согреты,
О, Бог великий, Бог – Светозар...
Смеется Солнце, целуя землю,
Смеется небо его лучу, –
И смеху Солнца и неба внемля,
Смеются души, тая мечту...

1919-ый год. Стихотворения.

Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919

Красному демону

(Ленину)

Красный демон, умираешь?
Не осилить – изнемог?
О победе не мечтаешь,
Посмотри – идет Восток!
Слишком долго мы страдали,
Слишком страшен был кошмар,
Чтоб не знать, о чем не знали,
Не понять постыдных чар.
И бессильны злые чары,
Остановлен их поток,
И освистаны фигляры,

И развенчан их царек.
 Ненавистный, наглый, грешный,
 Ты желаньем адским полон.
 Океан людей безбрежный
 Возмутил – так бойся, волк!
 Ты зажег пожары страсти,
 Чтоб разбить души покой, –
 Он горит – над ним нет власти,
 Не залить его водой!
 Сеешь ветер – буря будет,
 Сеешь зло – пожнешь и месть...
 Гнев народа не забудет
 Вам, презренным, зла учеть!
 Гром гремит, страшны раскаты,
 Молний блеск среди темных туч...
 Гнев народа – тем расплата,
 Кто забыл – как он могуч.
 Красный демон, – слышишь – стоны
 В песнь победы перешли,
 Слышишь храмов перезвоны
 Воскресающей земли?
 Старый кремль Руси могучей
 Пусть хранит пока тебя –
 В темном небе ходят тучи,
 В недрах молнии тая.
 Ни московские палаты,
 Ни дворцы былых царей
 Не спасут от мук расплаты
 Вас, маэстро-палачей!
 Нет надежды на спасенье,
 Ни луча нет впереди...
 И в грядущем нет прощенья,
 Как в минувшем нет любви...
 Видишь призраки казненных,
 Толпы гневные людей?
 Чуешь голос истомленный
 В час бессонницы ночей?
 В каждом голосе проклятье,
 Рокот темных сил вражды,
 О, даривший всем распятыя,
 Ты у них ответа жди.

Приговора жди, преступник,
 Что ответит этот гул?

Не поможет твой заступник,
 Сам великий Вельзевул!
 Как и он, со светом бился,
 Как и он, любил ты кровь...
 Из нее ты появился,
 И в нее вернешься вновь!
 Может быть, владыка красный,
 Бегством хочешь жизнь спасти?
 Но куда же, – все напрасно,
 Всюду могут ведь найти!
 Тьмы веков грядущих тенью,
 Заслужил проклятья, стон...
 Не прошепчут слов прощенья
 Ни земля, ни небосклон.
 На стальных штыках победы,
 На сверкающих мечях
 Русь идет, мечтой согрета,
 Сбросить цепи – рабства страх.
 Все твои «орды», кровавый,
 Ей не смерть и не печаль, –
 Воскресенья чудной славой
 Уж блещит родная даль.
 Наш народ Руси могучий
 Лишь победой кончит бой...
 Грянет гром великой тучи, –
 Суд свершит он над тобой!

Русская армия. 1919, 19 июня

Бойцы колчаковской армии на отдыхе. 1919

Григорий РЯЖСКИЙ

Из «Гимнов Марии» *Ave Maria*

Ряжский Григорий Александрович – литератор. С марта 1919 по январь 1920 занимал должность члена Совета Министра юстиции Российского правительства. Участвовал в редактировании издаваемого в Омске военно-общественного, литературно-художественного альманаха «Отечество» и публиковал в нем свои стихи. Омский знакомый поэтессы Нины Подгоричани. Автор брошюры «Кончина и погребение стародубского князя Феодора Ивановича Благоверного» (Владимир, 1908), в 1943 упоминался как «сценарист-редактор».

РГАЛИ. Ф. 2469 Оп. 3. Ед. хр. 394. Составители благодарят В.В. Нехотина за предоставленную информацию.

Стройные звуки плывут и рыдают...
Очи поднимем, преклоним колена.
Бедное сердце с тоской повторяет:
«Ave Maria, gratia plena!»

Радость небес и земли упованья,
Душу спаси от житейского плена,
Слезы утри и избавь от страданья –
«Ave Maria, gratia plena!»

В дыме кадильном Твой образ сияет.
С ним нам не страшны вражда иль измена.
Сердце томится, трепещет, взывает:
«Ave Maria, gratia plena!»

Отечество. 1919, № 7–8

Mater Dolorosa

Сердце Марии, мечами пронзенное,
Руки, в смертельном томлении сжатые,
Пламенем муки лицо опаленное,
Очи, безмолвно на небо поднятые.

Робкие взоры, спасенья молящие,
Душ истомленных страдания крестные,
Все ты приемлешь, о, Матерь скорбящая,
Все Ты возносишь в селенья небесные.

Горе и радость – здесь все скоротечное,
Все поглощает пучина забвения...
Миру сияешь звездой извечною
Ты лишь, Мария, источник спасения.

Отечество. 1919, № 7–8

Омск. Башни Любинского проспекта

И.Н. СКРЫПЧЕНКО

Вперед! За Родину! Вперед!

Аккорд молитвенно рыдает,
Призыву Родины внемля:
«Тяжелый крест переживает
Святая русская земля!»

Но не впервые лихолетье
Проходит тучею над ней;
Немало в прошлые столетья
Таких же пережито дней.

Чего не вынесла Россия,
Бывало, на своих плечах?
Пережила она Батюга;
Витала смерть в ее очах;

Перенесла годину смуты,
Пережила пожар Москвы,
Но никогда, ни на минуту
Не преклоняла головы.

Как сталь каленая, могуча,
Удары страшные снесла,
И не страшна была ей туча
Подкопов, зависти и зла.

Переживет она и ныне
Безумья острого струю;
Возобновит свои святыни
И славу прежнюю свою.

Вперед же, верные славяне!
Разите подлого врага!
Ужель, «свободные граждане»,
Россия вам не дорога?

Стыдитесь думать, малoverы,
Что непосилен черный год.
Побольше бодрости и веры!
Вперед! За Родину! Вперед!

Покровом Божиим хранима,
Его, Создателя, моля,
Восстанет, снова нерушима,
Святая Русская Земля!

1919-ый год. Стихотворения.

Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919

Розы

Прекрасные розы росли в уголке
Тенистого пышного сада,
И пчелки слетались сюда налегке
Искать медовую усладу.

И запахом роз ароматной волны
Дышала родная природа,
И были доверху все ульи полны
Душистого сладкого меду.

Но поступью дикой звериной ноги
Истоптаны нежные розы:
Не могут ведь зверю быть так дороги
Культура, страданье и слезы.

И меду не стало теперь у людей,
Не слышно и запаха розы;
И ширится только сильнее и сильнее
Тяжелая одурь навоза!

Где бурей прошел большевистский разбой
Тяжелую, злобной, звериной стопой, –
Там нет уже песен в народе
О равенстве, братстве, свободе.

1919-ый год. Стихотворения.

Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919

Возмездие

Архангел Божий Гавриил,
Мечом пылающим сверкая,
Ведет полки российских сил,
Врагов Отчизны низвергая.

И *тот*, кто Бога оскорбил
Безумья дерзкою мечтою
И нашу Родину залил
Народной кровию святою,

Тревожной думой удручен:
«Откуда ждать ему опору?»
И близкой карою смущен,
Подобно пойманному вору.

«Рабочий люд?!»... Но ведь его ж
Обрек он голоду, страданьям,
Отдав на гибель и грабеж
Заводы, фабрики и зданья!

«Крестьянский люд?!» Но у него
Не замолить ему прощенья,
Ограбив хлеб святой его
И разорив его селенья!

«Служилый класс родной земли?!»
Но ведь и умственную силу
Топтал он в грязи и в пыли
И гнал в холодную могилу!

«Военный строй партийных сил?»
Но, уничтожив дисциплину,
Его же сам он развратил
И обратил его в руину!

Кругом отрезаны пути,
Померкли красные созвездья...
О, Ленин, Ленин! Не уйти
Тебе от должного возмездья.

Тебя не примет и земля,
Невинной кровию болея;
Одно осталось: петля
Искариотского злодея!

1919-ый год. Стихотворения.

Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919

«Ъ» или «Е»

Слово «хлѣб» пишу всегда я
Через букву «ять».
Не умея и не зная
Иначе писать.

Сын мой пишет это слово
Через букву «е»,
И разлад идет суровый
В школе и семье.

Внук же милостию Неба
Примириет народ
И напишет вместо хлеба
По-немецки «Brot».

Русская армия. 1919, 16 июля

Молитва

Вера глубокая, вера наивная,
 В скорби душевной защитница дивная,
 Превенная вера моя,
 Где ты, сердечная, где ты, желанная,
 Светлая, чистая, Господом данная,
 Вера святая сия...
 Долгие годы труда, озлобления
 Душу наполнили ядом сомнения,
 Детскую веру изгнав;
 Сердцу усталому, сердцу разбитому,
 Сердцу, бесплодной борьбою изжитому,
 Помощи прежней не дав.

Господи Боже, пошли же прощение
 Мне, недостойному благословения,
 И, как в забытые дни,
 Силою правды твоей бесконечною
 Превенную дай мне молитву сердечную,
 Превенную веру верни...

В душу тревожную, душу мятежную,
 В душу больную, усталую, грешную
 Да ниспошли благодать;
 Превенную веру – наивную, чистую,
 Превенные слезы мои серебряные,
 Господи, дай мне опять...

1919-ый год. Стихотворения.

Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919

Сыну добровольцу

Правда, жаль, что скамью
 Ты оставишь свою,
 Институт не окончив пока.
 Но порыв твой высок,
 Дорогой мой сынок,
 И растрогал меня старика.
 Если б силы вернуть
 Мог бы я как-нибудь,
 То с тобою бы рядом пошел,
 Как товарищ и брат,
 Хотя и смерть бы в бою я нашел.
 Послужи, мой родной,
 Ты отчизне святой,
 Как служили и мы, старики.
 Что с небес суждено,
 То свершиться должно, –
 Философствовать тут не с руки.
 И на бой впереди
 Ты без страха иди,
 Колебаний в душе не тая:
 «Кто за друга в бою
 Отдал душу свою –
 Несть бо более любви сия».

1919-ый год. Стихотворения.

Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919

Повеяло теплом

Повеяло теплом, роднее стало солнце,
Весенняя глазурь глядит из облаков,
Оттаяло мое замерзшее оконце,
Вода струится из-под ледяных оков.

Как хочется опять вздохнуть теплом и светом,
Измучена душа жестокою зимой;
И в сердце ожило, надеждою согретом,
Желание «домой», опять к себе домой!

Но там все холода суровые, иные:
Изранены сердца насилием врагов.
Разрушены дома, поруганы святые,
Родные алтари низвергнутых богов.

Затихнут холода и там, в желанной дали,
Святая правда вновь переродит сердца,
Рассеются, как дым, народные печали,
И раны заживут тернового венца.

Смири же ты, весна, озлобленные битвы!
Уж слышу я вдали аккорд родной молитвы.
Желанная весна, приди, скорей приди!

1919-ый год. Стихотворения.

Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919

Игорь СЛАВНИН

Раскаленные камни

I

Холодным трепетом измены
Прильнет к устам бескровной мглы,
Мне надоели злые стены
И запыленные углы.

Славнин Игорь Кронидович (1898–1925) – поэт. Родился в семье учителя, раннее детство прошло в Екатеринбурге. В 1908 семья переехала в Омск, где Славнин окончил гимназию и затем поступил в Пермской университет (Пермское отделение Императорского Петроградского университета (октябрь 1916 – май 1917)), который из-за событий Гражданской войны был переведен в Томск. После недолгого пребывания в Томске возвращается в Омск, пишет стихи и статьи для «Известий Западно-Сибирского и Омского Советов». Существующая версия, что в 1919 году он «был связан с большевистским подпольем», не находит документального подтверж-

дения. Человек сложной судьбы и противоречивой биографии, он живет то в Чите (сближается с футуристами из группы «Творчество»), то в Иркутске (участвует в литобъединении «Барка поэтов»), эпатируя публику своими экстравагантными выходками. Осень и зиму 1921 прожил в Чите, где сблизился с футуристами из группы «Творчество» (Н. Асеев и др.). Много печатался в сибирской и дальневосточной периодике. В 1923 отправился сначала в Ленинград, потом в Москву, где активно включился в литературную жизнь столицы. Публиковался в журналах «Октябрь», «Красная новь», «Прожектор», «Красная нива». Летом 1925, находясь на отдыхе в селе Виловатое Бузулукского уезда Самарской губернии, утонул во время купания. Первая подборка стихов

Славнина с комментариями В. Трушкина появилась в 1 томе «Литературного наследства Сибири» (Новосибирск, 1969). Книга стихов «Перекличка» увидела свет в Иркутске в 1970. Мартынов Л.Н. *Игорь Славнин // Сибирь. 1925. № 7–8. С. 31; Скуратов М. Мой наставник – поэт Игорь Славнин // Сибирь. 1976. № 3; Поварцов С.Н. Омская стрелка: статьи, очерки, заметки. Омск, 2003. С. 48–62; Энциклопедия-хрестоматия Иркутской области и Байкала. URL: http://irkipedia.ru/content/slavnin_igor_kronidovich (дата обращения: 20.03.2014); 110 лет со дня рождения поэта Игоря Кронидовича Славнина. Литературный календарь // Сибирские огни. 2008, № 9. URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2008/9> (дата обращения: 20.03.2014).*

В безлюдье одичалых комнат
Напевы прошлого шуршат;
О красках вечера не вспомнит
Оледеневшая душа.

II

Там на поляне багряный костер пылает,
Искры золотые поют.
Там на поляне уродливый гном сжигает
Солнечную душу мою.
Падают на землю тяжелые мертвые грозди,
Болотный туман встает, –
Медленно вбивают заржавленные острые гвозди
В радостное тело мое.

III

Звезды пылают ярче,
Журчит вдалеке ручей.
Я маленький тихий мальчик,
Божий и больше ничей.
И если мне кто-то скажет:
Наступает последний срок, –
Разверну серебристую пряжу
Из напевно-наивных строк.
Я какую-то тайну знаю,
О далеком чуде молю.
На поляне костер догорает,
Искры золотые поют.

IV

Я боюсь городских подвалов,
Заколдованных фабричных труб,
Сигнальных рожков вокзала,
Ярко подведенных губ.
Ночью на улицах пыльных
Играют золотые огни.
Я буду сонным, бессильным,
Скучным, как осенние дни.

На скамейку городского сада
Упаду раскаленной головой,
И прохожий шепнет: «Не надо,
Маленький мальчик мой».

V

Наклоняются буграми откосы,
Звезды светят золотистым хвостом.
Я возьму мой монашеский посох
И пойду за моим Христом.
Заплетается жуткая небыль,
Безглагольные туманы зовут.
Я увижу зеленеющее небо,
Поцелую голубую траву.

Сибиряк. 1919, 10 февраля

* * *

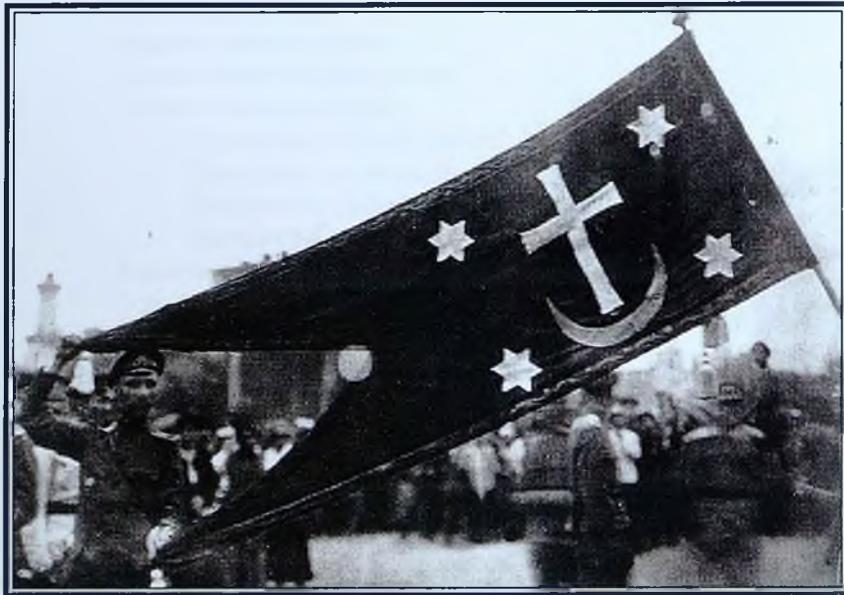
Еще смеется птица Сирин,
Еще звенит печаль моя –
Мы защитим поля Сибири
От взмахов острого копья.
На бой зову, как древле викинг:
Пусть кровью вскормлена трава –
Я слышу радость в буйном крике,
Мне снится звонкая Москва.
Поход наш смел, полет наш волен,
А в алмазном раю
Нам вторят песни колоколен
И Божьи ангелы поют.

Наша газета. 1919, 30 октября

*Рыцарям полумесяца**

Сраженному на поле брани
Дарит блаженство тайный рок,
Так говорит в святом Коране
Рожденный вечностью Пророк.
Для вас победы песнь пропета,
Для вас алеет торжество.
На бой с врагами Магомета
Во имя светлое его!
Пусть с вышины жемчужных лестниц
В сапфирно-ясной синеве
Тень золотого полумесяца
Цветет на Вашем рукаве!

Наша газета. 1919, 1 ноября

Стяг Дружин Святого Креста и Зеленого знамени Русской армии Верховного правителя адмирала А.В. Колчака. 1919

В добровольческие дружины Святого Креста, формирование которых в армии адмирала Колчака началось в августе 1919, входили и воины Полумесяца, проповедующие ислам.

России

Мать Россия! Тебе мои песни...

А. Белый

I

Раздольные песни лихие,
Приволье диких степей.
Зачем я родился в России?
Мне больно думать о ней...

Морозные ночи глухие,
Осенний тусклый туман.
Зачем я родился в России?
Мне страшно верить в обман...

Безумье жуткой стихии,
Большая, злая гроза.
Зачем я родился в России?
Мне стыдно поднять глаза.

II

Будем верить в радость чуда,
В святость жизни, в близкий свет,
Не погибнем, будем верить,
Позабудем жуткий бред.
– Хочешь воли? – Будет воля,
Воля к мысли, воля жить.
– Хочешь братства?
– Будешь равным,
Будешь верить и любить.
– Хочешь власти? Власть далеко.
Все безвластны, все цари.
Будем верить, верь России,
В ярком пламени гори!

Наша газета. 1919, 9 ноября

СОБ.

* * *

Пушкарь не спит и правит пушкой,
 Уже красна рассвета нить.
 И жаркой пуховой подушкой
 Тяжелый рев не заглушить.
 Не убежать во сне и в яви
 От сокрушительных забот,
 Когда навстречу красной лаве
 Трещит горячий пулемет.
 Не убежать от звонкой пушки,
 От звуков боя в час ночной
 Ни на экспрессе, ни в теплушке,
 Ни в санках с пестрою дугой.
 Нас судьбы общие сковали,
 Нас обрекает общий грех
 На пляску в общем карнавале
 Под медленный искристый снег.

Наша газета. 1919, 6 ноября

Юрий СОПОВ

Сочельник

Это было в Рождественский Сочельник,
 Когда не годят до звезды;
 За санями бежали нераздельно
 Две голубых борозды.
 Я в полушубке дубленом;
 Ременные вожжи в руках;
 Снег на улицах сонных
 Мне запустил рукав;
 Толпа запрудила площадь;
 Клубился морозный пар;
 Ржали усталые лошади,
 Гулко скрипел тротуар:
 Я ехал печальный и грустный,
 Как будто с больших похорон;
 Печалил меня златоустый
 Певучий, вечерний звон.
 Небо на закате багряном
 Начинало тихо темнеть,
 В дощатых больших балаганах
 Продавали мясо и медь.
 У окон больших магазинов
 Стихал предпраздничный гул;
 На ветках деревьев длинных
 Серебряный иней заснул.
 Маленькие домики – грудой;
 Бесконечный старый забор,
 На тихих улицах люди;
 На белой горке собор.

Сопов Юрий (Петр) Иванович (1897–1919) – поэт. Учился в Омском землемерном училище. В 1917–1919 опубликовал стихи в «Известиях» Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, в газетах «Сибирская речь», «Заря», «Русская армия», журналах «Единая Россия», «Сибирский рассвет». Автор поэмы «Артур Рембо». Погиб во время взрыва в караульном помещении резиденции Верховного правителя.

Юрий Сопов // Сибирская речь. 1919, 31 (18 августа); Мартынов Л.Н. Забытые поэты // Мартынов Л.Н. Дар будущему. Стихи и воспоминания / сост. Г.А. Сухова-Мартынова, Л.В. Сухова. М., 2008. С. 513–520; Вайнерман В. «Я – золотистый рыцарь, жизнь посвятивший мечте...» // Омская муза. 1997, сентябрь-октябрь, ноябрь-декабрь.

В затишье базаров – ельник
И скрип от санной езды –
Это было в Рождественский Сочельник,
Когда не годят до звезды.

Сибирская речь. 1919, 7 января

Призыв

Время гнева исполнилось
В девятьсот девятнадцатый год.
Вижу на небе молнии,
Зову в Крестовый поход.
Придите, рыцари нежности,
Противники злобы слепой
Божьим мечом на мятежников,
Божьим бичом над толпой.
Топчут светлые конники
Поволжских равнин траву,
Вас, в бессмертье влюбленные,
Зову в золотую Москву.
Время гнева исполнилось
В девятьсот девятнадцатый год.
Вижу на небе молнии,
Зову в Крестовый поход.

Единая Россия. 1919, № 4

Бывший дом купца Батюшкина (Береговая ул., 9), в котором находились кабинет и квартира Верховного правителя адмирала А.В. Колчака. Современный адрес: Иртышская набережная, 9. Фото 1920-х гг.

Шахматы

Гамбит коня и застенчивости;
Шахматы, любовь и тоска;
У маленькой, белокурой женщины
Пушистые волосы на висках.
Муза игры изменчива:
Волнуется мир фигур;
Хмурится белокурая женщина:
Брови, как темный шнур.
Счастье в любви переменчиво:
Сердце не верит словам;
«Маленькая, милая женщина,
Мат королю и вам».

Единая Россия. 1919, № 4

* * *

Почему в этом городе здания белые?
 Почему на них так много копоти?
 Мне страшно высказать эти мысли несмелые,
 Я боюсь показать, как я неопытен.
 Жалкие девочки продавали ландыши,
 Подснежники и другие цветы,
 Как на память о чем-то давно увянувшем
 Среди дней бесцельно пустых.
 Я купил букетик на пыльных улицах,
 Он долго грустил у меня на окне.
 Цветы от яркого света жмурились,
 О росных полях мечтали во сне.
 И так задумчиво умирали подснежники,
 Так покорно гасла мечта полей,
 Что зеленые листья казались мятежниками,
 Пережившими своих королей.
 Почему в этом городе здания белые?
 Почему на них так много копоти?
 Мне страшно высказать эти мысли несмелые,
 Я боюсь показать, как я неопытен.

Единая Россия. 1919, № 4

Бывший дом Русско-Азиатской компании на Втором Взвозе. Омск. Здесь в 1919 г. находилась редакция журнала «Единая Россия», где 31 августа прошел вечер воспоминаний, посвященный памяти Юрия Сопова. Современный адрес: ул. Гагарина, 34. Фото 1920-х гг.

ФОТИЕВ НИФ

Приказ Троцкого

Член военного совета
 Розенблюм Елизавета
 Сообщает в донесеньи:
 Рано утром в воскресенье
 Незначительный отряд,
 Тыщи в две, как говорят,
 Очень храбро, очень смело
 Совершил лихое дело.
 В исполнение приказа,
 Подтвержденного два раза,
 Об охране от напасти –
 На Руси советской власти,
 Люди бросились вперед
 Отбирать мужицкий скот!..
 Собрались они налетом
 При двух пушках с пулеметом
 И стремительно зело
 Налетели на село...
 Кони, овцы и коровы,
 Шерсть, овчина и основы,
 Яйца, деньги, куры, мыло
 И все прочее, что было
 Из чуланов, из комода –
 Все собрали – для народа...
 Расстреляли для примера
 Двух попов и инженера...
 Писарям для красоты
 Распоролы животы...
 Трех мальчишек и девчонку
 С камнем бросили в речонку.

Семерых же мужиков
 Без суда и лишних слов
 Удавили на березе,
 Где они почили в бозе.
 Дело кончили... Теперь
 Без урона и потерь
 Возвратились все герои,
 Будто греки из-под Трои...
 Верным слугам по заслугам
 Объявить я очень рад
 Ряд заслуженных наград!
 Командиру дела Янке
 Выдать новые портянки,
 Офицеру же Кондрашке,
 Комиссару Кацу Пашке,
 Конокраду Головяшке,
 Сашке, Карпу, Лешке, Севке
 По одной хорошей девке.
 Кроме этого всей части
 От всея советской власти
 Посылаю не что-либо:
 Наше Троцкое спасибо.
 По прочтении приказ
 Обнародовать тотчас
 Во всех ротах, эскадронах,
 И в окопах и в вагонах,
 Средь больных и средь здоровых,
 Во всех чайных и столовых,
 В синагогах и церквах,
 И в притонах, в кабаках.
 Военком Искаротский,
 Он же Лейба Бронштейн-Троцкий.

Наша газета. 1919, 24 сентября

А. ФРОЛОВ

Сонет

Мы в даль плывем рекою сонной
 Из тьмы на блеск речных огней;
 Пройдут суда – волны огромной
 Мы ждем, чтоб вновь подняться с ней.
 Встает луна над гладью сонной –
 Под лунным светом глубь темней,
 Но лунный свет в душе влюбленной,
 Хотя и в темной, все сильнее.
 Плывут иные вдоль теченья,
 Оставив весла, без стремленья,
 Стараясь в тьме реки уснуть.
 Туда, к огням из тьмы бесплодной!
 Чем спать, так лучше утонуть
 В пучине вечной и холодной.

Отечество. 1919, № 4

Борис ЧЕТВЕРИКОВ

* * *

Четвериков Борис Дмитриевич (1896–1981) – прозаик, поэт, публицист. В Уфе закончил гимназию. Первые литературные опыты в журнале «Мозаика». В 1917 поступил в Томский университет. В годы революции и Гражданской войны прервал обучение и переехал в Омск, где определился во фронтовую газету «Вперед» на должность корректора. Редактором газеты был В.Г. Янчевецкий, впоследствии автор исторических романов Василий Ян, а одним из сотрудников – Вс.В. Иванов, с которым завязалась дружба, прошедшая через десятилетия. В 1920–1922 работа с Вс.В. Ивановым в Школьном отделе Уотнаробразы в Татарске. Первые произведения под псевдонимами Антона Горелого и В. Изюмова. Получение первой премии на литературном конкурсе в Омске (1920). Переезд в

Я люблю смотреть на танец звезд.
И не эти, с горящими кошачьими глазами, радуют меня,
Не написанный золотой россыпью гекзаметр.
А те мириады погасших уже тысячелетия,
Которых не видно, но ощущаю
Их тесносплетенную сеть я,
Те, которые мчатся в бешеном танце,
Змеясь: погасшие звезды, родные брызги,
Подобные нашей земле.
Может быть, брызги оттого, что кто-то
Громадный наступил в Лужу Вселенной –
(В глубокой калоше или сапоге с голенищами) –
И разбрызгал грязь.

Петроград. В ноябре 1922 Четвериков переезжает в Петроград. Начинаются годы его активной творческой и общественно-литературной деятельности. В 1924 в издательстве «Прибой» выходит первая книга его рассказов «Сытая земля». Имя Четверикова появляется на страницах журнала «Зори», «Красная новь», «Звезда», «Прожектор» и др. Молодой писатель – один из создателей и активный участник творческого объединения «Содружество». В годы Великой Отечественной войны – поездки на фронт, выступления по радио, в госпиталях. В апреле 1945 был арестован. 11 лет провел в тюремных застенках, пересылках, лагерях.

В 1956 реабилитирован. Автор книг «Котовский. В 2-х томах. (М., 1961–1964); «Страна задумчивых берез». Стихи» (М., 1967); «Во славу жизни» (М., 1971); «Всего бывало на веку [Воспоминания]» / подгот. текста Н. Четвериковой. Л., 1991. *Автобиография // Писатели: автобиографии и портреты. М., 1926. С. 339–341; Поварцов С.Н. Омский Парнас // Третья столица. Изобразительное искусство. Литература / отв. ред. И.Г. Девятярова. Омск, 2011. С. 76; Б.В. Четвериков // Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы. URL: <http://www.sakharov-center.ru> (дата обращения: 7.03.2014).*

Я долго вглядывался, – нет, ни одна не дрогнет
Из белых, зеленых сентиментальных звезд.
Хоть бы земля вся мерзлыми трупами была завалена, –
На равнодушном лике луны
Не появится новых морщинных борозд.
Пуста и сиятельна,
Как голая ладонь стены,
Как голая гладкая проталина, –
Будет раскачиваться от края до края,
Как кадило жреца, исполняющего требу:
То вспыхивая, то умирая.
Видно, к далекому небу, туда, в звездопады,
От нашего сердца дорог нет!

Публ. по: Четвериков Б. *Стежки-дорожки* // Складчина. 2006. № 1 (3). С. 118–119.

Предисловие С.Н. Поварцова

Во мгле

Страшно ночью, жутко ночью
Без огня и крова.
Сетку ливня рвут на клочья
Когти ветра злого.
Ветер мчит лохмотья-тучи
И ломает ели...
Часовой стоит у кручи,
Кутаясь в шинели.
После битвы, перехода
Крепко спят солдаты,
Что им визги хоровода,
Хохот бесноватый?
Пусть на небе мгла сырая
Черным коленкором...
Пусть равнинами без края
Воют ветры хором.
Часовой не сводит взора
С непроглядной глуши.
Ливня выцветшая штора

Прячет лес мерлуший...
Не укрыть погоде хилой
Тень убийцы злого.
Прозвучит железной силой
Окрик часового:
«Гей! Опасность! Все к оружию!
В темноте измена!..»
Туча спину гнет верблюжью,
Ливня хлещет пена.
Грохнет выстрел. Всклипнет пуля.
Отзовутся дали...
Спину грязную сутуля,
Тучи убежали.

Единая Россия. 1919, № 2

*Атаман Оренбургского казачества, генерал-лейтенант А.И. Дутов
с киргизской охраной. Омск. 1919, апрель*

ЧЕТ НЕЧЕТОВ

Шарабан

Под видом красных
И большевизма
Хотел вернуться
Век монархизма.

Труды напрасны,
Нам нет возврата,
И комиссаров
Найдет расплата.

Реке не литься
Вверх по теченью,
Не быть субботе
По воскресенью.

В России больше
Не быть позора,
И Ленин с Троцким
Погибнут скоро.

Наша газета. 1919, 20 сентября

Всеволод ЧУВИЧ

* * *

Из милой дали воспоминаний
Из детства слышу я голос няни:
Спи, егоза! За Волгой спят,
И нам велят.

Тих городок наш захолустный.
Сквозь сон я слышу – протяжно, грустно
Ночные сторожа свистят
И спать велят.

Нет огоньков в дали Заволжья.
И над рекой лишь россыпь Божья.
Буксиры, чтоб не сплыть назад,
Чуть-чуть шумят.

Я здесь не свой! Я скучно-взрослый!
Не донесут в разлив мне весла
Широкий водный аромат!
Не заскрипят!

Ах, ночь чужая! И темь безбрежна!
Но слышу, издали так нежно
Уста сынишке говорят:
Спи, егоза! За Волгой спят,
И нам велят.

Отечество. 1919, № 2–3

Зыков Всеволод Михайлович (1892–1963) – литератор, художник. Псевдоним Чувич (по названию знаменитого острова на Волге близ Симбирска). В 1921 принял участие в литературном отделе журнала революционной сатиры и юмора «Гильотина» (Симбирск). В Омске во второй половине 1919 входил в круг художника Л.А. Бруни и его жены Н.К. Бруни (урожд. Бальмонт). Н.К. Бруни вспоминает:

«Общались мы там [в Омске] с [Н.Я.] Шестаковым, семьей Болдыревых, Литой Баратынской (правнучкой поэта и сестрой Дмитрия Баратынского, с которым мы подружались в Москве в 20-е годы), Валерием Язвицким, Натальей Александровной Кастальской, Всеволодом Н. Ивановым, художниками Чеботаревым и Мощевитиным, Зыковым (рыжий Зыков), Николаем Михайловичем Тарабукиным». В числе добрых знакомых своего окружения Н.К. Бруни вспоминала также литераторов В.И. Мозалевского и А.И. Венедиктова, искусствоведов Б.П. Денике и А.Г. Габричевского. Сарабьянов А.Д. *Жизнеописание художника Льва Бруни. М., 2009; Поварцов С.Н. Дочь Бальмонта // Сибирские огни. 2012, № 4; Советская сатирическая печать. 1917–1963. Стыкалин С., И. Кременская. М., 1963. URL: <http://www.libros.at/book/read/id> (дата обращения: 18.06.2013).*

* * *

Далеко, далеко, когда еще оба
Мы были в гимназии,
По ночам мы бродили нежною парочкой
По немым переулкам, одни,
Изучая укромные лавочки.
Ты хотела актрисою быть. Я – поэтом каких-то фантазий.
И теперь вот случайно, на шумном вокзале,
Снова встретились мы, пережив много лет.
Удивленье? Расспросы и вздохи? О нет!
У меня попросила ты «ради знакомства» и сына,
Дрожавшего в порванной шали,
На полу, на заплеванном, в гулком вокзале
Денег, чуточку денег, не хвативших на полный билет!

Отечество. 1919, № 7–8

Железнодорожный вокзал. Омск. 1919

Николай ШЕСТАКОВ

Гражданская война

Кто покажет солнце незрячим?
Кто сотрет с них извечный грех?
Ведь по этим веселым дачам
Так недавно гулял смех...

А теперь все ступени шатки,
В цветниках притаилась мгла.
На старой крокетной площадке
Мортира гнездо свила.

Словно жаба к земле прилипла,
Протяжен тоскливый зов.
На заре она кашляет хрипло
И учит летать птенцов.

И над черной земною грудью
В гневных криках железных птиц
Слышен яростный гимн безлюдью,
Полыханью алых зарниц.

Наша заря. 1919, 30 августа

Шестаков Николай Яковлевич (1894–1974) – писатель-драматург, поэт. Один из первых создателей репертуара для детского театра страны. В 1919 в Омске в качестве беженца из Казани; участник литературно-художественного кружка. Его жена, Надежда Владимировна, урожденная Глен, – преподаватель, переводчик с английского языка; близкая подруга А.В. Тимиревой, возлюбленной А.В. Колчака. В 1928 Московский театр для детей поставил на сцене его пьесу «Алтайские Робинзоны». Ежегодно в театрах страны шли 2–3 премьеры по произведениям Шестакова. 17 пьес были поставлены на сценах Московского детского театра. Спектакли «Крекинг», «Брат», «Мик» принесли ему известность.

«...Окончил Казанский университет, превосходно знал латынь и греческий, был славист, усердно изучал историю, главным образом русскую, давал частные уроки, затем, окончив университет, уехал в Сибирь, на Урал, в Среднюю Азию, в 1921 году переехал в Москву и окончательно здесь остался. В 1926 году в издательстве «ЗиФ» выпустил книжечку рассказов и стихотворных фельетонов, а потом путь его привел к театру, который он обожал всю жизнь и которому посвятил более пятидесяти лет. Большой успех имела пьеса «Аул Гидже», поставленная в 1929 году театром для детей под руководством Наталии Сац <...> А следом за «Аулом Гидже» – пьесы «Путь далекий», «Дом с привидениями», «Крекинг», «Брат». (И. Шток. Николай Шестаков, драматург театра для детей // Николай Шестаков. Пьесы для детей. М., 1979).

Театральная энциклопедия. / гл. ред. П.А. Марков. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, Кетчер – Нежданова, 1964. 1086 стлб. с илл., 7 л. илл.

Владимир ЮНУСОВ

Перед боем

За родину, мой брат... Пусть ночь царит кругом,
Пусть не видать во тьме безвестную дорогу.
Мужайся, ободрись, убей в душе тревогу,
Готов будь каждый миг здесь встретиться с врагом.

Он сам так захотел, чтоб грянул бой в ночи.
Оправь оружие и скакуна лихого,
Оправь седло свое до утра золотого
И, бодрствуя всю ночь, во тьме ее молчи.

Не все потеряно, коль выбьют из седла –
С оружием твоим с земли подняться можешь
И натиском врага неожиданным ты уложишь.
Тебя в твой грозный час укроет ночи мгла.

Но только ночь пройдет – открытым будет бой,
Найдешь ты вновь коня, найдешь свою дорогу, –
Мужайся, ободрись – убей в душе тревогу,
Или не воин ты, иль ты уж не герой.

1919-ый год. Стихотворения.

Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919

Старый дом

В переулке глухом перед садом тенистым
Полон думы о счастье былом,
Озаренный сквозь зелень закатом огнистым,
Молчаливо стоит старый дом.

Я боюсь посмотреть в его окна слепые,
Словно в склепе, за ними темно,
А ведь там я провел свои дни золотые,
И смеялся когда-то давно!

Так и кажется вот, что в знакомые сени,
Только взяться рукой за кольцо,
Вдруг растворится дверь, и ожившие тени
Выйдут встретить меня на крыльцо.

Нет! Прошло, пронеслось все, как сон мимолетный,
И напрасно привета я жду,
За дверями давно умер смех беззаботный,
Тишина в опустевшем саду.

Заросли лопухами седыми тропинки,
И запущен вишневник густой,
Уронил на траву лепестки, как снежинки,
Засмотрелся на луч золотой.

Помню, дети, пугливые милые крошки,
В этот час меня в сад заманят,
А теперь никого... Роем сонные мошки
У сиреней чуть слышно звенят.

Полустертые надписи в ветхой беседке
Разбираю на пыльной стене,
Все смешные стихи, все смешные заметки, —
Отчего же невесело мне?!

Где лукавые лица? Где смех серебристый?
Где загадочный пламенный взгляд?
Не ответит никто... Дремлет воздух росистый,
Засыпает пьянеющий сад.

От вишневого тени ложатся густые,
И в беседке совсем уж темно, —
Унеслись навсегда мои дни золотые,
Умер смех беззаботный давно.

Ухожу одинокий, усталый, разбитый,
С безысходной тоской о былом,
И чарует меня и пугает забытый,
Заколоченный наглухо дом.

1919-ый год. Стихотворения.
Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919

Жаворонок

Словно колокольчик маленький и нежный,
Жаворонок тонет в синеве безбрежной;
Тучки разбежались, далеко ненастье,
И звенит он песни светлые о счастье.

Было, было время, да ушло без вести,
Пел и я о счастье с жаворонком вместе;
Годы проносились, счастье запоздало,
Сердце оглянулось — верить перестало.

Но сегодня рад я на цветущем поле
Отдохнуть немного, подышать на воле,
Пашни ароматом острым опьяниться,
И хоть на мгновенье светлым сном забыться.

День сияет тихий, далеко ненастье,
И поет мне снова песенку о счастье
Жаворонок звонко в синеве безбрежной,
Словно колокольчик, маленький и нежный.

1919-ый год. Стихотворения.
Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919

В лесу

В лесу я... Огромный, шумящий, зеленый,
Он нежно меня осенил,
И воздух, дыханьем цветов напоенный,
Мечты, как вином, опьянил.

К лицу прикасаются с тихою лаской
Зеленые кудри ветвей,
И прошлое кажется странною сказкой
Забытых ушедших людей.

Стихает страданье... лес царственно-стройный
Лепечет о чем-то, томит;
Баюкает, шепчет, и, снова спокойный,
Загадочно, сонно шумит.

Я слушаю шум, и от шума взволнован,
Скользящие тени ловлю,
И чувством могучим и властным окован,
Кого-то за что-то люблю!

Хочу на цветущей поляне забыться,
Под тенью берез отдохнуть,
Хочу я шумящему лесу молиться,
Заплакать от счастья, уснуть!

Уснуть на мгновенье, беспечно, бездумно,
Не зная, что ждет впереди,
Уснуть – как ребенок, любимый безумно,
У матери спит на груди!

1919-ый год. Стихотворения.
Омск: Издание газеты «Русская армия», 1919

У реки

Я от зноя прилег отдохнуть у реки.
Навевают мне сон шалуны-ветерки.
Сам не зная зачем – все смотрю в синеву,
И рукою усталой ласкаю траву.
Одинокая чайка в лазури видна,
Отразилась в воде у песчаного дна.
И безумно и дерзко о чем-то кричит.
Не о том ли, что небо над нею молчит?
Светлорунное облако тихо плывет,
За собою далеко куда-то зовет,
Непонятные на ухо шепчет слова,
И за облаком вслед убегает трава.
И меня манит вдаль этот светлый призыв,
Только станет ли сил на ответный порыв?
Юных дней безвозвратно умчалась весна,
Как в реке предо мной голубая волна.
А вокруг все живет, все стремится вперед,
Где желанное счастье, должно быть, всех ждет.
Неужели за годы страданий и боль
Для меня только счастья и радости нет?
Я пойду, разыщу иль погибну в борьбе,
Но покорным рабом не поддамся судьбе.
На песках золотых здесь развею печаль
И за счастьем пойду в эту светлую даль.

Русская армия. 1919, 19 июня

Из песен о зиме. Снежинки

Темнеет тусклый день, Уныло ветер воеет.
 Седое облако бесшумно небо кроет, –
 Снежинки мертвые – убитые мечты –
 На землю падают, как белые цветы.
 Зима на улице. – Покой оледененья.
 Покой в душе моей, забывшей сновиденья.
 В холодный, страшный сон она погружена,
 В ней нет ни грез, ни дум – ушла ее весна.
 Ушла в немую даль. Утихли песнопенья.
 Я не слышу их... В душе лишь сон забвенья.
 Снежинки – мертвые убитые мечты –
 Кружатся, падают, как белые цветы.

Русская армия. 1919, 3 июля

*Колчаковские пулеметчики. 1919.
 Государственный архив Российской Федерации*

Колокольчики пели

Колокольчики пели, полозья визжали,
 Алмазы сверкали кругом,
 Над горою угрюмою ели дремали –
 Дремали в луче золотом.
 Уронили лохматые сонные ели
 С обрыва высокой горы
 Серебро и алмазы последней метели –
 Последней метели дары.
 Серебро и алмазы в лучах засверкали.
 Катились по склонам крутым,
 И неслышно, неожиданно к нам в сани упали –
 Упали с лучом золотым.
 Обернулись мы к елям, и елям грозили,
 Смеялись с лихим ямщиком,
 Серебро отряхали, а сани скользили –
 Скользили в луче золотом.
 Колокольчики пели, полозья визжали,
 Бубенчики вторили им,
 На морозе от звонкого смеха дрожали –
 Дразнили весельем своим.

Русская армия. 1919, 3 июля

В марте

Вдоль дороги лохматые ели стоят,
 Из-за зелени синие дали манят,
 И синица звенит на вершине сосны,
 Ей с вершины видней близкий праздник весны.
 По ухабам лениво кошевка ползет,
 Колокольчик лишь звякнет и робко замрет,
 Но ямщик мой не гонит усталых коней,
 Да и я не прошу, чтобы ехал скорей.
 Хоть неровен, ухабист рыхлеющий путь, –
 Переполнена сладкой тревогою грудь, –
 Ведь синица звенит на вершине сосны,
 Отдохнет скоро сердце, большое от дум,
 И услышит здесь тихий, ласкающий шум,
 Унесет он далеко немую печаль
 В уходящую синюю светлую даль...
 А теперь – пусть кошевка лениво ползет,
 Колокольчик лишь звякнет и робко замрет;
 Пусть подремлет ямщик и не гонит коней.
 Кони сами трусят – знать дорога – ровней!

Русская армия. 1919, 3 июля

Англичане в Омске. Стреловой смотр батальона на Никольской площади. 1919

Валерий ЯЗВИЦКИЙ

Россия

(К мирной конференции).

Язвический Валерий Иоильевич (1883–1957) – драматург, поэт и писатель, автор научно-популярных, политических, исторических и научно-фантастических книг. Учился на историко-филологическом факультете Казанского университета, окончил естественный факультет Женевского университета (1910). Собственный корреспондент газет «Русские ведомости» и «Утро России» в Болгарии, после начала первой мировой войны – в Румынии и Сербии. В 1915 вернулся в Россию, с 1917 работает в Наркомпросе, занимаясь популяризацией научных знаний, издает многочисленные научно-популярные брошюры. В 1919 в Омске чиновник в Министерстве иностранных дел. Автор книг: Новая зимняя сказ-

ка: политический памфлет в стихах. Женева, 1908; Храм Солнца: трагедия в 4-х действиях. М., 1921; Победенные боги: фантастический роман. М.-Л., 1924; Непобежденный пленник: роман-биография в семи частях. М., 1933; Иван III – государь всея Руси. М., 1946. 1, 2, 3-я книги (1946, 1947, 1949 гг.)
 Подольская И.И. Язвический Валерий Иоильевич // Краткая литературная энциклопедия. М., 1975. Т. 8. С. 1043; Серганова В. Валерий Иоильевич Язвический: [Забывтое имя] // Московский журнал. 2007. № 11.

Наша Заря. 1919, 26 января

В ряды ликующих друзей
 Одна в тоске придешь ты с крестной муки
 И молча раны от гвоздей
 Покажешь им, свои простерши руки.
 И пусть терновый твой венец,
 В Галиции и Пруссии сплетенный,
 Смутит гордыню их сердец,
 Как знак любви, за жертвы оскорбленной.
 Вложив персты, Фома сто крат
 Пусть крестные проверит муки, –
 Мы верим – суд творя, Пилат
 Умыть пред миром не захочет руки.

Родине

Сколько тобою испито страдания,
 Милая сердцу, родная страна!
 Душу терзают твои мне рыдания
 В ночи кошмарные, в ночи без сна.
 Вся ты измучена, в пытках запугана,
 В сети поймал тебя злобный паук, –
 Нагло святыни твои все поруганы,
 Гибнут все храмы искусств и наук...
 Прошлое кажется грезой обманною,
 Прошлое в блеске победных знамен...
 Чарой ли злою, иль прихотью странною
 Лик твой позорно теперь заклеимен?..
 Весь истомленный тоскою страдания,
 Чашу с тобою испивши до дна,
 Слышу, Россия, твои я рыдания
 В ночи кошмарные, в ночи без сна.

Наша Заря. 1919, 2 февраля

* * *

Есть страны, где розы теперь распускаются,
 Расцветает душистый миндаль,
 Где волны под кружевом пены качаются
 И с криками чайки уносятся вдаль.

И странным средь снега закатов пылания
 И деревьев морозный убор –
 И бродят вокруг сердца капризно желания.
 И в дали, за чайками, тянется взор.

Стираются в мыслях границы и линии,
 Претворяется в марево быть,
 И волны смеются лазорево-синие,
 Бросают мне с пеной соленую пыль.

Мой трепетный парус захвачен просторами,
 К Островам Чарований летит,
 И кто-то с небес золотыми узорами
 Безмолвно сказанья о вечном чертит.

Наша Заря. 1919, 9 февраля

Пускай

Пускай бушуют временно стихии
 И давят страшной тяжестью невзгод,
 Ясны великие пути России,
 По ним пойдет воскреснувший народ.

Пускай пищит интригою лукавой
 Весь мир, страданьям нашим не внемля.
 Придем мы все к Москве золотоголовой,
 И вновь воскреснет русская земля.

Тогда не все протянутые руки
 Пожмем в боях окрепнувшей рукой,
 Мы не простим одной тягчайшей муки,
 Одной неблагодарности людской.

* * *

Стонут и мечутся вьюги февральские
 Суетятся, не зная зачем,
 Вихрем ворвавшись чрез горы Уральские,
 Снегом засыпали землю совсем.
 В ночь многогласно кричит заклинания
 Белоснежная грозная рать, –
 К утру, устав от борьбы и скитания,

Снова пытается силы собрать.
Тщетно! Слабеют сражения снежные,
Отступает мятежный февраль –
Скоро фиалки распустятся нежные,
Сквозь зеленую взглянут вуаль.

Наша Заря. 1919, 23 февраля

В марте

Ждет закатов знойно-алых,
Громозвучных жаждет бурь
В облаках жемчужно-талых
Овесенная лазурь.
Воздух влажен и хрустален,
Жгут янтарные лучи –
Аромат струит с проталин,
Глухо каркают грачи.
Сонной грезой опьяненный
Задремал старинный сад,
И весь день ручьи влюбленно
Где-то льются и журчат.

Наша Заря. 1919, 9 марта

Из «Антара»

Когда копья впивались мне в тело
И с мечей моя капала кровь,
Я в предсмертной тоске онемелый,
Вспомнил лик твой, любимая, вновь.
И в бою роковом умирая,
Все мечи захотел я обнять,
Что напомнили, ярко сверкая,
Мне улыбки любимой опять.

Наша Заря. 1919, 16 марта

* * *

Порой так огненны закаты,
Что бледным кажется восход, –
И мы, отжитым вновь объята,
Ждем ночи сладостный приход...

Но пурпур мантии прощальной,
Упав, все тайны обнажит,
И властно в глубине хрустальной
Путь млечный бездны окружит.

Наш свет земной и светотени
Заменят вечные огни,
Но дух на высшие ступени
Внесут над безднами они...

Наша Заря. 1919, 23 марта

В весенний день

Целый день, неизвестно куда,
Мчатся тучки, смеются жемчужно
И пьянят меня грезой недужной,
Исчезая из глаз навсегда.

Прорываясь сквозь легкую ткань,
Блещут всплески лазури весенней,
Манят лаской отжитых видений,
И стирается прошлого грань.

Бегом нежных немых парусов
И сверканьем небес опьяненный,
Я бесцельно брожу, как влюбленный,
И весь мир полюбить я готов.

Наша Заря. 1919, 6 апреля

Sans paroles

Опьяняющих радостных снов
Раскрываются робкие грезы –
Нежно грезят средь талых снегов,
Нарядившись в сережки березы.
Вербы сонно, истомно дрожат,
Все в уборах из крупных жемчужин.
Но уста наши ало молчат –
Нам признания шепот не нужен.

И, овеяны радостью снов,
Мы идем в эти светлые грезы,
Где смеющийся жемчуг снегов
И весенние сказки березы.

Наша Заря. 1919, 6 апреля

На славном пути

Все ближе и ближе к заветной мы цели,
Все ближе к нам сердце России – Москва,
И радостно струны святыя запели,
И снова Россия, как прежде, жива!

Хоть нужны усилья порой неземные,
Хоть сечи кровавые страшны и злы,
Развейтесь знамена, развейтесь родные, –
Вас с башен кремлевских увидят орлы!..

Наша Заря. 1919, 13 апреля

Все в прошлом...

(Картинка из XVIII века)

Услав от себя приживалку,
Графиня покинула сад
И села у крыльца в качалку –
Ее утомил променад.
Нависли тяжелые букли,
Старушку одышка томит.
– Стара ль эта Нэтти, без рук ли, –
Нахмурясь, сердито ворчит.
– Томлюся я с нею несносно –
Руки не умеет держать!
Обличье смиренно и постно,
А басни горазда сплетать...
Но дрогнули губы улыбкой:
Все ж будет других поверней,
Добра, молчалива, как рыбка,
Нет злобы и бусори в ней...
Закат зарумянил колонны,
Чуть ветки акаций дрожат,
В огнях все пылают фронтоны,

И дремлет запущенный сад.
 – Нет ныне нигде постоянства...
 И думы в былое влекут:
 Сколь было веселья, убранства, –
 Театр, ассамблеи, раут...
 Светлейший, прибыв из Тавриды,
 Плясал с ней тогда менуэт,
 «Любезнее сердцу нет Лиды»...
 Стихи сочинил ей поэт.
 Царица с ней как-то шутила
 В присутствии пышных персон,
 И фрейлин всех зависть душила...
 Играла с послом в фараон...
 Князь Зорин дрался на пистолях,
 Стремясь любовь доказать.
 Наследник раз семь в антресолях
 Изволил ей ручку лобзать...
 Слезинка с ресницы сбежала:
 Все в жизни ушло навсегда...
 И где-то пчела прожужжала,
 Повеяло влагой с пруда.
 – Ох, штой-то болит поясница...
 Эй, Нэтти! Ну, филин глухой!..
 Уж сыро – сидеть не годится,
 Мне спину потрешь камфарой...

Наша Заря. 1919, 18 апреля

Протопоп Аввакум

Высоко над толпой, весь прикручен к столбу,
 Протопоп Аввакум на костре дровяном.
 И затлеет уж огонь. Но, как прежде, борьбу
 Продолжает старик и твердит об одном:
 Плотолобцы! В сетях еретических книг
 Уловляете чад вы в антихристов блуд!
 Слуги новшества, вы бьете Спасителя в лик!
 Но возмездия Божия Страшный и вам близится суд...
 Заметалось, забегало пламя в дровах,
 Протопопа окутал, как тучею, дым,
 И простер он двуперстие – не может в словах
 Обличать изменивших заветам святым.
 Борода затрепала седая в огне,
 Опустилась рука, старец очи смежил,
 И архангел предстал перед ним, как во сне,
 В трепетанье божественных огненных крыл.
 И взгремел, как труба, вдруг архангелов глас:
 – Ты ничто, Аввакум, но в гордыне своей
 На царя, патриарха восстал? Каждый час,
 Неумчивость теща, ты мирных людей
 К супротивности злой призывал? Ты забыл
 Про смиренность и кротость Христа!
 Загоревшись душой, протопоп возопил:
 Узнаю сатану! Твоя прелесть проста –
 Не собьешь, как не сбил меня в жизни земной!..
 И исчезло виденье, и зрит Аввакум:
 По сибирской реке он студеной зимой
 С протопопицей по льду бредет.
 Пьянство и глум
 От стрельцов только видит.
 Иззяб и устал.
 Ребятишки в санях с голодухи режут.
 Протопопица стонет: «Конец мой настал...
 Ох, мне! Стыну, Петрович, и ноги нейдут...
 Повалилась на снег и пеняет ему:
 – Долго ль будет нам мука сея, протопоп?!
 – Быть до самой, Марковна, смерти сему.
 Но томит его жалость, и глад, и озноб.
 Поднялась и, вздыхая, ему паки рекла:

– Что ж, Петрович, добро ж еще побредем...
 А дорога без края по речке бегла,
 И багровые зори пылали огнем.
 Обжигает, крепчая, сибирский мороз,
 И дыханье спирает в усталой груди...

Наша Заря. 1919, 1 июня

Из прошлого

Мне странные мерещатся костюмы;
 Беретов бархат и бахромистые перья,
 Белеют паруса, темнеют трюмы,
 И слышит сердце позабытые поверья.
 Блеснув из люков, бронзовые жерла
 Бросают в тишь морей грохочущие громы,
 И ядра вдруг, как бешеные сверла,
 Чертят по гребням волн капризные изломы.
 Я слышу крик команд и экипажей,
 Когда взвиваются сторон враждебных флаги,
 И в яром шуме смелых абордажей
 Под треск мушкетов и пистолей блещут шпаги...
 Мне снятся тени прошлых поколений,
 Как тени легкие на плоскости экрана,
 И в прихоти случайных воскрешений
 Мне граней нет для странного обмана.

Наша Заря. 1919, 16 июня

В роце

Над лужайками зелеными
 Колокольчики лиловые звенят,
 Манят нежно перезвонами,
 Сердце сказками и грезами пьянят.
 Вкруг березки дремлют стройные,
 Высь небесная безоблачно чиста.
 Растрепались косы знойные,
 И смеются близко алые уста.
 И в ответ им говорливые,
 Чуть проснувшись, листья шепчутся берез,
 А часы летят счастливые,
 Будто взлеты разноцветные стрекоз.
 И нежнее перезвонами
 Колокольчики лиловые звенят
 И с шептаньями зелеными
 Сердце радостью и ласками пьянят.

Наша Заря. 1919, 22 июня

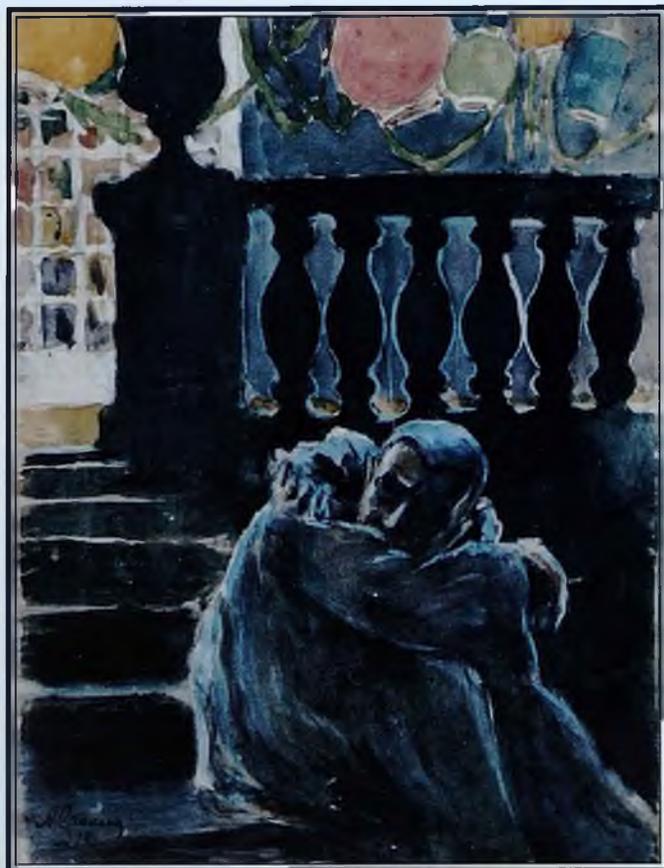
* * *

О, Русь великая! Твоя Голгофа длится,
 И из-за риз твоих идет постыдный торг...
 Но никогда обман позорный не простится,
 Что обещания тяжелые исторг.
 И в дни, когда Россия трауром одета,
 О, не ликуй, не веселись, синедрион:
 Жива Россия, – песнь ее еще не спета,
 И загудит еще в Москве победный перезвон!
 Но праздновать наш праздник светлый воскресенья
 Не будем звать мы тех, кто жребии метал,
 И тех, кто малодушно, в странном ослепленьи,
 Достоинство и честь России запятнал.

Наша Заря. 1919, 29 июня

Придем, рассеяв мерзостный кошмар,
И вновь воскреснет город пленный
И примет ваш неоценимый дар.
О, братья русские по крови,
Ваш голос не напрасно прозвучал:
Мы знамя русское подыдем в Львове
Во имя верой спянных начал.

Наша Заря. 1919, 27 июля

А.М. Громов. Пьеро, сидящий на ступенях. (Одиночество). 1919. Бумага, гуашь. Омский музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля

Приложения

В раздел «Приложения» включены тексты, дополняющие картину литературно-художественной жизни Омска 1918–1919 гг.: публикации из периодики этого времени, фрагменты из редких и современных изданий, мемуаров. Материалы представлены по хронологии событий, без комментария.

Аргус [А. Громов]. Литературно-художественный кружок

На очередной вечер Литературно-художественного кружка 5 января собралось, как водится, мало литераторов, много поэтов и очень много родственников и знакомых литераторов.

Вечер открылся докладом Сергея Ауслендера – «От Москвы до Екатеринбурга».

Прежде чем приступить к самому докладу, писатель доказал собравшимся, как «дважды два – четыре», что ведение дневников – крайне необходимо, весьма полезно и патриотично.

Поэтому писатель убедительно просил передать всем отсутствующим родным и знакомым, без различия пола и возраста, чтобы они обязательно записывали свои переживания.

– Наши потомки будут читать эти дневники, – сказал г. Ауслендер, – с тем же интересом, как мы читаем Фенимора Купера и Густава Эмара...

Затем он перешел к чтению своего путевого дневника. В этом дневнике говорилось, что в Москве июле жилось очень скверно, а поэтому он, Сергей Ауслендер, и решил перебраться на жительство в г. Екатеринбург.

Во время путешествия писатель старательно отмечал в дневнике о своем ежедневном обеденном меню в самых восторженных выражениях.

При переезде из Москвы в Екатеринбург, длившемся 25 дней, писателю часто представлялась возможность, при любезном содействии большевиков, изменить намеченный маршрут и ехать в более отдаленный пункт...

И если бы произошло подобное изменение в маршруте, мы, разумеется, были бы лишены навсегда выслушать доклад писателя. Но все

обошлось благополучно, и автор, пообедав, кажется в сотый раз за время своего путешествия, прибыл наконец в Екатеринбург... Доклад получился внушительный и весьма поучительный.

После г. Ауслендера к столу были выпущены местные и залетные поэты. Их было очень много. Каждый поэт, жеманно прочитав два-три стихотворения и получив в награду несколько аплодисментов, скромно удалялся.

У г. Ю. Сопова при пении обнаружился великолепный козлитон, которому, вероятно, позавидовал бы любой дьячок, — а после поэтов, при общей панике, у столика появился «гений Сибири» и ее «национальная гордость» А. Сорокин. Ему почтительно доложили, что в силу того, что все страшно торопятся домой — лучше бы его творение выслушать в следующий раз. Но он был неумолим — и его пришлось выслушать.

В произведении А. Сорокина говорилось о черствых и жестоких людях, которые совершенно не замечают живущих среди них гениев, как например это было с художником Врубелем. При жизни его никто не признавал, и он очень страдал. Таким образом, чтобы подобного случая больше не произошло с другим гением, например, ну хоть с ним, с Ан. Сорокиным, то лучше, всего, конечно, при жизни оказывать все подлежащие почести...

Присутствующие молча выслушали произведение А. Сорокина, и так же молча мораль его приняли к сведению... Выступлением А. Сорокина этот увлекательный вечер благополучно окончился.

Сибирская речь. 1919, 11 января

Б. Четвериков. [Вечер у Нины Подгоричани 4 марта 1919]*

...Мы получили изящное, по всем правилам светского этикета приглашение к графине Подгоричани. Для Бурлюка, вероятно, это было не в новинку, а я сроду не бывал ни у каких графинь и княгинь. Но пошел неохотно, только из любопытства и только по просьбе Бурлюка, которому удобнее, видимо, было нанести этот визит вдвоем: и веселее, и как-то ровнее бы безопасней.

Может быть, эта графиня и была знаменита, но я до той поры о ней не слыхал. В «Краткой литературной энциклопедии» я ее впоследствии не нашел. А Николай Иванович Иванов, автор «Ак-мечети», писавший под псевдонимом Анов, называет ее грузинкой и поэтессой. В «Брокгаузе» сообщается о некоем графском роде Подгоричани-Петровичей, происходившем из Далмации. Но ни я, ни Давид Давидович не стали докапываться до родословной этой дамы, усаживаясь за ее роскошный стол. Ради Бога! Поэтесса так поэтесса. Из Далмации так из Далмации. Пожалуйста!

* Дату проведения вечера позволяет определить дневниковая записка Б.П. Денике, а также записка А.И. Булдеева, хранящаяся в фонде А.С. Сорокина (ГИАОО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 367. Л. 29): «Не ищите друзей в Ваших друзьях, чаще старайтесь их найти среди врагов. 4 марта 1919 года, Омск, Вечер у графини Нины Подгоричани-Петрович».

Не то было время, чтобы интересоваться, откуда кто в этом обреченном городе, в этой толпе, плохо прячущей ужас и отчаяние перед завтрашним днем. Когда огромная волна хлынет, опрокинет и швырнет в черную бездну все целиком, что ухватит, — туда попадают знатные и незнатные, старые и молодые, злые и добрые — всякие, без разбору. Непрочность, обреченность, смертный дух, какую-то «ненастоящность» всего ощущался подсознательно в этой шумной столице черного адмирала, как называли Колчака. Мне мерещилось, что я нахожусь среди веселых покойников, среди гуляющих напропалую мертвецов. Мне было страшно, жутко, как в склепе, хотя умом я ничего не осознавал. Да ведь сколько и настоящих людей я здесь встретил: Янчевецкого, Антона Сорокина, Кешу Черникова, Всеволода Иванова... Не одна же пьяная офицерня, не одни же полоумные сенаторы заполняли здесь все дома, все улицы, все вокзалы, весь Урал и всю Сибирь.

Можно себе представить, каких денег стоило этой Подгоричани здесь, в небольшом городишке, кишмя кишевшем военщиной и немислимо переполненном понаехавшей знатью, понаехавшими иностранцами, все-таки ухитриться занять своей особой просторный дом*. Мало этого, Подгоричани обставила этот дом с наивозможнейшей роскошью. Надо удивляться, как она ухитрилась не только сама уехать из южных губерний, но и вывезти хрусталь, фарфор, золото и серебро, ковры, зеркала, стильную мебель. Мало того, она набрала целый штат опытной, вышколенной прислуги. И наконец, сумела выискать и здесь, на чужбине, с полдюжины юношей, полностью владевших тем, что именуется хорошим тоном и состоит из заученных слов, поклонов, комплиментов, улыбок, остроумия и умения пить вино маленькими глотками. Словом, и здесь, в Омске, графиня Подгоричани оказалась в состоянии сохранить барский образ жизни, даже устраивать журфиксы.

И вот тут-то Бурлюк сумел как-то предугадать, найти особый способ, чтобы завоевать исключительное расположение и графини, и всего этого невыносимо скучнейшего сборища. Бурлюк взял на себя роль этакого нарушителя канонных, бунтаря, каким и представляются этим господам футуристы, ведь, говорят, в Москве футуристы своей кассирше золотой нос приклеили... говорят, что они... И Бурлюк в пределах дозволенного нарушал хороший тон!

Теперь я понимал, почему он так уговаривал меня пойти вместе с ним: ему нужен был свой понимающий самую изнанку его трюков зритель. И я сдержанно ухмылялся или даже совсем не реагировал на чудачества отца российского футуризма. Как будто так и надо, как будто, футуристам положено именно так, в меру чудить.

Он много чего выкидывал, я приведу только два-три примера. Стол был накрыт пышно, безукоризненно. Юные манекены были бесподобны в своем убожестве. Графиня Подгоричани блаженствовала. Все

было в точности как раньше. Все! Когда после отличного, но какого-то несытного ужина подали черный кофе в великолепных кофейных чашечках, Бурлюк завопил:

– Разве напьешься из такой крохотули? Неужели в этом поистине первейшем из первых домов нашей эпохи не найдется для бедного поэта посуды повместительней?

Вы думаете, кто-нибудь рассмеялся? Помилуйте, даже улыбки не промелькнуло ни на одном лице. Что касается самой графини, она была в восторге, в упоении: сколько будет потом разговоров о том, как знаменитый футурист потребовал для черного кофе (и какого! Мокко! Можно ручаться, что во всей Сибири такого не найдешь!) – потребовал для черного кофе большую чашку!

Поднялся полный переполох.

– Маша! Маша! Скорее! Принесите нашему дорогому гостю самую большую чашку, какую только найдете! Ну, как? Такая вас удовлетворит?

– Боже милостивый! Какая оплошность! Мне следовало бы давно знать, что футуристы пьют черный кофе ведрами!

– Цистернами! – подхватил импотентного вида юноша с нездешними глазами.

Все нашли, что в таком ракурсе поданная экстравагантность заслуживает некоторого оживления и дружеских шуток.

Но Бурлюк еще не закончил своего экстра-представления. Он сделал глоток кофе, сморщился и закричал:

– Фу, какая горечь! Я не покажусь вам нахалом, если попрошу хотя бы крошиночку сахара? Маша! Скорей! Принесите сахарницу! Как я не догадалась сразу: можно ли такую чашку выпить без сахара!

И снова сидящие за столом выдали умеренные, допустимые по хорошему тону полуулыбки. Не в адрес гостя, Боже упаси. Одобрительные полуулыбки по поводу милой шутки графини.

После ужина все перешли в гостиную, где было много ковров, много диванов, козеток, пуфов и масса диванных подушек. Наверное, при перевозке из Москвы, или Петербурга, или откуда там для них пришлось отвести целый товарный вагон: Некоторые юноши привычно, отработано легли на полу, локтями утонув в подушках. Другие сели на спинку кресла, на ручку кресла. Кое-кто развалился на диване. Были поданы коньяк, ямайский ром.

Кто-то прочел кусочек Верлена. Кто-то обнаружил знание Михаила Кузмина! Затем Бурлюк прогремел не свое, а Маяковского: «Мама, скажите Леле, у меня пожар сердца». Попросили что-нибудь прочесть и меня. Я почему-то остановил свой выбор на только что написанном стихотворении. <...> Бурлюк слушал с откровенным удивлением. Ему явно понравилось мое стихотворение. На его лице было написано: «Что ж ты, голубчик, на концертах что-то там декламируешь, а это держишь в записке?» А между прочим,

я как раз с этим стихотворением выступал на конкурсе поэтов в Челябинске, впоследствии же много раз читал его на наших с Бурлюком вечерах. <...>

Четвериков Б. Стежки-дорожки // Складчина. 2006.

№ 1 (3). С. 115–121. Предисловие С.Н. Поварцова)

Е. Белов. Футуристы в Омске

В первый раз мне пришлось видеть футуристов несколько лет тому назад. Тогда их выступление произвело тягостное, неприятное впечатление. Было больно за родное искусство, за восторги толпы, в лицо которой бросались кощунственные слова.

С тех пор многое переменялось. С одной стороны, футуризм сам по себе выкристаллизовался, внутренне изменился и, отбросив от себя все наносное и случайное, приобрел известное право гражданства в искусстве. С другой – теперь, после всего пережитого в последние годы, как-то вообще отвык трагически воспринимать явления жизни.

Вечер Бурлюка 4 февраля* оставил совершенно другое впечатление. Бурлюк – человек, бесспорно, способный и умный, но он очень слабый поэт. По тому, какие иногда искры подлинного поэтического огня вспыхивают в его лекции, с каким удовольствием и чувством цитирует он корифеев русской и западноевропейской литературы, видно, что сам он «для себя» любит и ценит не только «футуристическое», но и прежнее, старое искусство, стоявшее выше современности, выше всех времен и народов, что он отлично понимает его.

Но Бурлюк вместе с гастролирующим с ним же абсолютно бездарным Борисом Четвериковым и К^о по своим, не имеющим ничего общего с чистым искусством, соображениям, «для публики» рисует на щеках шутовские фигурки, надевает шутовской колпак в виде красного жилета и розовой кошки в петлице и забавляет публику так, как в свое время ее забавлял Анатолий Дуров.

Бурлюк чрезвычайно находчив и остроумен, он прекрасный комик, он великолепный имитатор Северянина и Маяковского. И если не относиться к его трюкам серьезно, как отнеслась небольшая часть публики, можно был весь вечер весело и простодушно хохотать.

Это был веселый и забавный вечер, на котором бесконечно смешили, пусть несколько грубые, но забавные фокусы Бурлюка, местных *enfants terribles* Антона Сорокина, Спасского и других.

Не менее смешили и выступления тех «негодующих на футуризм» местных оппонентов, которые не поняли, что в этом зале происходит совсем не серьезный диспут об искусстве, а просто веселое, забавное, полуциркового характера представление /30/.

Русская армия. 1919, 6 марта

Д. Бурлюк. Литература и искусство в Сибири и на Дальнем Востоке (1919–22 г.) (заметки и характеристики очевидца)

Переживаемое Россией смутное время создавало для провинциальных областей, ранее находившихся во всесторонней и полной от центров зависимости, неожиданные положения, предоставив их собственным силам и приучив к обособленному бытию. Чешское выступление, а потом Колчак более чем на два года обособили в эстетическом отношении Сибирь и Дальний Восток.

Я остался на Урале, на Чешской стороне, а потом постепенно, поддаваясь в сторону наименьшего сопротивления, очутился во Владивостоке, откуда мне в конце 1920 года удалось переехать в Японию. Мое странствование по Сибири продолжалось почти целый год. В это путешествие я попал в весьма облегченном состоянии – с 10-ю картинами, бросив свой трехлетний труд в 250 картин на станции Буздяк Вол[го]-Б[угульминской] жел[езной] дор[оги] в городе Уфе.

Я предпринял лекционное турне по Сибири. В промежутках между лекциями я работал кистью, и моя выставка увеличивалась. Всюду в Сибири книжный голод создавал многочисленные аудитории. Устраиваемые мной бесплатные выставки усердно посещались, а кроме того моя выставка пополнялась также картинами художников, встречаемых мной в различных городах. В Сибири и на Дальнем Востоке всегда было мало писателей и художников. После революции их и не могло много попасть туда, ибо Сибирь от центра была отрезана внезапно и надолго. В моей заметке я упомяну всех, кого встретил в Сибири и чьи имена интересны для следящего за художественным творчеством. <...>

Март месяц 1919 года я провел в Омске, являвшемся тогда столицей колчаковского государства. Там выходило несколько газет, были высшие учебные заведения, правда, постепенно превращавшиеся в женские, вследствие непрерывных призывов. Из литературных сил центральной фигурой являлся С. Ауслендер. Автор сборника «Золотые яблоки» не боялся применять свой изысканный стиль к описаниям трафаретных парадов и смотров того времени. С Ауслендером я виделся в «Литературном салоне» граф. Подгоричани, поэтессы, известной в Москве под именем «Георгий Эрард». В этом просвещенном осколке столичных салонов часто бывал молодой поэт Г. Маслов. Мне неизвестна судьба всех лиц, упомянутых здесь, но достоверно, что Г. Маслов умер в Красноярске от сыпняка в дни отступлений белых армий. Маслов был мелким чиновником одного из «министерств», я застал его дома в жалкой квартирке*. Георгий Вяткин был наиболее популярным поэтом в Сибири (автор книжки стихов, посвященных Алтаю). Поэт занимал крупный административный пост, и видеть мне его не удалось. Приведу здесь мнение о нем из «Уральской жизни» критика

* Книга стихов Георгия Маслова под названием «Аврора» выходит в Петербурге в изд. «Картонный домик». (Прим. ред.)

С. Виноградова: «Это – отлившийся в определенные рамки и находящийся в периоде угасания поэт старой школы, чуждой исканиям, для которой все ясно, как аксиомы математики». Но литературные порывы даже в Сибири не всегда укладывались в рамки чиновно-академического благополучия. В Омске я встретил «короля писательского» Антона Сорокина. В нем не только юродивость, но и несомненное крупное литературное дарование. В Антоне Сорокине – природный футурист, в нем все особое, оригинальное. Он служил, и очень пунктуально, в управлении железной дороги, имел собственный дом, сдавал квартиры, но при «правильной жизни» все свободное время занимался или писательством, или же рисованием композиций фантастического характера. В Сорокине Сибирь имеет оригинального художника-графика, фантаста. Сорокин показывает мне интересные работы художника Эттеля, а через несколько дней в газете я читал, что в городе Тюмени Эттель посажен в тюрьму «за содействие советской власти», выразившееся в изготовлении художником рисунков для бумажных денег. А. Сорокин был центральной фигурой кружка местных поэтов, среди которых были: Иван Тачалов, Всеволод Иванов, Игорь Слав[н]ин, в описываемое время находившийся в тюрьме, и Петр Сидоров.

Давид Бурлюк. 1921, XII. Япония.

Д.Д. Бурлюк Литература и искусство в Сибири и на Дальнем Востоке (1919–22 г.) (заметки и характеристики очевидца) // Новая русская книга.

Берлин, 1922. № 2. С. 44–48

В. Виленский. Писатели – перебежчики

Революционный шквал октябрьской революции глубоко расслоил все группировки русской общественности. Последующие волны революции разметали отдельные части этих расслоений в разные стороны в по разным лагерям. Не избежала этой участи и русская литература. Оглядываясь сейчас кругом и вспоминая длинный ряд больших и малых имен русских писателей, вероятно, у многих мелькает вопрос: где они, с кем, чему служат?

Мы знаем, что с нами Максим Горький, Серафимович, Гусев-Оренбургский, и еще можем насчитать несколько имен, ну, а остальные...

Остальные не с нами, остальных нужно искать у Деникина, у Колчака и им подобных; там они купаются в мутновато-желтых волнах контрреволюции, и далеко не все остаются пассивными зрителями того, что делается в этих станах контрреволюции. Таковы, например, те из писательской братии, которая теперь подвизается у Колчака. Там можно встретить Николая Олигера, Сергея Ауслендера, Григория (Георгия. – Ред.) Вяткина и др.; из футуристов – Бурлюка, Гольцшмидта и проч.

Те, что покрупнее, а главное, побойчее, пользуются вниманием атаманов сибирской реакции и поощряются ими. Так, например, Ауслендер пожалован званием лейб-писателя при особе «его величества» Колчака и очень усердно не за страх, а за совесть торжественно описывает тусклые картины путешествия Колчака по местам расположения белогвардейских банд. В той же роли состоит при Колчаке и Вяткин, который измышляет и подводит идеологические основания колчаковщине в «Сибирском телеграфном агентстве», которым он заведует. Приспособляемость этого господина поразительна. От сибирских областников, через труп блаженной памяти директории, он перешел по наследству к «мексиканцу» Колчаку, которому сейчас исправно служит.

Еще хуже дело обстоит с Олигером, который в конце прошлого года оказался на содержании у есаула Семенова в качестве редактора огромно-черносотенного листка «Призыв», а когда затем Семенов передал это дело японскому генеральному штабу, который, в интересах обработки общественного мнения в Сибири сейчас создает там свою прессу, Олигер оказался и у японцев весьма нужным человеком.

Бурлюки, Гольцшмидты и проч. в начале этого года гастролировали по всей Сибири со своими нелепыми «конференциями девушек», с «роковыми вопросами», задаваемыми в целях познания сердец и душ сибирских юношей и девиц и прочими измышлениями своего творчества. Надо полагать, что творчество новой жизни в Советской России мало удовлетворяет отца футуризма Бурлюка (так он анонсировался в Сибири) и его сыновей, в роде Гольцшмидта и других, которые в колчаковщине ищут вдохновения для своего творчества.

Остальная писательская братия группируется, главным образом, в столице Колчака – Омске по разного рода литературно-художественным кружкам. Здесь они пытаются оправдать и приобщить к своему лону тех, кто еще не в их среде, но кого они не теряют надежды видеть у себя. Так, 3 мая на заседании одного из таких литературно-художественных кружков после вступительного слова Сергея Ауслендера были прочитаны поэмы «Двенадцать», «Скифы» Александра Блока, участие которого в лево-эсеровских изданиях кружок считает небольшой ошибкой. Трудно судить, насколько правы в своем утверждении писатели-колчаковцы. Об этом лучше знать самому Блоку.

Есть еще в Сибири и другие писатели, но они осторожно скрываются за разного рода псевдонимами и, видимо, выжидают более «ясных времен», и о них можно судить и догадываться только по стилю и манере письма.

Революция продолжается. Ее волны все еще хлещут, взметая пену и грязную муть па берегах окраин, где гнездится контр-революция. В писательской среде тоже идет и далеко не закончился процесс расщепления. Одни уже сделали свой выбор, другие еще все прикидывают, боясь

ошибиться и продешевить, и, выбирая, все выжидают... Но скоро и эти последние тоже должны будут сделать выбор между нами и теми, кто по указке заграничных империалистов пытается задушить русскую революцию.

Известия (Москва). 1919, 22 июня

А. Бұлдеев. О поэзии

В наши дни может показаться неожиданным разговор о поэзии и искусстве. По твердо установившемуся в широких кругах общества взгляду, поэзия есть принадлежность мирного существования, она всего лишь приправа к культурной пище образованного общества. И, к сожалению, такой взгляд, явно несостоятельный для всякого чуткого к искусству читателя, весьма распространен, и, несмотря на огромную эволюцию в области художественного вкуса, наблюдаемую в литературной жизни последнего десятилетия, поэзия для многих не больше, чем «летом вкусный лимонад».

Но как бы то ни было, поэзия есть искусство, она не только священное ремесло для поэта, а откровение духа для я-эго, причастного к мистической жизни. Поэзия раскрывает глубину человеческой души, ее откровенную внутреннюю жизнь и разными способами приводит человека к тайне Вселенной, она является порогом, через который необходимо перешагнуть на пути к Божеству.

Разумеется, поэзии, как и искусству вообще, свойственны разные возрасты. Есть поэзия юношеского состояния, в котором поэт пребывает до глубокой старости, есть поэзия мудрого высшего знания, есть поэзия дряхлости и бессилия, есть поэзия тления и смерти, и, наконец, поэзия иных миров – поэзия погусторонняя.

В настоящей статье я не думаю высказываться на эту тему, большую и значительную, требующую специального обсуждения. Я только лишь подчеркиваю мысль о том, что поэзия как явление не имеет одного определения. Таких поэзий столько же, сколько поэтов.

Критик, подходящий к оценке того или иного произведения, невольно считается с фактами явлений поэзии, но это не означает, что в нем должно отсутствовать высшее понятие о поэзии с точки зрения идей искусства. Напротив, только исходя из этой высшей оценки он и может дать истолкование тому или иному явлению искусства, и всякий иной подход к искусству явно безнадежен и не нужен.

Если поэзия многими воспринимается как острая приправа к культурной пище, то здесь очевидно мы имеем дело или с грубой подделкой поэзии – псевдопоэзией, или с низменным вкусом пожирателя этой своеобразной «приправы». Псевдопоэзия не представляет никакого интереса для самопознающего человеческого духа.

В лучшем случае, когда она оправлена в форму «эстетизма», лишенного внутренней сущности и легко распознаваемого, она способна обмануть неопытного читателя иллюзией Красоты, но эта иллюзия совершенно не опасна, ибо при малейшем рассмотрении она лопается, как мыльный пузырь.

Гораздо страшнее другая иллюзия – Красоты подлинной, но Красоты в узком значении слова, Красоты, как искусства, о которой сказано было, что она «совесть мира».

Для нас, современников разорванного мира, переживших Владимира Соловьева и Н.Ф. Федорова, нет надобности доказывать, что «Красота не спасет мир». Спасение мира – дело религии, точнее говоря Церкви, но эта тема выходит за пределы настоящей статьи и потому пока не подлежит обсуждению.

2.

...И все-таки я за поэзию и искусство. За поэзию потому, что она подготавливает нас к «общему делу» спасения, потому что она расширяет миропознание, расцветивает его красками, наполняет дух наш пафосом, создает гармонию из обломков и груды хаоса, преобразует будничные мир с его прозаическим укладом в некую привлекательную стройность и тем спасает нас от пошлости и безумия, угрожающих нам из каждой бездны, по которой мы шагаем постоянно.

Вот почему поэзия нам нужна, как воздух. Она нужна не только в обычных условиях мирной жизни, она необходима и в «роковые минуты мира».

Огонь ее должен пылать всюду – и у домашнего очага, и в походном шатре воина.

Можно быть свидетелем и даже участником мировых катастроф, но следует ли из этого, что такой свидетель или участник должен отказаться от молитвы и песни. Если религиозные моменты только дополняют подвиги воина, увеличивая его переживания санкцией связи с Богом, то не утончают ли песня и стихи его душу, не углубляют ли ее восприятие мира, не придают ли ей свойств благородства и красоты.

3.

Хаотические события русской жизни, опутавшие все нити нашего духа в какой-то темный клубок, выбили из рук поэта его лиру. А если у многих эта лира чудом уцелела, то она начала издавать неверные, дребезжащие звуки. Мы знаем стихи Блока, Брюсова, Белого и др., написанные ими в чаду революции, но какие это стихи? Может быть, у одного только Блока, несмотря на его срывы в бездну революционного хаоса,

остался прежний голос, но все-таки это голос – пьяный в общем похмелье, надорванный и хриплый. И несомненно то, что русская поэзия только бы выиграла, если бы Блок среди всеобщего пожара, в дыму войны и революции, пел свою «Прекрасную Даму», Брюсов – «Правду вечную кумиров», Белый – «Пепел» своей тлеющей души.

Отрезанные от нашего русского Рима, мы можем только гадать о том, что совершается в катакомбах его гонимого духа, какая там зреет дума, что бьет ее в тайнике его сердца. Мы убеждены, что там происходит трудный, мучительный процесс преобразования и что русская культура в ближайшем будущем озарится Фаворским немеркнущим светом, но здесь, за предельной чертой пожираемой Дьяволом Руси, у нас идет своя жизнь, не чуждая русской традиции и хотя в малом виде отражающая русские искания в области духа и мысли.

Мне хотелось бы отметить здесь те явления поэзии, которые вышли оттуда, из глубины России, которые связаны преемственностью с подлинной русской поэзией. Я разумею стихи и такого определяющего и ясного поэта, как Юрий Верховский, и близкого ему по Пушкинской школе автора «Авроры» Георгия Маслова, еще не вполне нашедшего себя, но, несомненно, обладающего настоящим даром лирика, и женственно капризную, слегка изломанную лиру граф. Нины Подгоричани, и холодные, четкие стихи Вс. Иванова.

4.

В настоящем очерке я говорю только о поэзии. Я не люблю, или, точнее, не понимаю термина: «Сибирская поэзия», «Сибирские поэты». Эта терминология неуместна только потому, что сибирские поэты пишут на русском языке и живут за счет единого русского наследия, созданного не в Сибири, а и потому еще, что до сих пор не дала ни одного подлинного поэта, который оставил бы след в русской поэзии. Достоинство поэта измеряется не его происхождением и местожительством, а причастностью к духу и жизни всей русской культуры. Было бы смешно и даже глупо называть Тургенева орловским или Толстого – тульским писателем и в претензии писателей Сибири именоваться во что бы то ни стало «Сибирским» уже сквозит какое-то темное ощущение своей малости и ничтожества, признак карликового роста, неспособность встать в уровень с общерусской культурой. Литературный сепаратизм есть такое же выражение морального и духовного убожества, как и сепаратизм политический.

Эти суждения отнюдь не имеют в виду порицания связи писателя со своей родиной в узком смысле сего слова, с местностью, писателю близкой и знакомой, с почвой, на которой он вырос. Напротив, подлинный художник

не может не быть почвенным. Он впитывает в себя родной воздух, которым дышал в детстве, он изучает местный быт, на котором проходит свою школу, он находит, таким образом, свою личность, история не бывает абстрактной. Но за этим для него встает задание, исполнение которого определяет его удельный вес и силу. Если он со своего местного пьедестала сумеет встать на уровень общенациональный, тогда он приобретает настоящий рост и делается значительным явлением в жизни своего народа. Гоголь никогда не мог бы остаться малорусским писателем, ибо его рост был шире, он был писатель русский и способный увеличить национальный гений России наряду с другими равными ему явлениями – Пушкиным, Достоевским, Тютчевым. В этом обличается несомненное прозрение в даль веков, ибо Гоголь «самоопределяется» тогда, когда, собственно говоря, не было русской литературы. Точно также «самоопределение» поэтов в качестве областных, губернских и уездных обличает уозость кругозора, психологию мышины норы, не более.

5.

Передо мной книга стихов «угрюмого сибиряка» N. Teller'a (он же Кержак, и то, и другое имя – псевдонимы). Книга издана в 1913 г. В Москве. В свое время, насколько мне известно, прошла совершенно незамеченной. И неудивительно. Толстая, неловкая книга в серой обложке со скучным заглавием. Недавно она была доставлена в редакцию для отзыва, но ее внешний вид как бы предназначал ее для забвения. В ней свалены в кучу стихи самого разнообразного содержания – тут и лирика, и юмористика, и публицистика, и переводы из Гете, Гейне и пр. и пр. В ней собраны стихи разного достоинства. Много рифмованной прозы, много никому неинтересной, ненужной «литературы».

Надобно преодолеть серьезные препятствия для того, чтобы прочесть ее целиком. И, однако, при внимательном чтении, книга обнаруживает в Кержаке (Teller) настоящего поэта, поэта, обладающего техникой современного стихосложения, несмотря на какую-то присущую автору старомодность. Сила Кержака в его лирических стихах. В них он совершенно самобытен, свободен от перепевов и подражаний. В них раскрывается его мирозерцание, взятое им не из книг, а из глубин его собственной души.

Сибиряк, по рождению и воспитанию, правда, путешествовавший по России и за границей, Кержак знает и любит сибирскую природу. Монотонный мир степей и песков, пейзажей серых и угрюмых, поэзия буранов и метелей, дождей и ветров, скука дорожных впечатлений с их «ночлежной мутью», жизнь совместно с унылой природой и на лоне ее, и в одиночной комнате, будничны мир с его тусклыми, но жуткими красками, вот его стихия, в которой он чувствует себя, как дома.

В его стихах слышится что-то почвенное, взятое от земли с ее буйной незримой жизнью и рассказанное выражениями сильными, хотя и не ариями, словами меткими и точными до предельной выразительности.

Некоторая, присущая Кержаку, тяжеловатость не только не ослабляет впечатления, а даже усиливает его. Может быть, только в такой мере и возможно передать природу Сибири в ее тяжелой мощи и размахе.

«Видел я краше
В жизни места, –
Только не наши,
Сила не та».

Вот, например, зимний пейзаж.

«Где отдохнуть глазам от снега!
Куда ни взглянешь – тот же вид:
Дорога белой до ночлега
Повсюду скатертью лежит.
Не встретить взор, и самый зоркий,
Кругом ни деревца. Пригорки
Местами есть, но белый пух
И их обсыпал. Воздух сух.
Не дует ветер. С небосклона
Однообразно яркий свет,
Полозьев визг, Серка попона –
Мутят мне душу. Мочи нет.
А тут еще, не хуже водки,
Мороз пьянит...»

В этом намеренно простом рисунке, в котором сухие краски споят с прозаизмом выражений, все построено так, чтобы создать в душе читателя впечатление акмолинской зимней степи. И это впечатление есть, оно готово, и не чувствовать его не может всякий, кто чуток к поэзии.

А вот и другая картина:

«По улице вихри взметают
В ночь выпавший снег и сугробы
Один за другим вырастают.
Такой нам погоды давно бы!
По мне нет прогулки зимою
Приятней, как в пору бурана:
Шагаешь нетвердой ногою,
Как будто идешь ты в пол-пьяна».

Я нарочно взял зимние настроения у Кержака. Есть другие описания природы, которые ему вообще удаются, среди них много прекрас-

ных стихов, способных удовлетворить вкус очень требовательный, но зимние настроения, особенно метель – стихия поэта, и в них наиболее полно отражается его сибирская душа, любящая буран, ветер и снег.

Внутренний мир Кержака, однако, не ограничивается лирикой природы. Этот мир богат и сложен. В нем есть место переживаниям и иного порядка. И едва ли не самым значительным моментом его поэзии является мотив одиночества, муки души гордой и замкнутой в себе, оскорбленной в какой-то последней глубине. По какому-то странному капризу поэт предается мрачному состоянию, он не только не знает радости, но не хочет ее и даже борется с ней.

«Если в другом я
Вовсе не встречу
И отголоска
Собственных дум,
Если мне комья
Грязи навстречу
Бросит кто жестоко –
Пусть, – я угрюм.
.....
Ежели блага
Молча я от жизни
Брал не ценя, –
Нынче, как скряга,
В старой одежде
Сел я на тризне
Горького дня».

Поэзия Кержака настолько сложна и интересна, что вряд ли можно ее исчерпать в газетной статье. Во всяком случае, нельзя обойти молчанием множество своеобразных, красивых его образов и выражений, свежих и новых среди современных стихов.

Такие стихи, как «Хрип зарезанного, храп ли», «Мороз щемящий отпустил», «В горенке темной проснулся» (303 стр.), «Брошена всюду в ненастье работа» (292 стр.), «Омут» (305 стр.), и др. не могут быть забыты любителями поэзии. Да и в стихах более слабых всегда встречаются отдельные сильные выражения, запоминающиеся сами собой.

Основной недостаток Кержака – это прозаизмы и длинноты. Такими длиннотами испорчено одно из оригинальных стихотворений «Ночью душевой» (64). Прозаические обороты речи, прозаические эпитеты часто попадают у него в стихах. Эта небрежность в отделке стиха, конечно, досадна (нельзя, напр., сказать в стихах «умственный взор»). Это напоминает

Минского и Надсона), но она во всяком случае преодолима, и мы надеемся, что при технике Кержака освобождение от недостатков не представляет больших трудностей.

Я намеренно не называю Кержака (Teller'a) сибирским поэтом. Я считаю его поэтом русским. Он имеет право на то, чтобы читали его не только в Омске, но и в Москве.

6.

Мне посчастливилось встретиться с ним лично в глухом городе Сибири. Будучи во многих отношениях головой выше своих сограждан, он невольно становится предметом гонений и насмешек. Одиноким, никем не признанным, во вражде с тупыми обывателями – он «доламывает конец своей дороги».

Ему свойственно чувство конца личной жизни.

«Подождем! Запас дней – невеликий,
К окончанию близится уж сказка.
Скоро, скоро мне идти к Владыке –
Не нужна в пути таком указка».

Но мы убеждены в том, что поэт еще может развернуть свое потенциально значительное дарование в такой степени, что едва ли ему нужно торопиться к окончанию «сказки».

Повторяем, сила Кержака – в лирике. И на этом пути он должен еще развернуться во всю ширину своей почвенной природы.

Сибирская речь. 1919, 26 (13) июня.

В литературно-художественном кружке

В субботу 13 сентября состоялось открытие литературно-художественного кабаре, организованного кружком при редакции журнала «Единая Россия».

Открытие кабаре собрало довольно много публики, преимущественно писателей, журналистов и художников. В числе гостей присутствовал, между прочим, генерал-лейтенант Дутов.

На эстраде выступали известные литературные силы. Читали свои стихи поэты Г.В. Маслов, А.М. Воцакин, П.А. Волков и Н.Я. Шестаков. Из всех прочитанных стихотворений наиболее яркое впечатление произвели юмористические стихотворения г. Шестакова из цикла «Обыватель-

ские сентенции», написанные с большим юмором, красочно и сочно. Особенно хорош «Проферанс», мастерское чтение которого автором заставило присутствующих гомерически смеяться.

После поэтов выступала М.А. Каринская, спевшая «На старой Калужской дороге», «Московскую тройку» и песенку о Руси на слова, слышанные артисткой от галлиполийских солдат. Затем выступала с рассказами г-жа Арнольд. Г. Воцакин «пропел» несколько надоевших поэм Игоря Северянина.

Присутствовавшие, слушая выступающих на эстраде, пили чай. В промежутках между исполнением номеров шла оживленная беседа.

По окончании программы экспромтом организовали хор. Пелись студенческие и народные песни. Пение затянулось до глубокой ночи.

В общем вечер прошел в уютной семейной обстановке.

Русская армия. 1919, 16 сентября

Л. Арнольд. Омский Парнас

Державный Омск не только выдерживал натиск красной бури, не только готовил поход на Москву и добивался от держав признания законным правительством России, не только кипел в котле политических интриг, но находил и людей и время для занятия поэзией или, вернее, отдыха в поэзии от страшного напряжения нервов, неизбежного, когда ведется братоубийственная война.

Собирались в Омске поэты и писатели зимою 1918–19 гг. где-то на Гасфортовском переулке, в одной из канцелярий в комнате, хотя и просторной, но очень неуютной.

Все были скромно, более чем скромно, одеты – неизбежный френч гражданской войны, одинаковый по сю и по ту сторону фронта, галифэ или даже просто обыкновенные брюки и сапоги, на плечах многих поэтов погоны, офицерские или вольноопределяющихся.

Многие имена стерлись уже в моей памяти, но, вот, помню ярче всех на этих собраниях подлинного поэта Георгия Маслова, писателя из столицы Сергея Ауслендера, в прошлом друга Михаила Кузмина, помню Буткевича, Н.Н. Каменского, какого-то местного омского смешного поэта, чуточку тронувшегося в напряженном желании обратить на себя внимание, Сорокина, имени его не помню, кажется, Антон, далее, должен быть включен в этот перечень Саша Бенедиктов, поэт из Москвы и Томска, купеческий сын, очень внешне привлекательный, который занимал, если хотите, «пост» офицера для поручений при председателе совета министров, потом Левушка Тихомиров, сын попечителя Западно-Сибирского учебного округа, который сочинил обо мне еще в университете очаровательный трио-

лет, юный артиллерийский прапорщик Николай Безсонов, так быстро и дико погибший – ему, на екатеринбургском фронте, оторвало снарядом голову, Михаил Барахович, уже с признанием, студент московского Коммерческого института, расстрелянный в конце 1919 года большевиками, Владимир Королев, именовавшийся Королевич, один из свиты знаменитого тогда экранного актера В.В. Максимова, жеманный и манерный, с которым мы когда-то, в первом классе гимназии, сидели на одной парте, а отцы наши служили по одному ведомству. Были и поэтессы, кажется, Надя Камова из Иркутска и Лидия Азадовская.

Когда приехали культурники из Перми: Вс. Иванов, Н.В. Устрялов, проф. Д.В. Болдырев, доцент Л.А. Зандер, поэт Леонид Тяжелов, развернувшийся впоследствии в белом Владивостоке, подошло лето 19-го года, потом началось великое отступление от Камы, с Урала и дальше за Тобол, даже и поэтам стало не до литературных собраний.

Бывали на этих собраниях и журналисты: из них, прежде всего, вспоминаю Г.Н. Шипкова, блестящего полемиста, потом, уже в Харбине, создавшего вместе с Лембичем «Зарю».

Как сейчас помню Сергея Ауслендера, худого, изможденного, как-то сбитого с толку революцией, потерявшего себя, чуть горбившегося, державшего папиросу в длинных пальцах, похожих на пальцы наркомана, с его болезненной и ласковой улыбкой, тихой поступью, тихим голосом, человека, который понял, что он все потерял, что имел, и потерял навсегда и проходившего сквозь строй страшной эпохи бледной тенью. Он, как я выше цитировал, написал об Адмирале Колчаке замечательную брошюру, весь пафос и искренность которой будут оценены даже нашими врагами, когда оттремят и отойдут на страницы истории грозы, делящей нас, русских, и по сей день на два неслиянных мира.

В те времена еще живы были там, в России, и Александр Блок и Гумилев, мы читали, и до исступления спорили, о «Двенадцати», кажется, тогда впервые я услышал «Двенадцать» в непередаваемо выразительном чтении бессмысленно сгоревшего в Харбине поэта Леонида Ещина.

Но, все-таки, самым талантливым среди нас был Георгий Маслов: душа этого юного поэта, почти мальчика, который молод был даже для своей студенческой тужурки поверх защитных галифэ, отошла в небытие в страдные дни отступления от Омска.

Маслов скончался в Красноярске, от сыпного тифа. Звезда его таланта и года не горела на небосклоне омского Парнаса, но он успел все-таки напечатать поэму «Аврора», его стихи печатались в лучших омских газетах и потом долго, несколько лет, перепечатывались, после великого отступления, в газетах Харбина и Владивостока.

Прирожденный мастер стиха, нежно и трепетно влюбленный в тридцатые годы прошлого века, он был бы украшением всероссийского литературного Пантеона, если бы не кровавая революция, не знавший пощады сыпняк.

Парнасец и пластик, Георгий Маслов вдохновенно собирал мед с цветов русской поэзии. Юноша, с едва пробивающимся пухом на верхней губе, он был уже не «начинающим» и «подающим надежды», а законченным мастером. Академичный, по-тютчевски скупой в словах, беспощадный к себе сектант строгой формы, он умел быть по-настоящему нужным, как Ахматова, и, в то же время, пребывал в своем творчестве напряженным, натянутым, как тугая тетива стихийной музыки Александра Блока.

О поэме Георгия Маслова несколько лет назад подробно и хорошо писал Вс. Иванов.

Из мелких стихотворений у меня на памяти сейчас одно, датированное 1 августа 1919 г. в Омске.

Сердце – горячая, алая рана,
А я думал – оно мертво.
Злая стрела золотого колчана
Лукаво пронзила его.

Серого меха вашей ротонды
И маленьких пальцев, неслышного: «да»
И вашей улыбки, как у Джоконды,
Мне не забыть никогда.

Мне хочется жизни – бесцельной и шумной,
Без грез и усталого сна,
Мне хочется петь, как Языков безумный,
О чарах любви и вина.

Забыть достиженья, паденья, ошибки,
Лететь в темноту и гореть,
И в жгучих лучах этой грешной улыбки,
На миг засияв, умереть.

Последнее желание поэта исполнила жестокая его Судьба: он летел в темноту и горел. Засияв на миг – он умер. Бедный поэт, скорбная омская муза.

Даже в хоровых солдатских песнях она была разяще печальна. Кто из тех, кто боролся в белом стане, не знает слов Сибирского марша:

Вспоили вы нас и вскормили,
Сибири родные поля,
И мы беззаветно любили
Тебя, страна снега и льда.

Теперь же грозный час борьбы настал,
Коварный враг на нас напал,
И каждому, кто Руси – сын,
На бой с врагом лишь путь один.
Мы жили мечтою счастливой,
Глубоко Тебя полюбив,
Благие нас все порывы,
Но кровью Тебя обагрим.
Сибири поля опустели,
Добровольцы готовы в поход.
За край родимый, к заветной цели,
Пусть каждый с верою идет.
Мы знаем, то время настанет,
Блеснут из-за тучи лучи,
И радостный день засияет,
И вложим мы в ножны мечи.

Подумать только, сколько из этой молодежи погибло, прежде, чем мечи были вложены в ножны. Да и вложены ли они по сию пору? Недаром молодая, уже харбинская, поэтесса недавно напечатала в сборнике своих стихов:

От себялюбия унылого
Веди нас, Божия рука, –
Путем Кутепова, Корнилова
И адмирала Колчака.

А те, кто оказались в эмиграции, как горек был для них, поэтов, не приспособленных к жизни, хлеб изгнания: никогда не забыть мне следующих строчек Леонида Ещина:

Какими словами скажу,
Какою строкою поведаю,
Что от стужи опять дрожу
И опять семь дней не обедаю.
Матерь Божия! Мне – тридцать два...
Двадцать лет перехожим каликою
Я живу лишь едва-едва,
Не живу, а жизнь свою мыкаю,
И, занывши от старых ран,
Я молю у Тебя, пред иконами:
– Даруй фанзу, курму и чифан
В той стране, что хранима драконами.

Какой Фирдуси, какой Верлэн сравнятся с нежностью и трепетом этих строф отчаяния молодого, недавно умершего и уже почти всеми забытого поэта,

В трагедии России поэты испили до дна чашу испытаний: не помню целиком, но никогда не забуду первых строф чудесного стихотворения Георгия Маслова, написанного в тот же роковой 1919 год.

Как я могу вас успокоить,
Я сам бездомный и усталый,
Я лишь целую ваши пальцы,
Смотрю в печальные глаза.
Досталось нам так много горя,
Что стали мы детьми большими.
Смеемся, плачем попережку,
Себя находим лишь в вине.

*Л.В. Арнольд. Жизнь и революция: гроза пятого года.
Белый Омск. Шанхай, 1935. С. 246–252.*

Вс.Н. Иванов. Конец Омска

<...> Наступило 13-е ноября. Мы по-прежнему выпускали «Нашу Газету», телеграфировали в Иркутск о положении и готовились к отъезду. Было очевидно, что на железную дорогу рассчитывать нельзя, и для этого были приготовлены лошади. Днем 13-го ноября мы ездили на ст. Омск. Была страшная метель. Сухой, резкий снег с ветром несся по огромной площади вдоль ветки, тучами плавал между обнаженными печальными деревьями, и покосившись на бок, наклонившись вперед, шли, ехали верхами, двигались конные, пешие части, громыхала артиллерия, летали искры от походных кухонь.

Ввиду обстановки, которая воцарилась в «России» с приходом частей, пришлось переселиться в помещение Р. Б. П. (Русского Бюро Печати. – *Ред.*). Да это и было необходимо, потому что начиналось растаскивание вещей, обстановки и запасов.

Началось дело с того, что две прислуги с грохотом поволокли по коридору огромный шкаф, стулья и прочая мелочь была уже утащена. Когда я запротестовал и приказал оставить его на месте, мне были предъявлены весьма веские обвинения в контрреволюционности и угрозы.

То же самое пришлось наблюдать в нашей огромной типографии. Совершенно случайно я открыл, как со двора вереницей подвод вывозились запасенные на зиму дрова. Это действовали рабочие типографии. Везли также бумагу, шрифты и прочее.

С одной стороны, это было выгодно для нас, потому что создавало затруднения для дела, которое неминуемо должно было попасть в руки к нашим противникам. С другой стороны, такая «ликвидация» была просто поощрением самых отвратительных инстинктов, на которых построен большевизм. Для колебания не было места. Я созвал комитет рабочих нашей типографии, и просил его принять все имущество типографии, все запасы в их же собственных интересах.

В эти же дни нами был выпущен большой плакат, под заглавием «Что будет?». В нем говорилось о том, что будет, когда Омск будет занят красными. Во-первых, откроется путь в голодную Россию, – куда и повезут обильные сибирские запасы, почему жители получают взамен карточки. Во-вторых, на востоке образуется фронт, который отрежет эти места от снабжения и, таким образом, подвергнет их всем лишениям. В третьих, «так как хлеб есть только там, где есть мало-мальски сносный порядок и власть», то хлеб исчезнет, и вместе с этим большевики выдвинут новый лозунг – «В Маньчжурию за хлебом».

Я с удовольствием могу констатировать, что так и случилось, хотя бы в этой истории с Забайкальской пробкой. Краснощеков подтвердит мои слова...

Далее предсказаны были мобилизации, чрезвычайка и т. д. Афиши обильно расклеены были по всему Омску.

Под вечер 13-го ноября пошли мы с Ауслендером в крепость искать, во-первых, Д.В. Болдырева, который жил у ген. Тарейкина, а затем в штаб Омской группы, осведомиться о положении вещей. Штаб Главнокомандующего ген. Сахарова уже ушел из Омска, а штаб 3-ей армии еще не прибыл.

Буря продолжалась. Ветер выл и мел снег по черным сумеречным улицам города и особенно бушевал в крепости. У старого деревянного здания гауптвахты, так напоминавшего мне постоянно «Капитанскую дочку», при тусклом свете фонаря, возились солдаты, вытаскивая какие-то ящики с казенными канцеляриями. На наш вопрос, где живет ген. Тарейкин, никто ответить не смог, да и не захотел. Пошли дальше. На черном фоне Иртыша плясали белесые снега. В одном доме сквозь ставни лучились яркие линии света. Я зашел туда в оставленные, разгромленные комнаты:

– Чья квартира?

– Атамана Иванова-Ринова...

Относительно адреса ген. Тарейкина я ничего не добился и тут.

Было совершенно темно, снег слепил глаза, ноги вязли в сугробах, горками лежавших поперек тротуара. И вдруг, среди воя, свиста, шума, шуршания снега, издали, тихий и гулкий, как вздох, донесся пушечный выстрел...

Вот он, первый, вестник нападающей силы, темной, хаотической, жуткой, как этот вечер, как эта метель в пригнувшемся, опустевшем городе.

Черный вечер,
Белый снег...
Ветер, ветер,
На ногах не стоит человек.

Недаром так начинается пророческая поэма Ал. Блока «Двенадцать».

Я невольно вспомнил эти стихи; в Перми они приходили мне в голову, когда однажды в такую же вьюжную непогоду мне бросилось в глаза полотнище красного флага, перелетавшего через улицу с надписью: «Октябрь – осень буржуазии, весна пролетариата».

Страшна она, эта черная, похоронная осенняя весна. И ведь, действительно, все успехи большевиков как-то всегда именно выпадали на позднюю осень...

В Р. Б. П. было светло, тепло. Пустые помещения были заняты солдатами, ижевцами и воткинцами – вот он, нахлынувший фронт. И после сумятицы разбежавшегося бессильного Омска, после этой вьюги тыловых мнений, так отрадно приятны были и спокойные души, и спокойные разговоры фронта.

– Да, мы подняли восстание, – говорил один из солдат, – да, почему? Да потому, что мы приучены к свободе. У нас и в старое-то время полиция в заводе по струнке ходила, безобразия не делала, так почему же мы должны сносить обыски после революции? Мы жили в заводе тихо и мирно, у каждого свое хозяйство, коровы, куры, земля. А тут наехали питерщички, ни кола, ни двора, отвалил свое на заводе кой-как, да и за поучение. И то не так, да это не так... Ну, вот и пошло дело.

И столько силы, столько убеждения было в правоте слов этого простого человека, столько понимания ценности жизни и своего труда, что становилось весело, что есть еще такие мудрые, спокойные и твердые люди среди русского народа.

Заснули на столах, а на утро, в синем полумраке рассвета разбудили нас двойные, глухие, настойчивые удары пушек.

По веселому, ясному, морозному дню поехали на станцию, чтобы в штабе 3-ей армии узнать о положении дел. Сияло солнце, у «России» выстроился сверкающий разноцветными флажками какой-то казачий конвой. На железном мосту была страшная толкучка. Тянулись обозы, части, экипажи...

Иртыш был совершенно спокоен и тих под свежим сияющим снегом, с лазоревыми пятнами льда кое-где... Ветер, должно быть, переменялся, так что перестали быть слышными звуки пушек и абсолютно спокойной была эта снежная, широкая, степная даль с красной паровой мельницей...

На вокзале сплошная давка. Что-то нагружали, что-то выгружали, что-то грабили. У перрона стоял большой поезд штаба 3-ей армии... Из

дверей вокзала вышел высокий, тонкий генерал Каппель и быстрым шагом в сопровождении нескольких офицеров направился к вагонам.

Генкварм, полковник Ловцевич, сообщил мне о положении. По его словам, «части стягивались к предместным укреплениям города Омска». На вопрос, когда он считает, что надо уезжать из Омска, он дипломатически сказал:

– Сегодня вы можете быть совершенно спокойны, а завтра с утра нужно вам ехать, потому что может случиться неприятность...

На наших глазах тронулся на восток огромный разноцветный состав штаба ген. Каппеля.

Вернулись в Р. Б. П. и с тяжелым чувством стали готовить последний номер «Нашей Газеты». Написал я небольшую статейку, дал «Сводку», телеграфировал об этом в Иркутск.

Во время чтения оттиска №, около часа дня, вдруг вбежал в кабинет один из ижевцев, взял свой мешок.

– Вы куда?

– Выступаем. Красные цепью идут уже через Иртыш, да и пулеметы вкочнут...

Я вышел на улицу. Действительно, со стороны Иртыша доносились стрекотание пулеметов и ровно, не умолкая, били орудия.

Надо было выступать и нам. Я спустился на двор, распорядиться кучеру запрягать. Но каково же было мое изумление, когда лошади оказались запертыми на крепкий замок во внутреннем дворе дома, а кучера нигде не было!

Я вспомнил, что он за полчаса до этого при ходил ко мне за советом, где ему достать топор, чтобы изладить что-то в санях. Очевидно, перепугался стрельбы и не пошел обратно, потому что намеренно исчезнуть он не мог: я его знал еще в Перми, где он укрывал меня у себя на кордоне в лесу...

Поднявшись наверх, я ожидал его еще с полчаса, но больше ждать было уже нельзя. Выстрелы стрекотали где-то совсем близко; по площади тревожно бегал народ.

Ко мне все время прибегали за советами рабочие. Дело в том, что часов в 10 утра в нашей типографии были отпечатаны и распространены по городу приказы за подписью одного официального лица, кого именно, к сожалению, не помню. Согласно приказу, все мужское население гор. Омска от 18 до 41 года должно было собратся к 1 часу дня к воинскому начальнику, чтобы походным порядком выступить из города, дабы не пополнять частей неприятеля.

Я не видал никогда более фантастического плана! Чтобы несколько десятков тысяч человек гражданского населения, неустойчиво настроенного, собрались в полтора часа, без теплой обуви, без одежды, в яркий ноябрьский мороз, пешком тронулись из города, неизвестно куда, без пищи, без каких-либо приспособлений!

Я счел поэтому себя в праве давать нашим рабочим удостоверение, что так как они заняты в нашей типографии до последнего момента, то они выйдут позднее...

Во время объяснений этих вдруг раздались выстрелы уже на самой площади, между домом Липатникова, где помещалось Р. Б. П., и театром. И мгновенно до того пустынная площадь вся почернела от бегущего в одну сторону народа. Бежали офицеры, солдаты, женщины, дети... И с каждой группой выстрелов то в одном, то в другом направлении росла паника, становясь фантастической, чудовищной.

Надо было идти. И вот я взял ружье, Ауслендер – небольшой чемоданчик, и мы тронулись в далекий путь, который для меня кончился лишь в марте месяце...

Узеньким переулком, в несущейся толпе народа, вышли мы к деревянному мосту через р. Омку. Длинная шуба моего спутника мешала ему идти, и я посадил его против воли возницы в какие-то обозные сани, запряженные парой лошадей...

На мосту был затор, по мосту велась стрельба со стороны железного моста. Охнув, присел один солдат, упал другой. Наш возница обрезал построики у пристяжной, сел верхом и ускакал, благословив нас на прощанье крупным словом... Мы, таким образом, получили лошадей...

При въезде с моста на гору у бань случилось небольшое несчастье. Какая-то повозка, обгоняя нас, поддала оглоблей под нашу оглоблю, и наша лошадь распряглась...

Пришлось остановиться и первый раз в жизни учиться запрягать лошадей, и при какой обстановке – под гулкую, городскую трескотню выстрелов, под неистовую, дикую ругань несущегося кругом потока повозок и саней.

К этому еще присоединился звонкий, близкий, беглый огонь артиллерии по городу с треском разрывов... Наконец лошадь тронулась, и, мало по малу, мы выбрались за городскую черту...

Как передавали потом, красные входили в город со стороны Загородного сада и Иртыша... И в это время среди маленьких, низеньких домиков окраин Омска разыгрывались тяжелые сцены... Женщины плакали, стоя у ворот. Я видел, как какой-то офицер, присев за поленницей, срывал с себя погоны.

Наконец, выехали за город... Я никогда в жизни не забуду той картины, которая развернулась перед нами...

Вдаль, по предвечерним степным просторам уходила бесконечная вереница обозов. Точно такие же линии тянулись в версте справа и слева – по дорогам вдоль ж.-д. полотна и по берегу р. Омки. Раздавался лишь монотонный скрип саней, да хруст шагов пеших...

Скоро стало садиться солнце... Его румяный, пылающий закат полосами стал прорезать клубы дыма. А когда погас закат, на его месте встало вишневое зарево пожара...

Закат Омска. То горели колоссальные склады на Московке. Такие же склады были и на вокзале в Омске, в пакгаузах, в складах, и все эти огромные запасы обмундирования, вооружения, снаряжения, оставались красным. Между тем, некоторые наши части, как, напр., Егерский батальон, отходили от Омска без теплой одежды, без валенок, в кожаных сапогах.

Была удивительная, звездная ночь, степная ночь, в которую я впервые в своей жизни видел звездный свет. Света не было ниоткуда, а словно облитые бледным голубоватым дымным сиянием и справа и слева двигались черные фигуры русских людей. Сзади горело зарево...

Часов около 12-ти ночи, впереди показалось зарево... Им было обозначено большое село Сыропятово на берегу реки Омки. Расположенное в лощине, окруженное черными силуэтами ветряных мельниц, в недвижимом дыму, золотом от окружающих костров, так как ночующие не умикались в избах, оно имело какой-то исконно-древний вид. Словно, половецкий стан во всей своей первобытной красе развернулся перед нами.

И впрямь, это были кочевники. У костра, где мы притулились, сидела семья беженцев. Из Пермской губернии путешествовали они перед армией, пересекли Урал, и теперь сидели на пороге в западно-сибирские степи.

Седой старик ловко подкладывал прутик за прутиком в ровно горевший костер, сейчас же начиная дремать в перерывы. Старший его сын лет 45, развалившись смотрел на огонь неподвижными глазами. Были и какие-то ребятишки. Было видно, как угнездились они с матерью под с трех сторон закрытой телегой со всем добром, четвертою, открытой стороной, поглощавшей живительное тепло.

Я не буду передавать бесхитростного рассказа сына. Скажу только, что с ноября по февраль он жил в лесу, о чем знала только его дочь... Чтобы не замерзнуть ночью, всю длинную зимнюю ночь он ходил... В лесу была такая просека – пройдешь ее туда и назад два раза и ночь вся. Чтобы не видать было следу, дороги он перескакивал с куста на куст с длинным шестом, как заяц. Через две ночи в третью выходил он на условное место, где дочь ему клала еду. Только с приходом белых вышел он из своего звериного быта...

– А теперь куда едете?

– А до Томскаго, что-ли, – спокойно отвечал он.

И не надо думать, что он – единица. Таких, как он, тысячи, десятки тысяч. Это они заняли село Сыропятово, набили все избы до того, что стояли в них, как в церкви в Христов день, это они разожгли костры, это они идут неизвестно куда-то на восток.

Уселись у костра... Есть было нечего. Беженцы ели муку, разболтав ее горячей водой. Одолевала дрема. Столбы дыма казались какими-то стенами, чудился дом, самовар, и простые, спокойные речи. И когда, после клевки носом, возвращалось сознание, и звезды проглядывали сквозь летучие стены, сердце замирало, словно от головокружения.

Часов около двух ночи разбудил своего спутника. Надо было попытаться застать штаб 3-ей армии на ст. Кормиловка.

Распросив дорогу, выехали. Словно розовый фарфор, блестяла степь над низким ущербным месяцем. Дороги не было видно нипочем. Неожиданно навстречу нам из предутренней мглы вывернул огромный гурт скота. Тяжкие, круторогие быки шли плотной, сомкнутой массой, гнали их солдаты.

– Вы куда?

– На Кормиловку. А вы?

– Тоже.

Очевидно, кто-то из нас сбился. Проплутав час, полтора, перед светом, на зарево костров вернулись в Сыропятово.

Тут бедный Ауслендер, задремав у потухшего костра, жестоко обморозил себе обе ноги.

Встала заря, и длинной лентой снова потянулись навстречу ей подводы. Поехали и мы. И вот, по пути, шагах в пятидесяти от дороги, в снегу, стояли чьи-то первые сани, груженные добром. Одна лошадь лежала мертвой около саней, на другой – сани были парные, – очевидно, хозяин уехал за помощью... С дороги к саням понеслась чья-то любопытная фигура, другая, третья, и сейчас же бегом возвращалась обратно, таща кто самовар, кто красную подушку...

– Самое страшное, – говорил покойный адмирал Колчак, – это большевизм в душах.

Всеволод [Никанорович] Иванов. В гражданской войне.

(Из записок омского журналиста). Харбин, 1921. С. 37–46

Содержание

А.Г. Елфимов	
«Не развесть межой...»	5
Л.К. Полежаев	
Новые страницы ушедшего времени	7
И.Г. Девятьярова, В.И. Хомяков	
Культурная жизнь Белой столицы. Омск, 1918–1919 годы	9
А. В-В	
На страстной неделе	28
Вера	30
Будущий герой	30
Н. АРКАДИНА	
«Взглянув в твои глаза, я вспомнила так живо...»	32
«Пусть меня оскорбили жестоко...»	33
Огоньки	33
«Всюду чужая, чужая!»	34
«Была вокруг немая мгла...»	34
«Ласки и участья...»	35
Алексей АЧАИР	
«Златоткани лучей на проталинах...»	36
«Снег темный... Высокие санки и мех...»	37
Омск	38
Корабль судьбы	39
Прощание	39
Цветы и хлеб	40
«Заздравная киса наполнена вином...»	41
Неудача	41
Апатия	42
А.Ю. Б-Д	
В дни печали	43
Таисия БАЖЕНОВА	
Осыпались березоньки	44
«Еще не погибли казацьи станицы...»	45

Спящий город.....	45
Последним вечером.....	46
БАРЫБА	
Полтинушка.....	47
БЕЖЕНЕЦ	
«Жду я дней, когда кусты смородины...».....	48
А. БЕЛЕНИНОВ	
Из альбома оренбургского казака	
I. Около фронта.....	49
II. Кошмар.....	50
III. На помощь.....	51
IV. В глубоком тылу.....	51
А. БОЛХОВСКОЙ	
1919-ый год.....	53
Руины.....	54
Жизнь.....	55
Минувшему.....	56
Офицер.....	57
Мать.....	59
Заря с востока.....	60
Ранение.....	60
«Цыганка черная на угольях горящих...».....	61
«В утре солнечном и звонком...».....	62
Похороны партизана.....	63
Адам.....	64
После плена.....	67
Тогда и ныне.....	67
Александр БУЛДЕЕВ	
«Мы все – изгнанники в холодных долах...».....	69
Илья БУНТАРЬ	
Украина.....	70
Поэту.....	71
Воину.....	71
Осень.....	72
Давид БУРЛЮК	
Омское.....	73
В. А. В.	
Молитва.....	74
В. П. Ч.	
Родина.....	75
В.-ИН	
К оружию.....	76

Александр ВЕНЕДИКТОВ	
Шарабан.....	77
В Москву.....	79
Отъезд.....	79
Юрий ВЕРХОВСКИЙ	
«В ночной лазури свет стилетный...».....	81
«Когда ты телом изнемог...».....	82
«Поздними цветами...».....	82
«Можно быть счастливым...».....	83
«Ты хочешь легких песнопений...».....	83
А. ВЕХОВСКИЙ	
Праздник Рождения.....	84
ВНЕПАРТИЙНЫЙ	
Совдеповские частушки.....	85
Александр ВОЩАКИН	
Радиотелеграф.....	87
Омску.....	89
Эвакуация. Из цикла «Современность».....	90
Эти дни. Из цикла «Современность».....	90
Георгий ВЯТКИН	
«День уходит. В свете месяца...».....	93
Мать.....	93
Женщины в трауре.....	95
«Любовь распяли на кресте...».....	95
Не забудем о черной измене.....	96
Усталому.....	97
Новая весна.....	98
Отечество.....	98
Огни.....	100
«Только тем неземное снится...».....	101
«Говорил лицемерно и грубо...».....	102
В святую ночь.....	103
Колокольчики.....	104
Москва.....	107
Идущим вперед.....	108
Огненный Столп.....	109
В красных масках.....	109
Из гражданской лирики Франческо Петрарки.....	110
Ясный вечер.....	111
Новый гимн.....	112
ГЕЙНЕ ИЗ ОМСКА	
Песнь о вещем Совнаркоме.....	113
Г. ДРУЖИНИН	
На Голгофе.....	115

ЗЕМЛЯК	
Частушки.....	117
За зло добром.....	118
Новое вино и старые мехи.....	119
Грязь.....	121
ИЗГНАННИК	
Из песен изгнанника	
Набат.....	122
Гимн.....	123
Настроения.....	123
Дмитрий ИЗГОЙ	
На чужбине.....	125
ИЛЬИЧЕВСКИЙ	
Невероятное происшествие.....	126
Родине.....	127
Сказка о большевике и Иване Дураке (Как большевик Ивана Дурака обманул).....	128
И. МОЛ-ВА	
Старый дом.....	142
Видение.....	143
Михаил ИМРЕЙ	
Минувшее.....	144
Сибирь.....	145
Вальс.....	145
Настроение.....	146
В часовне.....	147
КЕРЖАК	
Из «Муравьев».....	148
«Нежданно встала у порога...».....	149
«Метелью тоскливой и нудной...».....	150
«Под дождик осенний так крепок наш сон!...».....	151
Axeh Strasse.....	152
«Морозы негаданно сдали...».....	153
КОНЕК-ГОРБУНОК	
Красная каша.....	154
Печальная пародия.....	155
П. КОРСАК	
«Астра прекрасная, астра печальная...».....	156
К. Р. Е.	
«Когда под тяжестью жизни я паду...».....	157
И.А. ЛАВЕНСКИЙ	
Касания.....	158

Евгений ЛЕСОВОЙ	
Часы.....	159
Донесение.....	160
Сонет прошлому.....	161
Настроение.....	162
В безлюдье.....	162
Л. Т.	
Позабитый.....	163
М. Г.	
Серая шинель.....	165
Георгий МАСЛОВ	
«Для страданий, горших вдвое...».....	166
Декабрист.....	167
«Майского солнца горячего...».....	168
Послание к другу.....	169
«Рука судьбы разъединила...».....	170
Антону Сорокину.....	170
«Июльской душною ночью...».....	171
М. В. М[аслову].....	171
«Как я смогу вас успокоить?..».....	172
Родине.....	173
Мои стихи.....	174
Кольцо.....	175
«Вдыхаю аромат черемух...».....	175
«Скину красную рубаху...».....	176
Парижанину.....	176
«Буду Ваню поджидать...».....	177
«Всходит месяц над поляной...».....	177
Кольцо (отрывки из поэмы).....	178
Из цикла «Изгнание»	
«Пора стряхнуть с души усталой...».....	180
«Четыре года мелькнули...».....	181
На часах.....	181
«Проходит тревога...».....	182
Дон Жуан. Комедия в 1-м действии.....	183
Аврора.....	190
Елена МАСЛОВА	
«У этой ромашки такие длинные...».....	197
Вл. МЕНЕСТРЕЛЬ	
«В эти дни с золотыми мечтами...».....	198
На смерть Л. Андреева.....	199
Бал.....	200
Тени.....	201
Крестonosцы.....	202
Коммунисты.....	203

И. МИЛЮТИН	
«Чист и ясен свод небесный...»	205
Арсений МИТРОПОЛЬСКИЙ (НЕСМЕЛОВ)	
Винтовка № 5729671	206
Новобранец	208
Родине	209
Н. Д-ЛЬ	
Легенда о Суворове	210
Я верю!	211
НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР	
Горькая дума	212
НИКТО-НЕ	
Страдал ли кто	213
Мертвецы	213
Разговор у окна	215
Н. ОХОТИН	
Из песен изгнанника	216
Христос Воскрес	217
П. З.	
Молитва	218
П. К.	
К беженцам	219
Алексей ПЕТРЕНКО	
Камни	220
Граф. Н. ПОДГОРИЧАНИ	
Рыцарь	221
Сибири. Триолеты	
Сибиряк	222
Сибирячке	222
Лес	223
Ковыль	224
Ветер	224
Осень	224
Снег	225
Мед	225
Вечная смена	225
«Не хочет»	226
Пелемени	226
«Всею свой час, всею назначен срок...»	227
Жалоба	227
Нечаянно	228
«Шагами мерными ступая...»	229

Аэроплану	230
Увы!	231
Василий П-ЧНЫЙ	
Санитарный поезд	250
Весной	251
«В самом себе – подземный крот...»	251
В сумерках	252
Вера РАКИНА	
За Русь!	253
Жизнь идет	254
Воскресни!	255
России	256
РОЛАНД	
Весенние рифмы	257
«Квартиры нет... Великий пост...»	257
Леонид РУТКОВСКИЙ	
Заблестела заря	258
«Весенний день так горяч и золот...»	259
Красному демону (<i>Ленину</i>)	259
Григорий РЯЖСКИЙ	
Из «Гимнов Марии»	
Ave Maria	262
Mater Dolorosa	263
И.Н. СКРЫПЧЕНКО	
Вперед! За Родину! Вперед!	264
Розы	265
Возмездие	266
«Ъ» или «Е»	267
Молитва	268
Сыну добровольцу	269
Повеяло теплом	270
Игорь СЛАВНИН	
Раскаленные камни	271
«Еще смеется птица Сирия...»	273
Рыцарям полумесяца	274
России	275
СОБ.	
«Пушкарь не спит и правит пушкой...»	276
Юрий СОПОВ	
Сочельник	277
Призыв	278
Шахматы	279
«Почему в этом городе здания белые?»	280

ФОТИЕВ НИФ	
Приказ Троицкого.....	281
А. ФРОЛОВ	
Сонет.....	283
Борис ЧЕТВЕРИКОВ	
«Я люблю смотреть на танец звезд...».....	284
Во мгле.....	285
ЧЕТ НЕЧЕТОВ	
Шарабан.....	287
Всеволод ЧУВИЧ	
«Из милой дали воспоминаний...».....	288
«Далеко, далеко, когда еще оба...».....	289
Николай ШЕСТАКОВ	
Гражданская война.....	290
Владимир ЮНУСОВ	
Перед боем.....	291
Старый дом.....	292
Жаворонок.....	293
В лесу.....	294
У реки.....	295
Из песен о зиме. Снежинки.....	296
Колокольчики пели.....	297
В марте.....	298
Валерий ЯЗВИЦКИЙ	
Россия (<i>К мирной конференции</i>).....	299
Родине.....	300
«Есть страны, где розы теперь распускаются...».....	300
Пускай.....	301
«Стонут и мечутся вьюги февральские...».....	301
В марте.....	302
Из «Антара».....	303
«Порой так огненны закаты...».....	303
В весенний день.....	304
Sans paroles.....	304
На славном пути.....	305
Все в прошлом... (<i>Картинка из XVIII века</i>).....	305
Протопоп Аввакум.....	307
Из прошлого.....	308
В роще.....	309
«О, Русь великая! Твоя Голгофа длится...».....	309
В полях.....	310
«Я люблю – как, шевеля лениво лопасти...».....	310
«Наш путь жестоких испытаний...».....	311
Карпаторуссам.....	311

Приложения	
Аргус [А. Громов]. Литературно-художественный кружок.....	313
Б. Четвериков. [Вечер у Нины Подгоричани 4 марта 1919].....	314
Е. Белов. Футуристы в Омске.....	317
Д. Бурлюк. Литература и искусство в Сибири и на Дальнем Востоке (1919–22 г.) (заметки и характеристики очевидца).....	318
В. Виленский. Писатели – перебежчики.....	319
А. Буддеев. О поэзии.....	321
В литературно-художественном кружке.....	327
Л. Арнольдов. Омский Парнас.....	328
Вс.Н. Иванов. Конец Омска.....	332
Благодарение.....	348

Благодарение

Красив человек, живущий не только для себя, который через дело своё понимает, что она есть, жизнь, и что в ней действительно ценно.

Многие многого ищут в земном и скоротечном бытии. Одних манит власть над людьми, другие упоены накоплением денег и только ими питают ненасытимую гордость своего сердца. А дальше-то что – когда все земные приманки и удовольствия окажутся зияющей тёмной ямой? Но этот вопрос – не вопрос наших благодарителей, имеющих «память смертную», посильной помощью возвративших нам строки, наполненные высокой трагедийностью и благородством, вернувших Омску и России в целом имена поэтов, по которым прошёлся каток Гражданской войны.

Поэты Белой столицы были вычеркнуты из русской литературы на долгие десятилетия. По обычным меркам короткой человеческой жизни они проиграли, но, не опозорив себя бесчестием, пройдя через мучительные жертвы, попали в райские обители.

В «земную» жизнь их вернули нам красивые люди, живущие не только своими, необходимыми городу и стране делами, но и бескорыстным участием в святом деле воссоединения разорванных нитей истории, и за это им – честь и слава на все времена.

С особой для себя честью издатели антологии называют их имена, достойные сердечной признательности в нынешнем и благодарной памяти в будущем:

Бабаджан Армен Эдуардович –
генеральный директор ООО «АВА компани»,

Зубакин Василий Александрович –
начальник департамента ПАО «ЛУКОЙЛ»,

Калинин Сергей Петрович –
председатель совета директоров
ООО «Холдинговая компания “Акция”»,

Кошель Денис Евгеньевич –
председатель правления ООО «Музыка и кино»,

Кручинский Павел Николаевич –
генеральный директор ООО «МИАРД-недвижимость»,

Крынин Владимир Дмитриевич –
генеральный директор ООО «Аква-Пластик»,

Титарёв Виктор Владимирович –
старший партнёр ООО «Рэдиум Инвестиции»,

Шкуренко Виктор Васильевич –
председатель совета директоров сети магазинов «Низкоцен».

**Библиотека Альманаха
«Тобольск и вся Сибирь»**

Издательский отдел Тюменского регионального
общественного благотворительного фонда
«Возрождение Тобольска»

Генеральный директор издательского проекта
Аркадий Григорьевич Елфимов

Над книгой работали:

Редактор
Ю.П. Перминов
Составление
В.И. Хомяков, И.Г. Девятьярова
Макет
Г.И. Метченко
Верстка
Е.Г. Метченко
Корректор
А.И. Порошина

Составители благодарят Тобольский государственный
историко-архитектурный музей-заповедник, а также Лепову Г.В.
и Малышеву Е.Д. за помощь в подготовке сборника.

На обложке воспроизведена композиция неизвестного художника «Несущий
крест» (1910-е. Бумага, смешанная техника) из собрания Омского музея
изобразительных искусств им. М.А. Врубеля.

Формат 70x100/16
Гарнитура JournalC. 22 п. л.
Тираж 1000 экземпляров

Faint, illegible text on the right side of the page, possibly bleed-through from the reverse side.